Казахский Национальный университет имени аль-Фараби

УДК 343 (043.3)

На правах рукописи

ДАНИЯРОВ САНЖАР ДАУРЕНОВИЧ

Уголовно-правовые и криминологические проблемы злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти или должностных полномочий

8D04203 – Юриспруденция

Диссертация
на соискание степени доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
Заведующая кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
КазНУ имени аль-Фараби, д.ю.н., профессор,
Джансараева Р.Е.

Зарубежный научный консультант:
PhD, профессор колледжа криминологии и
уголовного правосудия Университета штата
Флорида Кевин М. Бивер

Республика Казахстан
Алматы, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ…… 3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ...……... 4
ВВЕДЕНИЕ……... 5
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ…...…….. 15
1.1 Эволюция и тенденции развития норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за превышение власти и злоупотребление должностными полномочиями…… 15

1.2 Социальная детерминированность уголовно-правовой охраны отношений в сфере реализации должностных полномочий……. 25
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ……...……... 37
2.1 Объективные признаки составов уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан…… 37
2.2 Характеристика специального субъекта и признаков субъективной стороны при злоупотреблении должностными полномочиями и превышении власти и должностных полномочий…..... 61
2.3 Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий……..……... 88

3 КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ …… 103
3.1 Причины и условия совершения уголовных правонарушений в сфере реализации должностных полномочий…… 103

3.2 Характеристика личности государственного служащего, совершающего злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти и должностных полномочий……..…… 116
3.3 Зарубежный и национальный опыт формирования системы предупреждения злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий……. 131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 142
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ…….. 146
Приложения

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящей диссертации использованы ссылки на следующие стандарты:

1. ГОСТ 7.32 – 2001 (изменения от 2006 г.). Отчет о научно-исследовательской работе. Структура и правила оформления.

2. ГОСТ 7.1 – 2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АГС	Агентство по делам государственной службы
АППК	Административный процедурно-процессуальный кодекс
ВС	Верховный Суд
ГП	Генеральная прокуратура
ДП	Департамент полиции
КНБ	Комитет национальной безопасности
КНР	Китайская Народная Республика
КоАП	Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях
КПСиСУ	Комитет по правовой статистике и специальным учетам
МВД	Министерство внутренних дел
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
п.	пункт
РК	Республика Казахстан
РФ	Российская Федерация
СБ ООН	Совет Безопасности Организации Объединенных Наций
СНГ	Содружество Независимых Государств
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	статья
США	Соединенные Штаты Америки
УК	Уголовный кодекс

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблемы предупреждения злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти или должностных полномочий находятся в фокусе современной повестки реформ государственного управления. Казахстан выбрал курс на создание сервисной, человекоцентричной модели государственной службы и, нормативно закрепляя эту цель, определил новые требования к законности управленческих решений, персональной ответственности и профессиональной добропорядочности. Данная установка прямо следует из Концепции развития государственной службы на 2024–2029 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 17 июля 2024 года, где приоритетным вектором обозначено создание сервисной модели с приоритетом интересов граждан и качества публичных услуг [1].

Это также подтверждение ключевых направлений, определенных Концепцией развития государственного управления до 2030 года, в которой зафиксирован переход к человекоцентричной архитектуре управления: «Люди прежде всего», требующий понятных и подотчетных процедур принятия решений и, следовательно, точных формулировок законодательства, включая уголовно-правовые средства охраны служебной дисциплины от любых злоупотреблений властными полномочиями [2].

Эти цели находятся в неразрывной связи с антикоррупционной политикой государства. Как отметил Глава государства на одном из совещаний по вопросам противодействия коррупции, бескомпромиссная борьба с коррупцией является одним из основных приоритетов государственной политики [3]. По его мнению, чтобы установить верховенство закона и построить настоящее правовое государство, прежде всего, нужно искоренить коррупцию. В логике данного курса 2 февраля 2022 года Указом Президента Республики Казахстан №802 утверждены Концепция антикоррупционной политики на 2022–2026 годы и План действий по ее реализации [4].

Реформы в сфере государственного управления продолжаются и новый импульс этой повестке задает Послание Президента К.-Ж. Токаева от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию». В нем изменение государственного управления определено ключевым условием технологического рывка, который предстоит сделать нашей стране в ходе повсеместной цифровой трансформации. Соответственно, требуются кратное повышение прозрачности, эффективности и человекоцентричности управленческих процессов [5].

Такие стратегические установки государства предопределяют актуальность выбранной темы исследования, поскольку без действенных превентивных механизмов и точных уголовно-правовых границ переход к сервисной и человекоцентричной модели рискует столкнуться с институциональными «узкими местами» – от неучтенных цифровых рисков до произвольной дискреции, способной перейти в преступное злоупотребление

должностными полномочиями или превышение власти (должностных полномочий).

Исследование эмпирических материалов подтверждает большую распространенность коррупционных правонарушений, причем среди них преобладают именно деяния, квалифицируемые по ст. 361 УК Республики Казахстан «Злоупотребление должностными полномочиями» [6]. Типичной практикой выступает использование предоставленных полномочий вопреки интересам службы, прежде всего, в распорядительных и имущественных решениях, при оказании административных услуг, распределении ресурсов и в тендерных процедурах. Поэтому закономерен факт, что доля злоупотреблений полномочий выше доли деяний в виде превышения власти в общей статистике коррупционных правонарушений: за 2024 год в ЕРДР зарегистрировано 152 дела по ст. 361 УК РК и 47 по ст. 362 УК РК [7]. Дополнительно, по сводке за 2024 года действовавшего на тот момент Агентства по противодействию коррупции, к уголовной ответственности были привлечены 52 лица по ст. 361 УК РК, из них 31 человек был осужден по делам, расследованным Агентством, что подчеркивает устойчивость этой категории в правоприменении [8].

Распространенность злоупотреблений должностными полномочиями среди уголовных правонарушений, совершаемых госслужащими, вполне объяснимо: злоупотребление чаще возникает в «сервисных» и распределительных процессах, где возникают возможности и соблазны подмены публичного интереса частными, тогда как превышение власти (ст. 362 УК РК) связано с выходом за пределы четко определенной нормативной служебной компетенции и встречается реже, при этом и доказывается сложнее. Широкие зоны административного усмотрения, когда правила допускают неоднозначное толкование и решение зависит от человека, а не от стандартизированной процедуры, влекут за собой распространение злоупотреблений и превышений.

Фактором риска можно признать также бюрократизированные административные процессы с необходимостью множества согласований должностными лицами. Зачастую не выявляются своевременно ситуации с конфликтом интересов, сохраняется низкая прозрачность распределения денег и имущества, организации и проведения и государственных закупок.

Все это создает возможности для совершения государственными служащими различных уголовных правонарушений. Практика при этом неравномерна: похожие случаи квалифицируются по-разному, в силу чего не реализуется в полной мере принцип неотвратимости наказания. Кроме того, статистические данные КПСиСУ ГП РК по статьям 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан подтверждают, что злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти представляют собой факторы, наносящие прямой и ощутимый экономический ущерб государству. Так, только за 2024 год по преступлениям, предусмотренным ст. 361 УК РК, установленный размер материального вреда превысил 121 миллиард тенге, по ст. 362 УК РК также зафиксирован значительный ущерб в сотни миллионов

тенге [2]. Сложившаяся ситуация подтверждает, что должностные злоупотребления представляют собой системную угрозу экономической безопасности государства.

Рост масштабов и усложнение форм коррупционных проявлений в органах государственной власти обуславливает необходимость глубокого научного осмысления уголовно-правовых и криминологических аспектов злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти. На практике расследование и квалификация подобных преступлений сопряжены с противоречивыми подходами к понятиям «должностное лицо» и «лицо, уполномоченное на исполнение государственных функций», неопределенностью критерия «явного» превышения полномочий, сложностями разграничения прямого и косвенного умысла, а также ролью мотивов и целей преступного деяния. Все это приводит к затягиванию уголовных процессов и снижает профилактическую эффективность ответственности.

Комплексное исследование проблем злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти позволит систематизировать и унифицировать категориально-понятийный аппарат уголовно-правового регулирования, разработать единые стандарты доказывания и правоприменения, и в целом повысить доверие общества к государственным институтам, способствовать укреплению правового государства и устойчивому социально-экономическому развитию Республики Казахстан.

Отмеченные факторы обуславливают острую необходимость точной регламентации управленческих процедур, особенно в сферах оказания услуг и распределения финансов и иных материальных ценностей, в противном случае расширительная дискреция будет приводить к сценариям, охватываемым объективной стороной уголовных правонарушений, предусмотренных ст. 361 и ст. 362 УК Республики Казахстан.

Это свидетельствует о том, что актуальность темы исследования вытекает из потребностей практики: необходимы работающие критерии определения злоупотребления должностными полномочиями, его отграничения от превышения власти или должностными полномочиями; должны быть четко обозначены стандарты доказывания «иной личной заинтересованности», оценена эффективность превентивных механизмов (антикоррупционный комплаенс, управление конфликтом интересов и т.п.), а также соразмерности предусмотренного уголовно-правового вмешательства.

Таким образом, разработка уголовно-правовых и криминологических проблем предупреждения злоупотреблений и превышения власти, должностными полномочиями является не просто востребованной, но и системообразующей проблемой для успешной реализации заявленных реформ госслужбы и государственного управления.

Степень разработанности темы. В отечественной науке проблематика должностных преступлений, их предупреждения и пресечения получила развитие в работах А.Н. Агыбаева, Т.К. Акимжанова, Е.О. Алауханова, Б.А. Амрекулова, И.Ш. Борчашвили, Р.Е. Джансараевой, К-К. Ж. Карбузова, А.Х.

Миндагулова, С.С. Молдабаева, М.О. Нукенова, С.М. Рахметова, и др., где акцент делается на общие понятия коррупционных преступлений, разграничении их различных составов, соразмерности санкций и совершенствования превентивных механизмов.

Весомый вклад в исследование вопросов квалификации злоупотребления и превышения полномочий, разграничения отдельных составов служебных преступлений внесли ученые стран СНГ: Г.Н. Борзенков, Б.В. Волженкин, А.В. Галахова, Б.В. Здравомыслов, В.Ф. Кириченко, А.В. Наумов, Н.Н. Сулайманова, Л.Ч. Сыдыкова, П.С. Яни и др.

На диссертационном уровне проблемы противодействия уголовным правонарушениям в виде злоупотреблений должностными полномочиями и превышения власти исследовались рядом авторов, среди которых: А.Н. Агыбаев («Теоретические проблемы ответственности должностных лиц за служебные преступления»: диссертация доктора юридических наук, 1997 г.), У.А. Сулейменова («Уголовная ответственность лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, за злоупотребление полномочиями: диссертация кандидата юридических наук, 2000 г.), Б.А. Амрекулов («Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями: диссертация кандидата юридических наук, 2001 г.), С.З. Абдрахманов («Субъект коррупционных преступлений: уголовно-правовые и криминологические аспекты: диссертация кандидата юридических наук, 2003 г.), Е.З. Тургумбаев («Уголовная ответственность за превышение власти или должностных полномочий: диссертация кандидата юридических наук, 2004 г.), М.О. Нукенов («Проблемы борьбы с коррупционной преступностью (уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты)»: диссертация доктора юридических наук, 2005 г.), Е.С. Кемали («Коррупционная преступность лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций (криминологические и уголовно-правовые проблемы): диссертация кандидата юридических наук, 2007 г.), Байтеленов Р.Т. («Превышение власти или должностных полномочий, совершенное сотрудниками органов внутренних дел (уголовно-правовые и криминологические аспекты): диссертация кандидата юридических наук, 2009 г.)

Как видим, практически все работы выполнены на базе уже неактуального сегодня уголовного законодательства. Достаточно большое число диссертационных исследований служебных преступлений именно в начале 2000-х годов объясняется, на наш взгляд, особой актуальностью проблематики в связи с формированием самого института государственной службы в Казахстане. После обновления уголовного законодательства в 2014 году работы, развивающие темы уголовно-правовой охраны государственной службы и антикоррупционной профилактики, исследуют преимущественно либо общие коррупционные риски, либо смежные дисциплинарные и административные вопросы. Многие проблемные вопросы, касающиеся квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий, разграничения составов этих уголовных

правонарушений, их предупреждения, остаются вне поля внимания исследователей. Надо отметить также, что недостаточно проработаны в науке уголовного права и криминологии аспекты, связанные с цифровой трансформацией государственного управления. Все вышесказанное определяет необходимость комплексного исследования, которое соединяет криминологическую оценку детерминант и уголовно-правовой анализ уголовных правонарушений в виде злоупотреблений должностными полномочиями и превышения власти или должностных полномочий.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка научно обоснованной системы уголовно-правовых и криминологических подходов к предупреждению и пресечению злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти (должностных полномочий), анализ и уточнение сущностных признаков указанных уголовных правонарушений для обоснования предложений практико-ориентированного характера, направленных на совершенствование законодательства и правоприменения.

В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи исследования:

– проследить эволюцию и тенденции развития норм об уголовной ответственности за злоупотребление и превышение должностных полномочий;

– обосновать социальную обусловленность уголовно-правовой охраны отношений в сфере реализации должностных полномочий и пределы криминализации;

– системно описать объективные и субъективные признаки составов уголовных правонарушений, предусмотренных ст.ст. 361, 362 УК Республики Казахстан;

– сформулировать критерии квалификации и разграничения рассматриваемых уголовных правонарушений, их отграничения от смежных составов;

– определить причины и условия совершения злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий, описать профиль личности правонарушителя;

– обозначить ключевые векторы деятельности по предупреждению злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий, обосновать предложения по совершенствованию национального законодательства и практики правоприменения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при реализации и контроле должностных полномочий на государственной службе, а также отношения по их уголовно-правовой охране от злоупотребления и превышения.

Предметом исследования стали уголовно-правовые и криминологические проблемы, связанные с определением признаков составов уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 361, 362 УК Республики Казахстан, их разграничением между собой и со смежными составами,

выявлением детерминант и моделей совершения, а также практики предупреждения и правоприменения.

Методология исследования. При проведении исследования использовалась система общенаучных и частнонаучных методов познания.

Общенаучные методы: диалектический (для выявления связи между целями государственной службы и практикой их реализации), исторический (эволюция норм об уголовной ответственности и подходов к криминализации злоупотреблений должностными полномочиями и превышения власти), анализ и синтез (выделение признаков составов и их систематизация), индукция и дедукция (формулирование выводов о типичных рисках в сфере реализации должностных полномочий), системный и структурно-функциональный подходы (рассмотрение процессов предоставления государственных услуг, закупок, распределения материально-финансовых ресурсов как условий и детерминант совершения должностных преступлений).

Специально-юридические методы: формально-догматический (уточнение признаков объективной и субъективной стороны), сравнительно-правовой (сопоставление с опытом стран ЕАЭС/ОЭСР и разъяснениями высших судебных инстанций), метод правового моделирования (подготовка предложений по корректировке норм уголовного законодательства), толкование права (буквальное, системное, телеологическое).

Эмпирические методы: контент-анализ судебных актов и материалов уголовных дел, изучение правовой статистики и ведомственных отчетов, проведение анкетирования и опросов госслужащих.

Эмпирическую основу исследования составили:

- отчеты и аналитические справки КПСиСУ Генеральной прокуратуры Республики Казахстан;
- материалы уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 361-362 УК Республики Казахстан, рассмотренных судами за 2015-2025 годы;
- результаты анкетирования и опросов государственных служащих и граждан;
- материалы деятельности дисциплинарных советов;
- контент-анализ масс-медиа: журналистские обзоры резонансных дел;
- отчеты международных организаций о деятельности по противодействию коррупции.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что работа представляет собой комплексное исследование уголовно-правовых и криминологических проблем противодействия уголовным правонарушениям в форме злоупотребления должностными полномочиями, превышения власти и должностных полномочий, выполненное на базе актуального законодательства.

Научная новизна проведенного исследования определяется также разработкой уточненных и практически применимых критериев разграничения составов уголовных правонарушений, предусмотренных ст. 361 и 362 УК Республики Казахстан. Предлагаемый диссертантом подход формирует ясные критерии квалификации, снимает неопределенность границ между

злоупотреблением и превышением, облегчая тем самым последующую оценку состава, конкуренции норм и совокупности преступлений.

В работе обосновано содержательное наполнение категории «иная личная заинтересованность» как признака субъективной стороны по ст. 361 УК Республики Казахстан с переводом этой, традиционно оценочной, характеристики в набор проверяемых индикаторов, для каждого из которых описываются признаки наличия и степень доказательственной значимости: документально фиксируемые факты пересечения интересов, атипичные решения по отношению к стандарту процедуры и др.

Научной новизной характеризуются и предложения, затрагивающие криминологические аспекты предупреждения должностных злоупотреблений и превышения власти. Это разработка алгоритмов раннего выявления отклонений от стандартизированных процедур, а также интеграция электронных доказательств в профилактическую деятельность (неизменяемые электронные журналы аудита, чек-листы и иные документы контроля действий должностного лица, публичный мониторинг и др.).

Предложенный набор мер ориентирован на предупреждение злоупотреблений должностными полномочиями путем ограничения дискреции и усиления контроля за деятельностью государственных служащих.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эволюция уголовного законодательства, регулирующего ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти (должностных полномочий), отражает переход от формального охранительного подхода, когда объектом защиты выступала государственная власть как институт, к содержательному подходу, ориентированному на обеспечение ее легитимного, подотчетного функционирования в рамках концепции «слышащего», «сервисного» государства. Особенность современного этапа развития законодательства характеризуется переосмыслением самого объекта уголовно-правовой охраны: от защиты аппарата власти – к защите законных интересов граждан и общества, их права на добросовестное и справедливое осуществление властных полномочий государственными служащими.

2.Сформулировано и обосновано авторское определение понятия «использование служебных полномочий вопреки интересам службы», объединяющего любое действие должностного лица с целевым назначением предоставленных ему законом полномочий.

Использование служебных полномочий вопреки интересам службы – это совершение должностным лицом действий (или бездействия), формально входящих в его компетенцию, но осуществляемых с нарушением принципов законности, добросовестности и беспристрастности, направленных на удовлетворение корыстных или иных личных интересов самого должностного лица либо третьих лиц, в результате чего причиняется вред охраняемым законом интересам государственной или общественной службы, правам и законным интересам граждан и организаций.

Предложенное определение определяет целевую обусловленность служебных полномочий, выделяет объективно-субъективный характер состава преступления, а также расширяет методологию квалификации должностных преступлений за счет системного учета факторов нарушения принципов законности, добросовестности и беспристрастности.

3. В целях актуализации уголовно-правовых норм, усиления их превентивного потенциала предлагается внесение ряда изменений и дополнений в статьи 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан:

1) исключить из п.2 ч.4 статьи 361 УК Республики Казахстан в силу утраты актуальности указание на Закон Республики Казахстан «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества». Указанный Закон носил временный, разовый характер, вследствие чего ссылка на него в действующей уголовно-правовой норме является юридической фикцией. Предлагается изложить п.2 ч.4 ст. 361 УК Республики Казахстан в новой редакции: «совершенные при выполнении служебных обязанностей, которые установлены законодательным актом Республики Казахстан об амнистии в связи с легализацией имущества»;

2) изменить санкции статей 361 и 362 УК Республики Казахстан путем введения кратности штрафов. В частности, предлагается установить штраф по статье 361 – в размере до трехкратной суммы незаконно извлеченной выгоды либо до двух тысяч месячных расчетных показателей в случаях отсутствия прямого имущественного ущерба (при квалифицирующих признаках состава – до пяти тысяч МРП); по статье 362 – в размере до трехкратной суммы причиненного ущерба либо до трех тысяч МРП;

3) дополнить ч.4 ст. 362 УК Республики Казахстан пунктом 5) следующего содержания: *«5) с использованием электронных реестров, платформ или иных цифровых ресурсов, повлекшие уничтожение, блокирование, искажение либо незаконное изменение данных в государственных информационных системах».*

4.Составлен криминологический портрет типичного правонарушителя по ст.ст. 361, 362 УК Республики Казахстан. Это государственный служащий, мужчина в возрасте 30–49 лет, имеющий высшее образование (часто – юридическое). Преобладают представители МВД и других силовых структур. Около четверти преступлений по ст. 361 и две трети по ст. 362 совершены в группе, что свидетельствует о высокой степени согласованности действий, наличии устойчивых межличностных связей и коррупционных проявлений в виде служебного сговора и злоупотребления властью по предварительному соглашению. Небольшая доля ранее судимых лиц указывает на устойчивость служебной девиации внутри системы, а не на криминальные традиции. Внутрисистемные институциональные проблемы в виде слабости контроля, непрозрачности административных процедур, недостаточности антикоррупционного комплаенса влекут за собой внутриведомственную поруку, предопределяющую высокую латентность рассматриваемых уголовных правонарушений.

5. Профилактика злоупотреблений должностных полномочий и превышения власти должна носить системный и опережающий характер, опираться на цифровую фиксацию управленческих решений, прозрачность процедур и персональную ответственность руководителей, а также включать институт независимого внутреннего комплаенса и гражданского контроля. С учетом этого диссертантом предлагается ряд мер, направленных на формирование служебной культуры нулевой терпимости к должностным злоупотреблениям.

6. Разработан проект внесения изменений и дополнений в нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О судебной практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений». Необходимость его обновления обусловлена более тщательным анализом уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти либо должностных полномочий. Внесение изменений направлено на уточнение признаков использования служебных полномочий вопреки интересам службы, раскрытие содержания личной и корыстной заинтересованности, а также разграничение злоупотребления от служебной ошибки. Проект предусматривает также дополнение постановления разъяснениями, касающимися современных форм злоупотреблений в цифровой среде, что обеспечит единообразие судебной практики и повысит эффективность правоприменения (Приложение А).

Теоретическая значимость исследования. Диссертация вносит вклад в развитие доктрины уголовного права и криминологии, уточняя содержание и границы составов злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий (ст. 361 и 362 УК Республики Казахстан), систему мер предупреждения с учетом цифровой трансформации государственного управления.

Практическая значимость результатов. Полученные выводы и предложения могут быть использованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также для профилактики преступных злоупотреблений должностными полномочиями, превышений власти государственными служащими.

Материалы диссертации могут использоваться в образовательных программах юридических факультетов и учебных центров повышения квалификации на государственной службе, при подготовке сотрудников правоохранительных органов и комплаенс-офицеров; в практической работе подразделений внутреннего контроля, антикоррупционных служб и аудита; в научно-исследовательской, экспертной и аналитической деятельности при оценке эффективности антикоррупционной политики и проектировании регламентов и стандартов оказания государственных услуг.

Апробация результатов исследования. Работа была подготовлена на кафедре уголовного права и уголовного процесса, криминалистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Результаты исследования были опубликованы в 6 статьях, в том числе 1 в издании, входящим в базу Scopus:

International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology (процентиль 86), 5 статей в журналах, рекомендованных к опубликованию научных результатов КОКСНВО МНВО Республики Казахстан.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 3 разделов, включающих в общей сложности 8 подразделов, заключения, списка использованных источников и приложений.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЕ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

1.1 Эволюция и тенденции развития норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за превышение власти и злоупотребление должностными полномочиями

Вопрос об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти (должностных полномочий) занимает центральное место в уголовно-правовой охране интересов государственной службы и государственного управления. При этом здесь речь идет не просто о пресечении неправомерного поведения личности, а о защите публичной власти, поскольку под удар ставится ее авторитет, легитимность, доверие общества к государству. В таком понимании эволюция норм о рассматриваемых правонарушениях в уголовном законодательстве Казахстана неразрывно связана с тенденциями, связанными с масштабной трансформацией самой концепции государственной службы, происходящей в последние годы – формирование «сервисной» модели, развитие идей «слышащего государства», развитие антикоррупционной политики и культуры, цифровизация управления [2].

Эти тенденции не могли не сказаться на уголовно-правовом институте ответственности за совершение уголовных правонарушений против интересов государственной службы и государственного управления, чему доказательством являются неоднократные изменения и дополнения Уголовного кодекса Республики Казахстан. Вместе с тем, этот институт имеет давнюю историю, которая также оказывает большое влияние на формирование практики правотворчества и правоприменения. Н.С. Таганцев, отмечая важность исторического метода исследования, говорил о том, что для изучения любого современного юридического института и его правильного уяснения необходимо проследить его «историческую судьбу, т.е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [9, с. 21]. Соответственно, задача данного подраздела заключается в том, чтобы показать, как и почему устанавливались, изменялись нормы об уголовной ответственности за злоупотребление и превышение должностными полномочиями, какие проблемы остались нерешенными, и на что указывает текущая траектория развития.

Начнем с казахского обычного права. В дореволюционном казахском обществе, где не было кодифицированного (писаного) права, главным инструментом регулирования и управления общественной жизнью выступал правовой обычай. Выработанное веками казахское обычное право не утратило силы и вплоть до начала XX века определяло правила поведения, разрешало споры и поддерживало порядок. Его удивительная устойчивость, как подчеркивал академик С.З. Зиманов, опиралась на два основания: с одной

стороны, этому способствовали хозяйственно-бытовой уклад и мировоззрение кочевой цивилизации, развернутой на огромных пространствах, а, с другой стороны, нельзя не отметить исключительную близость норм обычая к повседневным потребностям народа, к «логике его жизни» [10, с. 17].

Г.Р. Усеинова особо отмечала, что в казахском обычном праве не существовало строгой юридической дефиниции «преступления»: под ним понимали скорее социально порицаемый поступок В казахском обычном праве не существовало строгой юридической дефиниции «преступления»: под ним понимали скорее социально порицаемый поступок – «дурное дело», «плохое поведение». Критерий был практическим: причинен или нет потерпевшему материальный или моральный вред [11, с. 69]. Потерпевший назывался истцом, а преступник ответчиком. Последствия, явившиеся результатом как преступных действий, так и гражданских правонарушений, назывались «зыян» (вред) [12, с. 161]. Фактически не было как такового разграничения уголовных и гражданских правонарушений, ведь в основе любого деликта лежали взаимоотношения личного характера между нарушителем и потерпевшим. По этой причине, можно сказать, в казахском обычном праве не устанавливалась ответственность за преступления против публичной власти.

Нормы об ответственности за такие деяния стали действовать на территории Казахстана после его присоединения к Российской империи, правовая система которой была перенесена и на вновь вошедшие земли.

По данным исследователей, в российском уголовном законодательстве понятие должностного преступления было впервые выделено в Соборном Уложении 1649 года. Вместе с тем ряд авторов отсылает истоки регулирования должностных злоупотреблений к более ранним источникам. По мнению В.А. Наливайченко, уже «Русская правда» задавала рамку имущественных отношений, хотя при отсутствии централизованной власти и системы публичной службы она не содержала ни дефиниции, ни классификации «преступлений по должности». Существенный поворот связывают с Псковской Судной грамотой 1397 г., где были очерчены компетенции посадника, князя и тиуна и прямо запрещались личное пользование городскими средствами, кумовство и «потакание на суде», месть, взятки и насильственные изъятия имущества истца Эти запреты были восприняты и частично расширены Судебником Ивана III (1497), распространившись на должностных лиц всей Руси [13, с. 827].

Т.М. Сулейманов считает, что история развития норм об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в российском законодательстве определяется серединой XV века. При этом периодизацию можно начать с первого предписания, встречающегося в Новгородской и Псковской судных грамотах (соответственно в 1471 и в 1467 гг.), лицам, занимающим определенную должность, а именно – судьям [14, с.8].

П.П. Балык, выражая иную точку зрения, относит первые упоминания о превышении должностных полномочий к царскому Судебнику 1550 г., в котором уже просматривается институт, предусматривавший ответственность

не только за неосторожное вынесение неправосудного решения, но и за умышленное неправосудие. Субъектами выступали «государевы служилые люди» – бояре, дворецкие, казначеи, дьяки и подьячие (ст. 3–5). Ответственность носила персонализированный характер: пресекались, в частности, самовольная отдача на поруки без обращения в вышестоящую инстанцию либо продажа татя в холопы без ведома бояр или дьяков (ст. 54); устанавливалась ответственность тиуна за выдачу «правых грамот» без доклада наместнику, когда по такой грамоте незаконно оправдывался холоп (ст. 67). Одновременно вводился контроль за наместником и волостелем при применении ареста (ст. 70) и фиксировались санкции за нарушения судопроизводства (ст. 54) [15, с. 73–74].

В любом случае, не вдаваясь в споры о первичности того или иного документа, можно отметить, что в таком ракурсе Соборное Уложение 1649 г. выступает уже как этап систематизации и догматического закрепления подходов, зародившихся в более ранней правовой традиции.

Далее же эволюция шла только по линии последовательного ужесточения ответственности: указы Петра (1714 г.) усилили санкции за корыстные деяния по службе, а в Уставе благочиния 1782 г. (ст. 271), принятом при Екатерине II уже была разработана классификация должностных проступков (злоупотребление, неисполнение и упущение по должности) [16, с. 23].

Нельзя не отметить, что несмотря на поступательное внедрение имперской судебной системы, повседневное разбирательство дел в степи длительное время оставалось в ведении биев, т.е. большинство уголовных, а также все гражданско-правовые споры решались по нормам обычая.

Ситуация изменилась лишь с принятием «Устава о сибирских киргизах» 1822 г., который ввел трехчленное деление судебных дел: уголовные, исковые и дела по жалобам на управление. К числу уголовных дел казахов, подлежавших рассмотрению в судах Российской империи, относили государственную измену, убийства, грабежи и барымту (набеги/скотокрадство), а также открытое неповиновение установленной власти [17, с. 173].

В.Б. Волженкин, проведя анализ дореволюционной модели законодательства о служебных преступлениях, аргументированно доказывает, что ее ядром стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Именно его раздел 5 сформировал двухконтурный подход к должностной ответственности – общие составы по службе и специальные, адресованные отдельным видам службы. Кодекс одновременно охватывал и собственно уголовные посягательства, и широкий пласт дисциплинарных проступков с выговорами, вычетами. Для превышения власти Уложение использовало казуистическую технику при одновременном наличии общих норм, что можно считать своего рода примером сочетания перечня кейсов с абстрактным определением [18, с. 8–10].

В статье 367 Уложения было дано следующее определение превышения власти: «Чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда выступив из пределов и круга действий, которые

предписаны ему по его званию, должности, месту или особому поручению, чинит что-либо в отмену или же вопреки существующих узаконений, учреждений, уставов или данных ему наставлений; или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона; или присвоив себе право, ему не принадлежащее, самовольно решит какое-либо дело; или же дозволит себе какое-либо действие или распоряжение, на которое нужно было разрешение высшего начальства, не испросив оного надлежащим образом» [19, с. 156].

По сути, здесь закладывалось то, что важно и сегодня: разграничение уголовно-наказуемого злоупотребления (превышения) и простых нарушений служебной дисциплины, а также критерии интенсивности вреда и мотива. Именно эта структура исторически предвосхищает современную демаркацию между злоупотреблением полномочиями (использование компетенции в ее рамках, но вопреки служебной цели) и превышением (выходом за пределы установленной компетенции).

В целом, в дореволюционный период в уголовно-правовой науке не существовало единства взглядов относительно вопроса об общем объекте посягательства при должностных преступлениях. В первой половине XIX века преобладала позиция, согласно которой объектом таких преступлений признавался служебный долг, понимаемый как совокупность обязанностей, вытекающих из положения лица на государственной службе. Под служебным долгом подразумевались не только добросовестное исполнение возложенных функций, но и верность государю, точное соблюдение законов и распоряжений, сохранение дисциплины, беспристрастность и честность при выполнении полномочий, а также хранение служебной тайны [20, с. 231].

Однако в дальнейшем, ближе к концу XIX – началу XX века, в юридической литературе все чаще стала высказываться точка зрения, отрицающая наличие единого объекта посягательства для всех должностных преступлений. Согласно этой доктрине, каждая форма злоупотребления властью имеет собственную направленность и затрагивает различные социальные и правовые блага. Некоторые ученые указывали, что понятие объекта таких преступлений слишком обширно и не может быть сведено к единой категории, поскольку охватывает широкий спектр общественных отношений, связанных с функционированием государственной службы [21, с. 52].

Постепенно в правовой мысли утвердилась идея о том, что отличительным признаком должностных преступлений следует считать не сам объект, а способ совершения противоправных действий, то есть характер использования служебных полномочий. При этом указывалось, что объектом посягательства выступают те правовые ценности, которыми должностное лицо распоряжается в силу предоставленной ему компетенции. И до сих пор в современной науке остается дискуссионным вопрос о том, возможно ли единое понимание статуса должностного лица для всех отраслей права. Указывается, что его правовое положение определяется не только формальными признаками, но и социально-

ролевой функцией, выполняемой в конкретной системе правоотношений. Следовательно, универсальное определение должностного лица как специального субъекта ответственности затруднено, поскольку содержание этого статуса варьируется в зависимости от характера выполняемых функций и сферы публичного управления [22].

Если же продолжить рассмотрение дореволюционных концепций, то в них с объективной стороны превышением власти признавались не только действия, явно выходящие за пределы полномочий, но и те, которые формально соответствуют компетенции должностного лица, но по сути противоречат интересам службы и государства. В уголовно-правовой науке противоправные деяния должностных лиц рассматриваются в двух взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, это непосредственное совершение деяний, нарушающих нормы уголовного или административного права: от хищений и фальсификации документов до злоупотребления служебным положением. Во-вторых, в эту же категорию входят косвенные способы нарушения закона – издание незаконных распоряжений, приказов или устных указаний, которые порождают правовые последствия не через личное действие, а через волевой импульс к исполнению подчиненными. Таким образом, превышение и злоупотребление властью фактически рассматривались как единое преступное деяние, направленное против установленного порядка государственной службы [18, с. 17].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о субъекте должностных преступлений. В отечественной уголовно-правовой мысли того исторического этапа не сформировалось единого научного понимания понятия «субъект должностного преступления», а сам термин отсутствовал в официальных нормативных актах. Законодатель ориентировался исключительно на конкретизацию круга лиц, к которым могли применяться специальные нормы ответственности: в это число входили чиновники, штатные служащие, а также лица, занимающие государственные или общественные службы. При этом под «общественной службой» понимались должности, учрежденные законом, но замещаемые выборным порядком, что отражало более широкий, чем в современном смысле, подход к субъектному составу [23].

Исследователи, анализирующие эволюцию представлений о должностных преступлениях, отмечают, что в трудах юристов конца XIX – начала XX века наблюдается постепенное углубление понимания их юридической природы. Обзор работ ведущих правоведов того периода показал, что такие ученые, как В.А. Волконский, А.В. Кенигсон, Н.С. Лазаревский, Н.В. Муравьев, Н.А. Неклюдов и другие, развивали идеи своих предшественников, не отвергая их подходы, а уточняя и дополняя их с учетом новых научных и практических реалий. В центре внимания этих авторов находился вопрос о специфике объекта и способа посягательства при совершении должностных преступлений. Согласно их общему мнению, большинство таких деяний представляет собой посягательства на общие правовые блага, доступные воздействию всех субъектов, но совершаемые особым способом, обусловленным служебным

положением виновного лица. При этом, по мнению И.А. Фаргиева и Н.Р. Лонерт, наиболее системное и развернутое определение должностного преступления было предложено в работах профессора Ярославского университета В.Н. Ширяева. Он рассматривал должностное преступление как злоупотребление служебными полномочиями, выражающееся либо в посягательстве на правовые блага, находящиеся в сфере служебного воздействия, либо в нарушении иных благ, но посредством таких действий, которые возможны исключительно в силу занимаемой должности [24, с. 75].

Таким образом, дореволюционные представления о должностных преступлениях развивались от формально-нормативного к функциональному пониманию. Постепенно на первый план стали выдвигаться признаки, связанные с характером и границами служебных полномочий, а также с социальной опасностью их неправомерного использования. Эти идеи послужили основой для последующего формирования советской и постсоветской теории злоупотребления и превышения власти, в которой акцент сместился на анализ механизмов причинения вреда интересам службы и государства, а также на вопрос о доверии и ответственности лица, наделенного властью.

После установления советской власти в 1917 году начался новый этап в развитии уголовного законодательства, включая регулирование ответственности за злоупотребление и превышение должностных полномочий. В первые послереволюционные годы система права еще не имела устойчивых кодифицированных форм, и источниками уголовных норм выступали декреты, обращения правительства к населению, постановления Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также приказы и инструкции Народных комиссариатов. Эти акты носили преимущественно политико-программный и организационный характер, закрепляя основы новой государственной дисциплины и ответственности служащих перед советской властью. Хотя в них упоминались отдельные проявления должностных злоупотреблений, например, злоупотребление властью, служебное бездействие, превышение предоставленных прав, однако ни составы преступлений, ни их признаки не были нормативно определены [25, с. 198].

Тем не менее, положения об уголовной ответственности должностных лиц появились уже в первых нормативных актах советской власти. Так, Декрет о суде № 1 закрепил создание революционных трибуналов, в задачи которых входила борьба, в том числе, со злоупотреблениями чиновников. Вслед за этим Инструкция Наркомата юстиции от 19 декабря 1917 г. конкретизировала, что такие трибуналы должны рассматривать дела против лиц, использующих свое служебное положение вопреки интересам народа. Позднее Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. систематизировал первые результаты применения советского уголовного законодательства и дал более четкое определение «преступлений по должности» – это использование предоставленной власти в личных целях, вопреки воле революционного народа [26, с. 229].

В первые годы после Октябрьской революции советское законодательство еще сохраняло следы дореволюционной правовой терминологии. Так, в ранних нормативных актах субъект должностного преступления обозначался традиционным для имперского права термином «чиновник», унаследованным от старой бюрократической системы. Однако эта категория уже не соответствовала новым социально-политическим реалиям, в которых провозглашались принципы народной власти, равенства и ликвидации сословных различий. Уже к 1918 году советское правотворчество демонстрирует осознанный отказ от дореволюционной терминологии. Принципиальный поворот, как отмечает К.П. Краковский, произошел с принятием Декрета Совета Народных Комиссаров от 8 мая 1918 года «О взяточничестве», где термин «чиновник» не только исчезает, но и впервые появляется самостоятельное определение должностного лица [27, с. 156]. Согласно этому декрету, к должностным лицам относились «должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, домовых комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и т.п. учреждений и организаций, или служащие в таковых» [28].

Такое определение отражало коренное переосмысление сущности государственной службы. Теперь она понималась не как форма служебной зависимости от царя, а как выражение общественного доверия и коллективной ответственности перед трудящимися. Введение столь широкого понятия должностного лица соответствовало идеологическим установкам нового государства: под ответственность подпадали все лица, обладающие властными или организационно-распорядительными полномочиями независимо от их социального происхождения и формы собственности организации.

Правоприменение в этот период строилось преимущественно на оценочных категориях, исходя из идеологических и политических ориентиров: вред обществу, вред революции, подрыв доверия к власти. Таким образом, понятие должностного преступления воспринималось прежде всего как посягательство на основы нового социалистического государственного строя и выражение контрреволюционного поведения.

С формированием социалистической правовой системы, особенно после 1922 года, когда был принят первый Уголовный кодекс РСФСР, происходит постепенная институционализация норм об ответственности за должностные преступления.

Во второй главе Особенной части Уголовного кодекса, следующей сразу за разделом «Государственные преступления», был выделен самостоятельный блок под наименованием «Должностные (служебные) преступления». Эта глава включала 14 статей, где наряду с общими составами формулировались и специальные конфигурации таких преступлений: так, ст. 111 регламентировала ответственность за вынесение неправосудного приговора, а ст. 112 – за незаконное задержание, незаконный привод и принуждение к даче показаний при допросе. Особое внимание законодатель уделил имущественным посягательствам со стороны должностных лиц. В первоначальной редакции ст.

113 квалифицировала присвоение чиновником средств и иных ценностей, находившихся в его ведении в силу служебного положения, как отдельный состав преступления. Такое выделение позволило четко разграничить спектр имущественных преступлений и усилить правовое регулирование вопросов хранения и распоряжения государственным имуществом. Системная эволюция института проявилась после внесения поправок 10 июля 1923 года, когда ст. 113 была расширена: к уже существующей норме о присвоении добавилась ответственность за растраты имущества, доверенного должностному лицу. Данное дополнение не только расширило область уголовно-правового контроля, но и способствовало совершенствованию механизмов предупреждения и пресечения злоупотреблений в сфере государственной службы [29, с. 67-68].

Советское уголовное право рассматривало борьбу с должностными преступлениями как одно из ключевых направлений защиты государства и укрепления дисциплины управления. Это было связано с осознанием того, что злоупотребления властью не только разрушают систему государственного управления, но и подрывают авторитет советской власти, ослабляют ее влияние на массы, нарушают доверие между гражданами и государственными структурами.

Иначе говоря, советская доктрина исходила из того, что должностные преступления наносят ущерб не только государственным интересам, но и социальной справедливости как основополагающему принципу нового строя. В результате злоупотребления властью страдает деятельность органов управления, нарушаются права граждан и коллективов, ослабляется управляемость в целом. Поэтому законодатель придавал борьбе с такими деяниями приоритетное значение, считая их угрозой общественному порядку и политической стабильности.

Следует констатировать, что еще в УК РСФСР 1922 г. законодатель формально выделил самостоятельные квалификационные конструкции «злоупотребление полномочиями» и «превышение власти». Однако, по мнению современных исследователей, это разграничение не нашло отражения в системе наказаний. Санкция части 1 статьи 106 УК 1922 г. отсылает к положениям первых двух частей статьи о злоупотреблении властью, фактически уравнивая ответственность за оба деяния. В то же время особо квалифицированная форма ответственности включала как злоупотребление и превышение полномочий, так и бездействие органов власти и халатность в качестве альтернативных составов преступления. Это свидетельствует о том, что законодатель не установил четкой дифференциации в уровнях общественной опасности указанных правонарушений, оставив их юридические последствия практически идентичными. Наконец, не следует упускать из виду, что за «превышение власти при особо отягчающих обстоятельствах» предусматривалась смертная казнь. Такое суровое наказание отражает значимость, придаваемую законодателем контролю за должностными полномочиями, и одновременно

подчеркивает напряженность уголовно-правового регулирования государственных функций в послереволюционный период [30, с. 348].

УК 1926 г. так же разграничивал злоупотребление властью или служебным положением и превышение власти или служебных полномочий. Этим преступлениям была дана достаточно подробная характеристика: «Злоупотребление властью или служебным положением, т.е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия» (ст. 109 УК РФ 1926 г.); «превышение власти или служебных полномочий, т.-е. совершение действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных законом совершавшему их, при наличии признаков, предусмотренных в предыдущей статье» (ст. 110 УК РФ 1926 г.) [31].

Квалифицированный состав превышения охватывал действия, сопряженные с насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями. И санкция за такие действия включала применение смертной казни [31].

В 1959 году был принят УК КазССР, ставший первым уголовным кодексом на территории Казахстана, являвшегося на тот момент не суверенным государством, а союзной республикой. Его структура включала в себя Общую и Особенную части, разделы (главы – всего 11), около 300 статей и приложение к статье 31, предусматривающее перечень имущества, не подлежащего конфискации по приговору суда. Основополагающими задачами УК Казахской ССР являлась охрана конституционного строя, политической и экономической систем, собственности, личности, прав и свобод граждан всего правопорядка от преступных посягательств [32, с. 112].

В Уголовном кодексе Казахской ССР 1959 года нормы, регулирующие ответственность за злоупотребление властью и превышение служебных полномочий, получили более четкое юридическое закрепление и системное оформление. По сравнению с кодексами 1920-х годов, данный акт продемонстрировал переход к терминологии, более близкой к современному пониманию должностных преступлений. Законодатель исходил из того, что злоупотребление властью представляет собой умышленное использование должностным лицом предоставленных ему полномочий вопреки интересам службы и государства, повлекшее существенный вред, тогда как превышение власти выражается в совершении действий, явно выходящих за пределы этих полномочий [33]. Такое разграничение позволило ввести более ясные критерии квалификации противоправного поведения, дифференцировать

ответственность и избежать смешения составов преступлений, что являлось одной из проблем предыдущего законодательства.

После обретения Республикой Казахстан государственной независимости в 1991 году развитие уголовного законодательства вступило в новый этап, отражавший качественные изменения в общественно-политической и экономической жизни страны.

Несмотря на распад Советского Союза, на протяжении переходного периода (1991–1997 гг.) в Казахстане продолжал действовать Уголовный кодекс Казахской ССР 1959 года, выполнявший функцию основного нормативного акта в сфере уголовно-правового регулирования. Однако отдельные его нормы постепенно утратили практическое применение в связи с изменением социально-экономических реалий. В частности, из уголовно-правовой сферы были фактически выведены составы преступлений, противоречащие принципам рыночной экономики, такие как нарушение правил торговли, незаконный отпуск топлива, спекуляция, поддержание высоких цен и т.п. Это отражало переход к иным формам хозяйственных отношений и пересмотр общественной опасности ряда экономических деяний. Обретение Казахстаном независимости позволяет рассматривать историю развития собственного уголовного законодательства, в котором уже можно выделять отдельные периоды. Так, С.М. Рахметов считает, что при периодизации уголовного законодательства Республики Казахстан можно выделить три основных периода:

– период после развала СССР и образования Республики Казахстан 16 декабря 1991 года (1991-1997 годы),

– период действия Уголовного кодекса Республики Казахстан 1997 года (с 1998 по 2015 годы)

– современный период, который начался с 2015 года, то есть период действия Уголовного законодательства Республики Казахстан, принятого 3 июля 2014 года [34].

Эволюция уголовного законодательства, регулирующего ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти, демонстрирует закономерный переход от формально-охранительного к содержательному и ценностно-ориентированному подходу в понимании задач уголовно-правовой охраны. Если в дореволюционный и советский периоды основное внимание уделялось защите государственной власти как института и обеспечению устойчивости аппарата управления, то современное развитие уголовного законодательства отражает смену парадигмы – от защиты власти как самоцели к защите законности, доверия и легитимности ее функционирования.

На современном этапе в центре уголовно-правового регулирования находится не абстрактный интерес государства, а права и законные интересы граждан и общества, страдающих от неправомерного, корыстного или произвольного использования служебных полномочий. Объект уголовно-правовой охраны переосмысливается как совокупность общественных

отношений, обеспечивающих законное, прозрачное и подотчетное осуществление властных функций.

В этой связи злоупотребление и превышение власти рассматриваются не просто как посягательства на служебную дисциплину или государственный порядок, а как деяния, подрывающие принципы доверия граждан к государству, законности и справедливости управления.

Эта трансформация соответствует общим направлениям государственной политики, закрепленным в концепциях построения «слышащего» и «сервисного» государства, в которых ключевым критерием эффективности власти выступает не ее сила, а способность действовать в интересах общества, обеспечивать открытость и справедливость. Соответственно, и уголовно-правовая защита приобретает гуманистическую и правозащитную направленность, где главным объектом охраны становятся общественные отношения, обеспечивающие добросовестное и ответственное использование полномочий лицами, наделенными властью.

Таким образом, можно утверждать, что современный этап развития законодательства характеризуется переходом от охранительного восприятия власти к ее функционально-служебному пониманию. Уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за злоупотребление и превышение полномочий, выполняют сегодня не только карательную, но и превентивно-регулятивную функцию, способствуя укреплению правовых основ государственной службы, развитию служебной этики и формированию доверия граждан к институтам власти. Это свидетельствует о системной эволюции правосознания и ориентации уголовного права на обеспечение легитимного и подотчетного функционирования публичной власти в интересах личности, общества и государства.

1.2 Социальная детерминированность уголовно-правовой охраны отношений в сфере реализации должностных полномочий

Уголовное законодательство, как и правовая система в целом, не возникает в отвлеченном от жизни пространстве, поскольку оно всегда отражает ту социальную реальность, в которой формируется. Правовые нормы – это не просто результат юридического творчества, но и ответ общества на вызовы времени, инструмент защиты тех ценностей, которые на определенном историческом этапе приобретают наибольшее значение.

Социальная детерминированность уголовно-правовой охраны интересов государственной службы и государственного управления заключается в том, что необходимость защиты общественных отношений, связанных с реализацией властных функций, возникает не сама по себе, а как результат эволюции государственного устройства, социальной справедливости и моральных ожиданий граждан. Если власть используется во благо общества, когда решения принимаются в соответствии с законом и моралью, то потребность в уголовно-правовом вмешательстве минимальна. Но если власть становится инструментом

личной выгоды, давления, коррупции, именно уголовное право выступает средством, необходимым для защиты общественного доверия.

Как справедливо отмечают ученые, вопрос о социальном назначении уголовного права – один из ключевых в современной правовой доктрине, он не только связан с определением природы уголовного права, установлением ориентиров и направлений его развития и т. д., но так или иначе касается любого уголовно-правового феномена. Поэтому без обращения к нему, хотя бы косвенного, невозможно ни одно фундаментальное исследование [35, с.122].

В условиях современного казахстанского общества, где ключевыми направлениями государственной политики обозначены построение «слышащего государства» и укрепление принципов сервисного управления, вопросы добросовестности, ответственности государственных служащих приобретают особое значение. Любое противоправное деяние, совершаемое ими, разрушает доверие к государству, подрывает легитимность публичных институтов и формирует социальную напряженность.

В таком аспекте уголовное право становится частью более широкой парадигмы «человекоцентричного» государства: его нормы должны не только защищать закон, но и отражать ожидания граждан справедливости, равенства и ответственности. Реализация принципа «слышащего государства» требует, чтобы уголовно-правовые механизмы применялись не формально, а как действенный способ защиты доверия к власти и восстановления общественного баланса в случаях нарушения этих отношений [2].

Социальные причины распространения должностных преступлений многообразны. Они коренятся не только в личной корысти или низком уровне правосознания отдельных должностных лиц, но и в системных деформациях управленческой среды: избыточной централизации решений, слабом общественном контроле, недостаточной прозрачности административных процедур. Все это создает предпосылки для злоупотребления властью, превращая должностные полномочия из инструмента служения в инструмент давления. Поэтому в установлении норм уголовной ответственности за совершение должностных уголовных правонарушений отражается социальный запрос на честную и подотчетную власть.

Охрана отношений, связанных с реализацией должностных полномочий, выполняет не только карательную, но и превентивную функцию. Уголовно-правовая норма не только наказывает, но и предупреждает, сигнализируя обществу о том, какие формы поведения неприемлемы, какие границы власти недопустимо переходить, где заканчивается законное служебное усмотрение и начинается преступное злоупотребление.

Иными словами, социальная обусловленность уголовно-правовой охраны должностных отношений выражается в том, что ее содержание определяется не только логикой права, но и логикой жизни.

Чем выше уровень общественного контроля, гражданской активности и моральных стандартов, тем менее востребованы будут карательные механизмы. Но пока злоупотребление властью остается реальной угрозой, уголовное право

продолжает играть ключевую роль в поддержании общественного доверия и стабильности.

Данная концепция получила нормативное закрепление в структуре Особенной части Уголовного кодекса, где глава «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления» объединяет систему норм, направленных на защиту доверия к институтам публичной власти. В нее включены составы, охватывающие как коррупционные деяния (получение, дача и посредничество во взяточничестве, служебный подлог, незаконное участие в предпринимательской деятельности), так и иные формы неправомерного поведения государственных служащих (злоупотребление и превышение должностных полномочий, халатность, бездействие по службе, воспрепятствование предпринимательской деятельности, присвоение полномочий должностного лица) [6]. Такое системное объединение отражает понимание государственной службы как сферы повышенной правовой и этической ответственности.

Предметом настоящего исследования выступают статьи 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан, устанавливающие ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти либо должностных полномочий. Эти нормы образуют базисную конструкцию правового механизма, направленного на предупреждение злоупотреблений властью и обеспечение законности в сфере управления.

Важно отметить, что в соответствии со статьей 3 Уголовного кодекса ряд легальных дефиниций имеет непосредственное отношение к квалификации данных преступлений и определению круга их субъектов. Так, закреплены понятия административно-хозяйственных функций (пункт 5), представителя власти (пункт 9), лица, занимающего ответственную государственную должность (пункт 16), должностного лица (пункт 26), лица, уполномоченного на выполнение государственных функций (пункт 27) и лица, приравненного к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций (пункт 28). Эти категории очерчивают правовой статус субъектов должностных преступлений и позволяют разграничить их от иных участников управленческих отношений.

Особое внимание уделено и легальному определению коррупционных преступлений (пункт 29 статьи 3 УК РК), куда включены деяния, посягающие на интересы государственной службы и государственного управления. Примечательно, что статья 362 УК РК отнесена к числу коррупционных лишь частично: коррупционным признается только деяние, предусмотренное пунктом 3 части четвертой данной статьи, то есть совершенное в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц [6]. Это разграничение подчеркивает стремление законодателя к более точной дифференциации уголовной ответственности, исходя из степени общественной опасности и мотивационного содержания противоправных действий должностных лиц.

Такой подход, направленный на системное и дифференцированное понимание уголовной ответственности, соответствует не только внутренней логике национального законодательства, но и общемировым тенденциям в сфере противодействия злоупотреблениям властью и коррупции.

И.В. Матвеев в своей исследовательской концептуализации делит коррупционные правонарушения на две корреспондентные категории. Первая – корыстные преступления, реализующиеся через злоупотребление служебным положением с явным имущественным интересом: будь то присвоение или хищение в пользу виновного или третьих лиц, либо стремление избежать финансовых обязательств. Вторая – некорыстные деяния коррупционного характера, где мотивом выступает нематериальная выгода: карьерное продвижение, протекционизм, желание приукрасить собственный статус и аналогичные побуждения. Такой подход, по мнению И.В. Матвеева, способствует более точному выявлению и формулированию предмета уголовно-правовой борьбы с коррупцией. Четкость разграничения по мотивам позволяет расширить область эффективного применения специальной ответственности и совершенствовать механизмы предупреждения общественно опасных проявлений коррупционного поведения [36, с. 14].

В современном правовом поле нормы, регулирующие ответственность должностных лиц, уже невозможно рассматривать изолированно – они тесно связаны с комплексом международных стандартов, выработанных в рамках ООН, ОЭСР и других межгосударственных институтов. Эти документы отражают консенсус мирового сообщества в том, что борьба с коррупцией и злоупотреблениями полномочиями должна быть не карательной в узком смысле, а профилактической по своей сути.

Международные стандарты, закрепленные, в частности, в Конвенции ООН против коррупции 2003 года и рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития, рассматривают уголовно-правовые меры не как самоцель, а как часть единой системы обеспечения прозрачности и подотчетности власти. Так, в преамбуле Конвенции ООН против коррупции отмечается, что государства-участники принимают данный документ, «будучи обеспокоены серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку» [37]. Смысл уголовно-правовой охраны в этой сфере, таким образом, заключается не только в наказании виновного, но и в восстановлении самой идеи справедливого, ответственного управления. Это понимание выводит систему противодействия злоупотреблениям властью на качественно иной уровень, где главным результатом становится именно формирование культуры честности и прозрачности должностных лиц.

Такие стандарты устанавливаются Международным кодексом поведения государственных должностных лиц, принятым резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 года. В нем, в частности, государственная

должность определяется именно как должность, «облеченная доверием», и в контексте этого документа доверие понимается не как какое-то абстрактное моральное качество, а как юридически значимая основа, определяющая меру ответственности, пределы полномочий и характер взаимоотношений между государством и гражданином. Кодекс устанавливает, что должностное лицо обязано действовать исключительно в интересах государства, а через него – в интересах общества, обеспечивая компетентность, эффективность и добросовестность в использовании государственных ресурсов [38]. В этом проявляется идея государственной службы как особого рода служения обществу. Особое внимание уделяется принципам справедливости, беспристрастности и равного отношения ко всем гражданам. Эти этические стандарты направлены на предотвращение злоупотребления предоставленным должностным лицам полномочиями и властью.

Международные правовые акты закрепляют положения о том, что эффективность уголовной ответственности должностных лиц возможна лишь при условии, если она встроена в комплекс превентивных инструментов. Как показывает анализ международного опыта, «для эффективного противодействия коррупции необходим системный подход, предусматривающий сочетание множества факторов и элементов в комплексе. При этом особое внимание следует уделить вопросам развития институциональных механизмов и правовых инструментов, повышения общественной осведомленности и вовлеченности гражданского общества» [4].

Для Казахстана стратегическое значение имеют отчеты ОЭСР, которые позволяют объективно оценить прогресс страны в выполнении международных обязательств, определить сильные и слабые стороны национальной антикоррупционной системы и выработать конкретные рекомендации по ее дальнейшему укреплению. Например, в отчете 2024 года, подготовленном в рамках 5-го раунда мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией Антикоррупционной сети ОЭСР для стран Восточной Европы и Центральной Азии, дана комплексная экспертная оценка антикоррупционных реформ Казахстана [39]. В нем анализируются изменения в законодательстве, институциональные меры по предотвращению коррупции, эффективность расследований и привлечение к ответственности за коррупционные преступления.

В базовом отчете ОЭСР эксперты также отметили ряд положительных достижений Казахстана в реализации антикоррупционной политики. В частности, подчеркнуты успехи в повышении прозрачности государственных закупок через внедрение электронных платформ, обеспечивающих открытость и контроль всех этапов тендеров. Положительно оценено развитие культуры добропорядочности в бизнесе благодаря внедрению корпоративных кодексов и антикоррупционных стандартов в квазигосударственном секторе. Эксперты особо выделили эффективную работу института бизнес-омбудсмена и создание специализированных органов, ответственных за противодействие коррупции и

возврат незаконно полученных активов, что свидетельствует о последовательности и институциональной зрелости проводимых реформ [39].

В отчете ОЭСР эксперты не только отметили значительный прогресс Казахстана в борьбе с коррупцией, но и обозначили направления дальнейшего совершенствования системы. В числе рекомендаций усиление механизмов расследования коррупционных преступлений, включая введение ответственности за торговлю влиянием и коррупцию среди юридических лиц, повышение защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции, совершенствование системы декларирования доходов и предотвращения конфликта интересов, а также активное вовлечение гражданского общества в реализацию антикоррупционных инициатив [39].

Несомненно, социальная природа норм, регулирующих ответственность должностных лиц, напрямую связана с тем, насколько прозрачной и подотчетной является сама система государственной службы. Там, где выстроены механизмы открытого контроля, где назначение на должности сопровождается оценкой рисков злоупотреблений и эффективным контролем, там формируется устойчивая культура ответственности. Как отмечали казахские мыслители – Абылай хан, Чокан Валиханов и Абай Кунанбаев, истинное совершенство человека и общества возможно лишь при честности, справедливости и осознанном служении народу. Ч.Валиханов подчеркивал, что «в мире нет человека лучше, чем тот, кто справедлив и честен», а Абай связывал добропорядочность с трудом и внутренней верой в собственные силы [41, с. 329–330]. Эти идеи сохраняют актуальность и сегодня, поскольку для современного Казахстана это особенно актуально, поскольку уровень доверия к институтам власти во многом зависит от того, насколько честно и справедливо реализуется власть на практике. Поэтому сегодня важно не просто ужесточать наказание за должностные преступления, а выстраивать профилактическую систему, где прозрачность, отчетность и внутренняя этика становятся естественными элементами государственной службы.

Таким образом, социальная детерминированность уголовно-правовых мер выражается не только в их способности восстанавливать нарушенные общественные отношения, привлекать к ответственности нарушителей, но и в их предупреждающем, воспитательном потенциале.

Международный опыт ясно свидетельствует о том, что наказание за злоупотребление властью должно сочетаться с мерами, направленными на устранение условий, порождающих эти злоупотребления.

В государствах, где уровень коррупции традиционно минимален, таких как Финляндия, Дания, Новая Зеландия, подход к уголовно-правовой охране строится на глубокой социальной осознанности и доверии общества к институтам власти. Там уголовное преследование не является основным инструментом борьбы с нарушениями, оно выступает, скорее, последним барьером, крайней мерой воздействия, включаемой тогда, когда исчерпаны все другие формы правового и этического контроля. Основной упор делается на

создание таких условий, при которых само возникновение коррупционного мотива становится маловероятным.

Д.А. Морозова, Е.Б. Воробьев приводят в качестве примера исследование Копенгагенского университета (2019 г.). Его результаты показали, что готовность студентов действовать честно и бескорыстно связана с восприятием государственной службы как инструмента общественного блага, а не личной выгоды. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что успешные антикоррупционные практики в странах, таких как Дания, основаны не столько на жестких санкциях, сколько на глубоко укорененной культуре честности и ответственности [42, с. 453].

Комитет по уголовному праву Финляндии, в 1986 году представивший свой план кардинального изменения Уголовного кодекса Финляндии, пришел к выводу, что система уголовного правосудия – это не единственный и даже не главный инструмент контроля общества над поведением людей [43, с. 126].

Ярким примером подобного подхода является Швеция, где правовая культура основана на принципе «offentlighetsprincipen» – публичности и открытости деятельности государственных органов. Этот принцип, закрепленный еще в XVIII веке в Акте о свободе печати, стал не просто юридическим инструментом, а элементом национального самосознания [44]. Каждый гражданин имеет право получить доступ к служебным документам, внутренней переписке и решениям должностных лиц, включая министров и депутатов. Такое всестороннее право на информацию создает ситуацию, в которой власть вынуждена действовать максимально прозрачно, а любое злоупотребление автоматически становится предметом общественного внимания. Когда каждый шаг должностного лица может быть проверен обществом, сама вероятность коррупционного поведения снижается в разы. Соответственно, в шведской модели правовой культуры ключевое значение придается не страху наказания, а убеждению в неизбежности общественного контроля и личной подотчетности перед гражданами.

В Эстонии принцип публичности, открытости деятельности государственных органов реализован в жизнь через цифровую экосистему управления. Более 99% государственных услуг предоставляются в электронном виде, а все действия должностных лиц оставляют цифровой след, доступный для внутреннего и внешнего аудита. Это снижает как возможности для злоупотреблений, так и социальную необходимость частого применения уголовно-правовых мер. Однако, при выявлении правонарушений, уголовное право применяется быстро и публично, что поддерживает высокий уровень доверия к институтам власти. Вклад государственных служащих заключается, прежде всего, в координации усилий и гармонизации сетей ИКТ различных правительственных ведомств. Однако эти усилия принесли результаты только благодаря синергийному взаимодействию с широкими институциональными изменениями, происходившими в стране, и соответствию целям политического руководства [45, с. 98].

В Сингапуре аналогичная логика правового и управленческого развития воплотилась в уникальную модель сочетания технологичности, дисциплины и общественного доверия. Здесь идея «нулевой терпимости» к коррупции стала без преувеличения частью культурного кода общества. Система противодействия злоупотреблениям строится на осознании того, что эффективность государства невозможна без личной ответственности каждого чиновника и прозрачности всех управленческих процессов. Центральное место занимает Полицейское бюро по расследованию коррупции (CPIB), независимый орган, обладающий правом проводить проверки в отношении любых государственных служащих, включая членов правительства и министров. Такая институциональная автономия гарантирует равенство всех перед законом и укрепляет общественную веру в неотвратимость ответственности [46].

Особое внимание в Сингапуре уделяется не только контролю, но и профилактике. Высокий уровень оплаты труда государственных служащих, четкие стандарты профессиональной этики, строгие правила декларирования доходов и предотвращения конфликта интересов формируют условия, в которых само стремление к коррупционным действиям теряет смысл. Важную роль играет и тотальная цифровизация – практически все административные процессы переведены в электронный формат, что делает возможным отслеживание любого управленческого решения и минимизирует влияние человеческого фактора. На основании этого можно сказать, что уголовно-правовая охрана в Сингапуре является лишь вершиной сложной системы превентивных и институциональных механизмов, где право служит не столько карательным, сколько поддерживающим инструментом доверия.

Похожие подходы можно наблюдать и в Южной Корее, где профилактика коррупции также рассматривается как стратегическая составляющая государственного управления. Здесь правовая политика исходит из того, что предупреждение проступков должно быть не менее значимым, чем их последующее наказание. Одним из ключевых инструментов стала система этических ограничений, закрепленная в Законе Ким Ен Ран (Kim Young-ran Act), принятом в 2016 году [47]. Этот закон стал прорывным не только для самой Кореи, но и для всей Восточной Азии, поскольку впервые установил четкие и жесткие рамки допустимого поведения государственных служащих, преподавателей, сотрудников государственных и квазигосударственных учреждений, а также журналистов. Согласно этому закону, любое получение подарков, финансовых поощрений, приглашений на дорогостоящие мероприятия или услуг, способных повлиять на объективность и беспристрастность должностного лица, строго запрещено. Примечательно, что ответственность наступает не только за фактическое получение выгоды или причинение ущерба, но и за сам факт попытки оказания влияния. Это принципиально отличает корейскую модель от классических уголовно-правовых конструкций, где необходимы доказательства материального вреда. В Корее достаточно зафиксировать саму ситуацию, создающую конфликт интересов, чтобы привлечь виновного к ответственности. Этот опыт Южной

Кореи показывает, что правовые механизмы могут эффективно сочетаться с морально-этическими стандартами, если последние поддержаны обществом и подкреплены неотвратимостью ответственности. В результате коррупция перестает быть элементом системы и становится явлением, осуждаемым не только законом, но и общественным мнением.

Схожие тенденции наблюдаются и в Японии, где борьба с должностными злоупотреблениями имеет давние культурные и институциональные корни. Здесь уголовно-правовое регулирование тесно переплетено с традиционными ценностями, которые формируют особую модель поведения государственных служащих. В Японии профессиональная правовая культура формировалась под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма, что привело к укоренению коллективизма, дисциплины и уважения к старшим. Закон «Об этике государственных служащих» (2000) регулирует вопросы подарков, доходов и конфликтов интересов, обеспечивая прозрачность и доверие общества [48, с. 155]. Ответственность за превышение власти и злоупотребление служебным положением установлена как в Уголовном кодексе, так и в Законе о государственной службе, однако истинная сила японской системы заключается не столько в юридических нормах, сколько в мощном морально-этическом контроле.

В японском общественном сознании глубоко укоренены понятия «гири» – долга перед обществом, и «хонне-татэмаэ» – различия между личными чувствами и общественно ожидаемым поведением [49, с. 112]. Эти традиции вырабатывают у государственных служащих внутреннюю установку действовать в интересах государства и общества, даже когда внешнего контроля нет. В Японии общественное осуждение нередко оказывается более действенным, чем уголовное наказание: чиновник, замешанный в коррупционном скандале, почти неизбежно лишается не только должности, но и общественного доверия, что в японской культуре приравнивается к профессиональному краху. Это очень специфическая японская модель социальной детерминации уголовно-правовой охраны, когда моральное давление общества и личное чувство долга становятся столь сильными, что применение уголовного закона менее страшно потери репутации.

Если сравнивать японскую модель морально-нравственного самоконтроля и западные подходы, можно отметить, что в ряде развитых стран принципы социальной детерминированности уголовно-правовой охраны приобретают более институционализированную форму. Так, показательным примером служит Канада, где акцент делается на независимых механизмах контроля и общественном участии. Работу системы обеспечивают специализированные комиссии, парламентские комитеты и институт омбудсмена, которые рассматривают жалобы граждан на действия должностных лиц, проводят проверки и дают обязательные для исполнения рекомендации. Важным элементом является защита информаторов – федеральный закон гарантирует им полную конфиденциальность, юридическую поддержку и компенсацию в случае давления или увольнения. Преимуществом деятельности канадских

омбудсменов является их гибкий и неформальный подход к разрешению обращений. Помимо стандартных процедур: анализа документов, сбора информации и подготовки заключений, они активно используют медиацию, «челночную дипломатию» и другие формы диалога между сторонами. Такой подход позволяет не только урегулировать конфликты без судебного вмешательства, но и предотвращать их возникновение, обеспечивая защиту прав граждан и организаций еще на стадии появления первых признаков управленческих проблем [50, с. 85]. Такая правовая конструкция не только снижает латентность коррупционных проявлений, но и укрепляет общественное доверие к государственным институтам, формируя высокую культуру ответственности должностных лиц.

Особого внимания заслуживает опыт Германии, где исторически выработан баланс между уголовно-правовыми и дисциплинарными инструментами. В §§ 331–358 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия (StGB) подробно регламентированы составы преступлений, связанных со взяточничеством, нарушением служебного долга. Однако немецкая модель уникальна тем, что уголовная ответственность действует не изолированно, а в тесном взаимодействии с административными механизмами. Концепция «служебного долга» (*Amtspflicht*) предполагает, что должностное лицо несет персональную ответственность за каждое принятое решение, даже если ущерб обществу не носит значительного характера [51, с. 453]. Таким образом, сама идея ответственности встроена в систему управления и не сводится к уголовному наказанию. Т.М. Сулейманов на основе изучения опыта Германии, «где структурные преобразования в системе государственных органов с созданием строгого контроля в этой системе привели к успешному экономическому росту страны», предлагает создать «механизм государственного контроля за объективностью назначения лиц на ответственные должности и контроля за деятельностью этих лиц путем обеспечения тесного взаимодействия правоохранительных органов с общественными организациями и парламентскими комиссиями» [52, с. 153-154].

Это предложение, на наш взгляд, заслуживает внимания, особенно с учетом того, что германская модель близка к административно-правовой системе Казахстана, где также формируется тенденция к превентивному реагированию на нарушения и параллельной работе институтов контроля. В Германии же такой подход опирается на культуру правовой транспарентности, ведь все судебные решения по делам государственных служащих, включая мэров и судей, публикуются в открытом доступе, что создает мощный воспитательный эффект и демонстрирует неизбежность ответственности. Подобная открытость не только укрепляет доверие граждан к государству, но и превращает правовую систему в инструмент общественного воспитания, где служение обществу воспринимается как привилегия, сопряженная с постоянным моральным и правовым контролем.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сказать, что социальная детерминированность уголовно-правовой охраны должностных отношений в Казахстане во многом определяется переходным характером отечественной правовой системы. Нормы статей 361 и 362 УК РК отражают международно признанную потребность в защите публичных интересов от злоупотребления властью, однако их действие остается ограниченным в силу недостаточно глубокой связи с профилактическими, институциональными и этическими механизмами.

В отличие от Финляндии, Дании, Эстонии или Сингапура, где система сдержек и противовесов пронизывает все уровни государственного управления, в Казахстане уголовное право, надо признать, выполняет больше карательную, чем предупредительную функцию. Это во многом связано с сохраняющейся латентностью должностных преступлений, недостаточной цифровизацией процедур, а также слабой интеграцией инструментов общественного контроля.

Опыт стран с развитой культурой законопослушания демонстрирует, что устойчивое снижение уровня злоупотреблений достигается не жесткостью наказания, а созданием среды, где нарушение служебных обязанностей воспринимается как исключение из общественной нормы. Для Казахстана этот вектор развития представляется особенно важным.

Тем самым, социальная детерминированность уголовно-правовой охраны в сфере реализации должностных полномочий в Казахстане должна смещаться от реактивной модели к проактивной модели, где ключевым элементом становится правосознание должностного лица. Надо отметить, что в юридической и философской науке категория добропорядочности рассматривается как интегративное качество личности, объединяющее моральные, правовые и социальные нормы поведения. Она выражает внутреннюю честность, уважение к закону, ответственность и осознание своего долга перед обществом. В таком понимании добропорядочность становится важным принципом государственного управления, отражая доверие, прозрачность и этическую устойчивость служащего [53, с. 205–206].

Сегодня недостаточно просто констатировать факт нарушения закона, для эффективной превенции важно выявить причины и мотивацию такого поведения, его связь с личными и групповыми интересами, а также определить, насколько деяние отклоняется от публичной цели, ради которой предоставлены полномочия.

На протяжении всей истории человечества, за исключением кратковременных революционных потрясений, государственная власть и гражданское общество не находились в состоянии полного отрицания друг друга. Даже в наиболее развитых демократиях невозможно достичь абсолютного взаимопонимания и идеального баланса между ними. Их взаимодействие всегда определяется господствующими принципами – будь то взаимное уважение и толерантность либо, напротив, недоверие, давление и конфронтация. Попытки противопоставить государство и гражданское общество предпринимаются, скорее, для того, чтобы подчеркнуть их

противоречивое единство – ведь без участия государства невозможно развитие общественных институтов, а без активного гражданского общества государственная власть неизбежно теряет легитимность и контроль [54, с.125].

Государство, обеспечивающее баланс общенациональных интересов и выступающее арбитром между различными социальными силами, формирует основу доверия. Именно качество коммуникации между властью и обществом во многом определяет перспективы демократического развития.

В этой связи использование служебных полномочий вопреки интересам службы следует рассматривать именно как сознательное искажение цели властных полномочий. Подобный подход позволяет соединить уголовно-правовую оценку деяния с его социальной сущностью – фактом подмены публичного интереса личной выгодой или корпоративной лояльностью. Именно такая трактовка обеспечивает согласование национальной уголовно-правовой доктрины с международными стандартами ООН и ОЭСР, где акцент делается на злоупотреблении доверием и подрыве принципа добросовестного управления.

Таким образом, предлагается авторское определение понятия «использование служебных полномочий вопреки интересам службы», которое позволяет точнее отразить социальную природу данного явления и устранить существующие пробелы в квалификации. Использование служебных полномочий вопреки интересам службы – это совершение должностным лицом действий (или бездействия), формально входящих в его компетенцию, но осуществляемых с нарушением принципов законности, добросовестности и беспристрастности, направленных на удовлетворение корыстных или иных личных интересов самого должностного лица либо третьих лиц, в результате чего причиняется вред охраняемым законом интересам государственной или общественной службы, правам и законным интересам граждан и организаций.

Данное определение, с одной стороны, конкретизирует содержательную сторону общественной опасности деяния, а с другой – выстраивает взаимосвязь понятия злоупотребления с социальными и этическими основаниями служебного поведения. Тем самым оно обеспечивает более точное разграничение между проступками дисциплинарного характера и уголовно наказуемыми злоупотреблениями, что, в свою очередь, способствует укреплению превентивного потенциала уголовного права и формированию новой модели правового регулирования, в которой должностное поведение становится объектом не только контроля, но и доверия.

Тем самым, социальная обусловленность уголовно-правовой охраны в сфере реализации должностных полномочий в Казахстане должна постепенно смещаться от реактивной модели к превентивной. Это потребует не только совершенствования законодательства, но и формирования новой этики государственной службы, характеризующейся высоким уровнем общественного доверия, личной ответственности, профессиональной порядочности и подотчетности в соответствии с международными стандартами государственного управления.

2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

2.1 Объективные признаки составов уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан

Проблематика злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий занимает особое место в уголовном праве, поскольку напрямую связана с самой сутью государственной власти, ее легитимностью, доверием общества и эффективностью функционирования публичных институтов.

Эти уголовные правонарушения отражают опасные формы деформации служебных отношений, когда представитель государства, наделенный властными функциями, использует их вопреки интересам службы, нарушая баланс между законом, долгом и личной выгодой.

Каждое действие или бездействие должностного лица, выходящее за пределы правомерного осуществления полномочий, представляет собой нарушение общественного договора между властью и гражданином. Оно подрывает доверие к институтам, формирует атмосферу вседозволенности и снижает эффективность государственного управления

Статьи 361 и 362 УК РК образуют логически взаимосвязанную конструкцию, охватывающую различные формы неправомерного использования власти – от злоупотребления служебным положением при формальном соблюдении компетенции до явного превышения установленных законом пределов. Разграничение между ними нередко вызывает сложности в правоприменительной практике, что обусловлено не только сходством внешних проявлений, но и необходимостью учитывать мотивы, цели и последствия деяния. Поэтому исследование объективных признаков данных составов предполагает комплексный подход, включающий анализ конкретных способов совершения преступлений, характера причиненного вреда и механизма реализации противоправного поведения.

В контексте анализа уголовных правонарушений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан, особое значение приобретает вопрос об объекте посягательства, поскольку именно он определяет социальную направленность и сущность данных деяний.

Как отмечается в академических учебниках, под объектом преступления понимается то благо (социальная ценность), которое защищено уголовным законом и которому преступление причиняет вред. В качестве такого блага отечественная уголовно-правовая наука признает общественные отношения, охраняемые уголовным законом [55, с. 43].

В уголовно-правовой науке объект преступления традиционно определяется как ключевой компонент объективной стороны состава преступления, указывающий на тот общественный элемент или благо, на которое направлено противоправное поведение и которому причиняется ущерб.

Именно через призму объекта выявляются характеристики посягающего деяния: его предмет, степень и специфика вреда. В доктринальной литературе объектом преступления признаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, – те социальные связи и ценности, которым законодатель приписывает особый правовой статус. Такой подход позволяет не только кодифицировать сферы охраняемых интересов, но и обосновать границы уголовно-правового реагирования, выстраивая иерархию важнейших социальных благ и механизмов их защиты.

Эти отношения выражают наиболее значимые сферы общественной жизни – правопорядок, интересы государственной службы, конституционные гарантии прав граждан, которые нуждаются в особой охране от противоправных действий должностных лиц.

Поскольку статьи 361 и 362 расположены в главе 15 Уголовного кодекса Республики Казахстан, объединяющей коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления, их непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие законность, добросовестность и эффективность функционирования системы государственной службы. Иными словами, уголовно-правовая охрана направлена на защиту нормального порядка реализации должностных полномочий, доверия граждан к представителям власти, а также самой идеи служения обществу как основы государственной деятельности.

Следовательно, вред, причиняемый при злоупотреблении или превышении должностных полномочий, носит сложный, многоуровневый характер. Он затрагивает не только конкретные материальные или нематериальные интересы граждан и организаций, но и подрывает устойчивость института государственной службы, снижая ее авторитет и эффективность. Поэтому значение объекта в этих составах преступлений выходит за пределы формальной характеристики и требует учета его социальной функции в целях сохранения доверия между властью и обществом.

Г.П. Новоселов подчеркивает, что объект преступления следует трактовать как то, против чего направлено противоправное деяние – будь то конкретные физические лица, социальные группы или нематериальные ценности, охраняемые уголовным законом и подвергаемые преступному воздействию, что влечет за собой нанесение ущерба либо создание угрозы его наступления [56, с. 162]. Данный подход дает возможность рассматривать объект не только как формальный компонент состава преступления, но и как индикатор общественной опасности деяния. Через призму характера посягаемых общественных отношений выявляется степень и глубина деструктивного влияния на систему публичных связей, что существенно для обоснования мер уголовно-правового реагирования.

Таким образом, объект преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК РК, следует рассматривать как совокупность общественных отношений, обеспечивающих надлежащее, законное и добросовестное исполнение

должностных полномочий представителями власти. Их охрана уголовным законом обусловлена необходимостью поддержания доверия к государственным институтам и исключения любых форм злоупотребления властью, способных нарушить равновесие между интересами государства, общества и личности.

По мнению С.В. Авдеева, поскольку «преступное злоупотребление должностными полномочиями приводит к существенному нарушению прав и законных интересов общества и государства, то здесь наряду с основным непосредственным объектом преступления имеются и дополнительные объекты преступления, которыми в зависимости от обстоятельств совершения преступления могут быть общественные отношения, обеспечивающие конституционные права и свободы человека и гражданина, имущественные и иные экономические интересы граждан, организаций или государства, здоровье, честь, достоинство, личная свобода граждан, собственность» [57, с. 63-64].

Это положение представляется весьма обоснованным, поскольку злоупотребление должностными полномочиями действительно затрагивает не одну, а целый комплекс взаимосвязанных общественных сфер. Такое преступление разрушает не только внутренние механизмы государственной службы, но и подрывает доверие граждан к праву, создавая ощущение незащищенности и несправедливости. Следовательно, многообъектность состава отражает не формальное, а реальное многоуровневое воздействие должностного преступления на социальную систему в целом.

В уголовно-правовой доктрине доминирует понимание объекта преступления как «системы общественных отношений, охраняемых уголовным законом, которым противоправное деяние наносит реальный ущерб либо создает опасность его наступления». Такой подход акцентирует внимание на социальных связях и правовом порядке, непосредственно затрагиваемых деянием, и служит ориентиром для квалификации состава преступления.

Вместе с тем в современной теории уголовного права выдвигается иная точка зрения. А.В. Наумов указывает на то, что модель объекта как общественного отношения не всегда адекватно отражает природу посягательства, поскольку упраздняет тонкие грани между уровнями общественно-правовых благ. В связи с этим он предлагает вернуться к классическому представлению об объекте преступления как о «правовом благе» – ценности, признанной и защищенной правом с конца XIX – начала XX века в рамках классической и социологической школ уголовного права [58, с.91-92]. Такое смещение акцентов позволяет более точно дифференцировать преступные посягательства по степени притязания на различные категории благ и выстраивать более чувствительные механизмы их охраны.

Н.С. Таганцев в своей классической концепции отмечал, что жизненной основой правовой нормы выступает тот интерес, который порождает ее существование и придает ей содержательное наполнение. С точки зрения автора, закон, превращая интерес жизни в правовое благо, не только

констатирует факт его социальной значимости и обеспечивает охрану, но и формирует этот интерес в юридически определенном виде, устраняя его индивидуальные особенности и придавая ему общественную важность. В результате посягательство на норму права оказывается одновременно посягательством на охраняемый интерес жизни – будь то реальное благо (жизнь, здоровье, неприкосновенность владения) или идеальное (честь, религиозные чувства, общественная нравственность) – причем право защищает лишь те из них, которые обладают общественным значением [59, с. 32].

Современные авторы развивают эту идею. Е.В. Львович, анализируя главу 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», подчеркивает: заголовок раздела свидетельствует о том, что законодатель относит к объектам преступления не только общественные отношения, выстроенные вокруг функционирования власти, но и охраняемые законом интересы государственной службы, которые сами по себе не сводятся к социальным связям. Таким образом, потенциальным объектом посягательства становятся и правомерные общественные отношения, и самостоятельные правовые интересы, подвергшиеся ущербу вследствие преступления [60, с.8].

Наконец, представляется обоснованным согласиться с точкой зрения исследователей, определяющих «интерес» как категорию исключительно социальную, лежащую в основе и генерации любых общественных отношений. Углубленное понимание интереса как движущей силы социального взаимодействия позволяет более четко обосновать границы уголовно-правовой охраны и определить круг защищаемых объектов [61, с. 616].

Исходя из изложенного, объектом преступления следует считать именно общественные отношения или правовые интересы, которым в результате совершения преступного деяния причинен реальный вред либо создана угроза его наступления. Такое определение отражает не только формальный компонент состава преступления, но и степень общественной опасности посягательства на складывающиеся в обществе ценности.

Уголовный кодекс Республики Казахстан выстраивает иерархию охраняемых интересов по четырем уровням: общий объект, родовой, видовой и непосредственный. Такая многоуровневая структура позволяет четко соотнести каждую норму с конкретным набором общественных благ и отношений, требующих уголовно-правовой защиты.

В научных исследованиях родовым объектом преступлений нередко признаются именно те интересы, на которые посягают нормы, объединенные в одном разделе УК РК. При исследуемых же деяниях, помещенных в главу 15 «Коррупционные и иные уголовные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления», родовым объектом выступают общественные отношения, возникающие в процессе осуществления государственной власти. Видовой же объект обретает более узкую спецификацию: это совокупность связей и правовых интересов, обусловленных

деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также их должностных (служебных) работников.

Ю.И. Ляпунов определяет «интересы государственной службы» как безусловное и точное следование должностными лицами Конституции, законам и иным нормативным предписаниям, направленное на надлежащее обеспечение полномочий государственных органов; аналогичное определение он переносит и на службу в органах местного самоуправления [62, с.586]. Вместе с тем целесообразнее говорить о «служащих» в целом, поскольку субъектами посягательств в этой сфере выступают не только лица, обладающие специальным статусом «должностного лица», но и иные категории служащих [18, с.98].

Ведущие теоретики уголовного права сходятся во мнении, что видовой объект должностных преступлений представляет собой нормальное функционирование публичного аппарата управления: органы законодательной, исполнительной и судебной власти, структуры местного самоуправления, а также командные органы Вооруженных Сил и иных воинских формирований в части исполнения возложенных на них задач [63, с.593]. Такое понимание усиливает связь между юридической характеристикой преступления и реальными общественными интересами, подлежащими охране.

Н.А. Егорова подвергает сомнению идею выделения видового объекта как «нарушения надлежащей деятельности» публичного аппарата управления, указывая на чрезмерную обобщенность и абстрактность данного определения. По ее мнению, в нем отсутствует конкретизация критериев «правильного» функционирования государственных и муниципальных органов, что лишает понятие реального содержательного наполнения. В обоснование своей позиции автор приводит аргументы из работ Б.С. Утевского, который подчеркивал: «правильная работа» сама по себе не может выступать конкретным объектом посягательства, поскольку не фиксирует в достаточной мере специфику правонарушения [64, с.6]. Она также отмечает, что далеко не каждое должностное преступление реально препятствует нормальной работе учреждения или предприятия. Если под «правильной работой» понимать исключительно организационные и технологические аспекты (распределение труда, документооборот, бюджетное обеспечение и т. п.), – тогда обозначение видового объекта в таком ключе приемлемо. Однако при расширительном толковании «правильной деятельности» как абсолютного соответствия любым правовым нормам подобная формулировка оказывается спорной. В качестве иллюстрации она приводит ситуацию, когда должностное лицо получает неправомерное вознаграждение за законные действия или использует государственные ресурсы в личных целях: ущерб наносится, но сама система управления продолжает функционировать без сбоев [64, с.6–7].

Вместо этого Н.А. Егорова предлагает рассматривать объект преступлений, предусмотренных главой 30 УК, как легитимную деятельность в сфере властных отношений тех субъектов, которые указаны в примечании к ст. 285 УК (должностные лица и иные служащие) [64, с.6-7]. Хотя она относит эти

общественные отношения к родовому объекту, такое уточнение позволяет снять двусмысленность с понятий «правильное функционирование» и «общественный интерес» и привязать объект уголовного посягательства к конкретным юридически оформленным действиям властных структур.

Е.В. Львович критикует прежние определения видового объекта должностных преступлений за опору на такие категории, как «нормальная», «правильная» или «законная» деятельность публичного аппарата, считая их чрезмерно субъективными и не способными служить точным критерием квалификации. По ее убеждению, более адекватной характеристикой должно стать понятие легальности, поскольку именно правовое соответствие действий органа государственной власти обеспечивает юридическую обоснованность его полномочий и фиксирует границы допустимого поведения [60].

Однако при внимательном анализе само определение «легальности», предложенное Е.Львович, сводится к уже известному понятию «законной деятельности», основанному на соблюдении норм законов и подзаконных актов. Следовательно, переход от одного термина к другому не устраняет исходную проблему субъективности, а лишь переименовывает ее проявления в описании видового объекта.

Таким образом, преступления, совершаемые должностными лицами, следует понимать как действия, нарушающие устойчивость и эффективность функционирования отдельных звеньев государственного аппарата, организаций и учреждений. Именно данное нарушение структурной целостности и оперативности публичного управления выступает ключевым показателем общественной опасности таких деяний.

В юридической науке находит сторонников более расширенный взгляд на объект должностных преступлений, включающий в себя не только охраняемые общественные отношения, но и авторитет соответствующих органов власти. Уже в 1879 г. Н.В. Муравьев подчеркивал: любое должностное преступление, помимо прямых последствий, неизбежно подрывает доверие к представителям власти, дискредитирует их в общественном мнении и уменьшает уважение, без которого немыслимо эффективное служебное исполнение обязанностей. Более того, такое деяние внушает обществу мысль о том, что закон, призванный оберегаться этими же должностными лицами, на деле легко обходится и нарушается [65, с. 796].

Исходя из этого наблюдения и современных теоретических дискуссий, представляется очевидным, что вред от должностного правонарушения наносится не только материальным интересам или нормальной деятельности административного аппарата, но и самому авторитету государственной власти в целом, а также авторитету отдельных государственных и муниципальных органов. При этом авторитет органа верховной власти, отраслевых учреждений и исполнительно-распорядительных звеньев просачивается через все уровни общественных отношений, выстраиваемых в процессе осуществления государственной власти и местного самоуправления.

Следовательно, единственным адекватным способом отразить эту многогранность является включение авторитета публичных институтов в качестве объекта преступного посягательства на всех четырех ступенях структурной модели УК РК: общего, родового, видового и непосредственного. Такое решение позволит учесть глубину общественной опасности должностных правонарушений и выстраивать более точные механизмы уголовно-правовой защиты.

Некоторые авторы, признавая авторитет государственной власти самостоятельным объектом должностных преступлений, сводят видовой объект исключительно к «общественным отношениям, обеспечивающим высокий авторитет государства и позволяющим органам власти эффективно реализовывать функции управления обществом». При таком подходе весь смысл посягательства сводится к нарушению доверия к власти.

В юридической литературе существует и иная позиция. А.С. Снежко критикует точку зрения С.П. Славы, который рассматривает «авторитет или престиж государственной власти в целом и ее органов» как элемент правосознания, не порождающий общественных отношений и потому отнесенный им за рамки охраняемых уголовным законом объектов, а лишь выступающий проявлением морального вреда, причиняемого должностным злоупотреблением [66, с. 9]. По убеждению А. Снежко, подобное исключение правосознания из сферы уголовно-правовой охраны является необоснованным: любое посягательство на авторитет способствует возникновению преступных последствий и, следовательно, затрагивает охраняемые уголовным правом общественные отношения [67, с. 41].

Не менее спорной представляется точка зрения, согласно которой родовой, видовой и непосредственный объекты должностных преступлений тождественны и выражаются единой «нормальной деятельностью органов государственного управления, государственной службы и местного самоуправления». Сторонники этого мнения возражают, что каждое правонарушение напрямую нарушает работу конкретного учреждения, поэтому введение нескольких уровней объекта якобы избыточно [67, с. 41]. Однако такое упрощение противоречит общепринятому принципу: объекты одной и той же совокупности общественных отношений должны находиться «в одной плоскости», но при этом не совпадать, поскольку часть не может исчерпывающе тождествовать целому [68, с.115].

Таким образом, непосредственный объект злоупотребления и превышения должностных полномочий представляет собой законно регламентированную и устойчиво функционирующую деятельность соответствующего звена публичного аппарата управления: органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных учреждений, а также аппарата управления Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями.

В ряде исследований (В.А. Владимиров, В.Ф. Кириченко) непосредственным объектом должностных правонарушений признаются исключительно законные права и интересы граждан [69, с.21].

Однако более справедливым представляется мнение исследователей, считающих такие подходы чрезмерно узкими. Нельзя фокусироваться лишь на интересах государственных органов и органов местного самоуправления, это необоснованно сужает смысл этой категории. Подобная позиция игнорирует конституционный приоритет прав и свобод человека, которые должны рассматриваться не как дополнительный, а как равноправный элемент объекта. Такой подход позволяет рассматривать должностные преступления шире – как посягательство не только на публичные, но и на частные интересы [70, с.9].

Деяния, предусмотренные статьями 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан, относятся к категории преступлений, что вытекает из их высокой степени общественной опасности и характера причиняемого вреда. В соответствии со ст. 10 УК РК преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания в виде лишения свободы [6]. Именно такие признаки присущи злоупотреблению должностными полномочиями и превышению власти или должностных полномочий. Они посягают на фундаментальные основы государственной службы, подрывают ее авторитет, нарушают права граждан и интересы государства, а потому обладают повышенным уровнем общественной опасности, выходящим за рамки уголовного проступка.

В отличие от деяний, не представляющих большой общественной опасности (уголовных проступков), злоупотребление и превышение власти неизбежно влечет существенный вред охраняемым законом интересам, что прямо указано в диспозициях статей 361 и 362 УК РК. Этот вред может проявляться в нарушении прав граждан, незаконном ограничении их свобод, причинении имущественного ущерба или подрыве общественного доверия к институтам власти. Таким образом, данные преступления не только формально нарушают служебные обязанности, но и наносят значительный ущерб общественным отношениям, обеспечивающим законность и эффективность государственного управления.

Следовательно, объективная сторона рассматриваемых преступлений выражается в действиях или бездействии должностного лица, связанных с реализацией предоставленных ему властных полномочий вопреки их целевому назначению и повлекших существенный вред охраняемым законом интересам. Для злоупотребления (ст. 361 УК РК) характерно использование своих полномочий в пределах формальной компетенции, но с нарушением служебных принципов, тогда как превышение власти (ст. 362 УК РК) предполагает выход за установленные законом пределы полномочий [6].

Обе статьи предусматривают наличие общественно опасных последствий, что отражает причинно-следственную связь между поведением должностного лица и наступившим вредом. Таким образом, объективная сторона преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК РК, включает действие (или бездействие), общественно опасные последствия и причинную связь между ними, а также характеризуется способом, средствами, временем и обстоятельствами их совершения.

Эти признаки проявляются в конкретных формах противоправного поведения, характерных для различных категорий должностных лиц. Например, характерной формой превышения сотрудниками органов внутренних дел должностных полномочий является физическое воздействие на лиц, участвующих в следственных действиях [71, с. 16].

Рассмотрим отдельно интересующие нас составы преступлений.

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 361 УК РК).

Данная норма устанавливает уголовную ответственность за злоупотребление служебными полномочиями лицом, наделенным государственной функцией либо приравненным к нему, при наличии следующих признаков:

а) совершение действий или бездействия вопреки интересам службы; б) направленность деяния на получение выгод и преимуществ для себя либо других лиц или организаций; в) причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций, а также охраняемым законом интересам общества либо государства [72].

Наряду с базовым составом (ч. 1 ст. 361 УК РК) квалифицированные признаки предусмотрены в частях 2–4 той же статьи. Они связаны с особым статусом субъекта (должностное лицо или лицо, занимающее ответственную государственную должность) либо с наличием особо тяжких последствий деяния.

Объективная сторона описываемого преступления может проявляться как в активных действиях, так и в бездействии, однако всегда с использованием служебных (должностных) полномочий. При этом использование собственного авторитета, статуса или служебных связей исключительно для личного обогащения или приобретения иных преимуществ не подпадает под признаки данного состава.

Законодателем ясно зафиксировано, что должностные действия (или бездействие) виновного должны совершаться сознательно «во вред интересам службы» – то есть в нарушение целей и задач, ради которых лицо наделено соответствующими правомочиями. Речь идет не об абстрактных оценках, а о конкретной ссылке на те нормативно-правовые предписания, которые должностное лицо обязано соблюдать. В ходе расследования и судебного разбирательства следует приобщать к материалам дела именно те акты – должностные положения, инструкции и иные нормативы – которые детализируют функциональные обязанности и пределы полномочий обвиняемого.

Как подчеркивается в Постановлении Верховного Суда, «для правильного решения вопроса о том, относится ли деяние к коррупционным преступлениям, а совершившие его лица – к субъектам этих преступлений, органам, ведущим уголовный процесс, необходимо руководствоваться законодательными и иными нормативными правовыми актами, в том числе должностными положениями и инструкциями, определяющими круг и содержание служебных

полномочий, а также должностной статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности» [72].

Формы и методы злоупотребления должностными полномочиями отличаются высокой вариативностью и включают, в частности: • сокрытие фактов хищений, совершенных в государственных органах, органах местного самоуправления или иных государственных учреждениях; • издание распоряжений и приказов, противоречащих закону или иным нормативным правовым актам, влекущих последствия, предусмотренные ст. 361 УК РК.

Согласно п. 5 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 27 ноября 2015 г. «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений», под получением имущественных благ и преимуществ следует понимать принятие лицом, относящимся к субъекту преступления, безвозмездно или на льготных условиях предоставляемых услуг, работ или средств – включая строительные и ремонтные работы, санаторно-курортные путевки, проездные билеты, ссуды и кредиты на льготных основаниях и т.п. [72]. На практике следственные и судебные органы нередко фиксируют случаи злоупотреблений, мотивированных искаженным пониманием интересов службы. Так, руководитель учреждения может назначить юрисконсультом жену влиятельного начальника без фактического исполнения ею должностных обязанностей, рассчитывая на последующее лоббирование выделения средств или помещений. Несмотря на отсутствие прямого ущерба бюджету, подобные действия не освобождают от ответственности.

Ключевым признаком состава по ст. 361 УК РК является причинение существенного вреда охраняемым законом правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства. Для квалификации такого вреда судебная практика ориентируется на следующие критерии: масштаб затронутых прав и интересов (число пострадавших и степень нарушения их нормальной жизнедеятельности); характер и размер причиненного ущерба, включая упущенную выгоду; степень физического или имущественного вреда, причиненного физическим и юридическим лицам; уровень подрыва авторитета органа или учреждения и создаваемые препятствия для их нормального функционирования.

Таким образом, разнообразие форм злоупотреблений и жесткие требования к доказательству существенного вреда обеспечивают комплексную оценку общественной опасности подобных преступлений и обоснованность уголовно-правового реагирования.

В статье 361 УК РК предусмотрено три квалифицированных состава злоупотребления должностными полномочиями, отражающих повышенную степень общественной опасности деяния, усиленную характером субъекта, мотивами или тяжестью последствий.

В рамках анализа объективных признаков злоупотребления должностными полномочиями наибольший интерес представляет ч.4 ст.361 Уголовного кодекса Республики Казахстан, поскольку именно она раскрывает характеристику деяния, тогда как части 2-1 и 3 данной статьи описывают особенности

специального субъекта, но не влияют на объективную сторону состава [6]. В соответствии с диспозицией ч.4 ст. 361 УК РК, уголовная ответственность наступает за злоупотребление служебными полномочиями, если оно совершено в интересах преступной группы, при выполнении служебных обязанностей, связанных с применением Закона Республики Казахстан «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества» с использованием информации, полученной в процессе легализации имущества, а также если такие действия повлекли тяжкие последствия или были совершены лицом, занимающим ответственную государственную должность в правоохранительном органе либо судьей [73].

Особое значение для объективной стороны квалифицированного состава имеют тяжкие последствия, которые в соответствии с пунктом 4) ст. 3 УК РК включают в себя смерть одного человека, смерть двух или более лиц, самоубийство потерпевшего или его близких, причинение тяжкого вреда здоровью одного или нескольких лиц, массовое заболевание, заражение, облучение или отравление людей, ухудшение состояния здоровья населения и окружающей среды, наступление нежелательной беременности, техногенное или экологическое бедствие, чрезвычайную экологическую ситуацию, причинение крупного или особо крупного ущерба, срыв исполнения поставленных задач, создание угрозы безопасности государства, катастрофу или аварию, длительное снижение уровня боевой готовности, срыв выполнения боевых задач, вывод из строя военной техники, а также иные последствия, свидетельствующие о тяжести причиненного вреда [6].

Применительно к злоупотреблению должностными полномочиями такие последствия могут выражаться в причинении тяжкого вреда здоровью граждан в результате незаконных распоряжений должностного лица, например, сокрытия действительного диагноза пострадавших; в причинении крупного или особо крупного материального ущерба вследствие заведомо незаконных решений по начислению налоговых платежей или штрафов; в срыве нормальной работы государственных органов или учреждений, в том числе систем здравоохранения, образования, социальной защиты; в провоцировании массовых беспорядков или блокировании транспортных магистралей вследствие неправомерного распоряжения фондами заработной платы или пенсионных выплат.

Таким образом, часть 4 статьи 361 УК РК конкретизирует объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями, раскрывая те случаи, когда деяние приобретает повышенную общественную опасность в силу наступления тяжких последствий, прямо соотносимых с перечнем, закрепленным в п.4 ст. 3 УК РК [6].

Надо отметить, что этот квалифицированный состав претерпел несколько редактирований. Так, Законом РК № 400-V от 13 ноября 2015 года в квалифицированный состав, указанный в ч.4 ст. 361 УК РК, были добавлены следующие обстоятельства: злоупотребление должностными полномочиями,

повлекшие тяжкие последствия: а) в интересах преступной группы; б) при выполнении служебных обязанностей, которые установлены Законом РК «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества», с использованием информации, полученной в процессе проведения легализации имущества [73].

Указанная конструкция изначально была увязана с действовавшим на тот момент разовым актом и выполняла задачу точечного реагирования на повышенные риски злоупотреблений в период проведения кампании по легализации.

Надо подчеркнуть, что Закон Республики Казахстан от 30 июня 2014 года № 213-V ЗРК «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества» изначально носил временный, разовый характер. В самом тексте данного закона прямо указывалось: «Настоящий Закон регулирует общественные отношения, связанные с проведением государством разовой акции по легализации имущества, в том числе ранее выведенных из легального экономического оборота денег, а также в связи с переходом к декларированию доходов и имущества граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан» [74].

Тем не менее, в соответствии с этим Законом часть 4 статьи 361 Уголовного кодекса была отредактирована и дополнена упоминанием данного акта. Однако подобная отсылка к разовому закону в тексте УК РК с точки зрения законодательной техники является ошибочной. Как справедливо отмечает С.Б. Айсин, «общественные отношения постоянно развиваются, поэтому законодательство должно обновляться: утрачивающие актуальность нормы заменяются новыми, отражающими современные социально-экономические условия; внесение изменений и дополнений в акты – естественный процесс их обновления» [75].

Уголовный кодекс – это акт постоянного действия, предназначенный для регулирования общественных отношений на длительный период, без привязки к конкретным временным кампаниям или мероприятиям. Включение в его диспозиции ссылки на закон, утративший силу и завершивший свое фактическое действие, нарушает принципы системности и логики уголовно-правового регулирования.

Иначе говоря, такая формулировка делает квалифицирующий признак, содержащийся в пункте 2) части 4 статьи 361, фактически неработающим, поскольку событие, с которым он связывается, уже не может наступить. Это создает иллюзию наличия действующей уголовно-правовой нормы при отсутствии предмета ее применения, что противоречит принципу юридической определенности и снижает превентивный потенциал уголовного закона. Более того, подобное упоминание разового акта искажает соотношение временных границ действия уголовного закона, ведь квалификация предполагает наличие

актуального общественно опасного деяния, тогда как соответствующая правовая основа (Закон об амнистии) прекратила свое действие еще в 2016 году.

С точки зрения законодательной техники, уголовный закон должен оперировать категориями, имеющими устойчивый и воспроизводимый характер, а не ссылаться на конкретные законы, изначально рассчитанные на ограниченный срок. В данном случае правильным решением является формулирование нормы в редакции, позволяющей применять ее в будущем при возникновении иных аналогичных ситуаций. В силу этого предлагаем изложить п.2 ч.4 ст. 361 УК РК в следующей редакции *«совершенные при выполнении служебных обязанностей, которые установлены законодательным актом Республики Казахстан об амнистии в связи с легализацией имущества».* Такая редакция сохраняет смысл квалифицирующего признака, но устраняет юридическую фикцию, обеспечивая преемственность и гибкость уголовно-правового регулирования.

Таким образом, исключение из пункта 2) части 4 статьи 361 УК РК прямой ссылки на Закон № 213-V ЗРК и замена ее обобщенной формулировкой позволит устранить нарушение правил законодательной техники, восстановить внутреннюю согласованность уголовного закона и повысить его адаптивность в случае принятия аналогичных правовых актов в будущем.

Следует учитывать и правоприменительные издержки существующей редакции. Прямое упоминание утрачивающего актуальность акта порождает коллизионные вопросы при оценке действий, совершенных в схожих по природе процессах (например, при администрировании иных легализационных или декларированных государством кампаниях в имущественной сфере), но формально не подпадающих под узкую формулу действующей диспозиции. Судам и органам досудебного расследования приходится прибегать к расширительным толкованиям или квалифицировать деяния лишь по части 1 статьи 361 УК РК, что нивелирует замысел законодателя по дифференциации ответственности и снижает профилактическую функцию нормы при проведении иных акций по легализации имущества, сопряженных с большими коррупционными рисками.

Возможные возражения о якобы снижении определенности диспозиции при замене конкретной ссылки на обобщающую формулу представляются несостоятельными. Предлагаемое выражение «законодательный акт об амнистии в связи с легализацией имущества» является объективно проверяемым признаком, поддающимся точной верификации по официальным источникам опубликования. Также такая редакция согласуется с общими правилами действия уголовного закона во времени и исключает риск ретроактивного расширения ответственности: квалифицирующий признак применяется лишь к тем деяниям, которые совершены в период действия соответствующего законодательного акта и при осуществлении именно тех служебных обязанностей, которые им установлены.

Объективная сторона данного преступления проявляется в совершении лицом, наделенным государственными полномочиями или приравненным к

таковому, действий или бездействия в рамках служебных обязанностей, которые явно выходят за пределы предоставленных полномочий и приводят к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства при установлении причинно-следственной связи между этими действиями и наступившими последствиями. Состав квалифицируется как материальный: деяние признается оконченным с фактом причинения любого из указанных последствий.

Законодательно подчеркнуто, что выход за пределы полномочий должен быть «явным», то есть предельно очевидным для лица, совершавшего противоправное действие.

Субъективная сторона преступления корреспондируется с критериями, установленными ст. 362 УК РК, однако мотивы, связанные с получением преимуществ, не включаются в признаки состава. Вместе с тем их учет важен при индивидуализации ответственности и назначении наказания.

Квалифицирующие признаки закреплены в частях 2–4 ст. 362 УК РК:

1) ч. 2 – совершение аналогичного деяния самим должностным лицом;

2) ч. 3 – деяние, совершенное лицом, занимающим ответственную государственную должность;

3) ч. 4 – действие или бездействие, предусмотренные ч. 1–3, повлекшее тяжкие последствия либо совершенное: а) с применением насилия или угрозы его применения; б) с применением оружия или специальных средств; в) в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или третьих лиц; г) при исполнении обязанностей, урегулированных актом об амнистии в связи с легализацией имущества [6].

Для квалификации обязательным является осознание виновным факта применения физического или психического насилия в любой форме, включая угрозу. Под «оружием или специальными средствами» понимаются как использование их боевых свойств, так и создание реальной угрозы применения (например, размахивание пистолетом перед потерпевшим). Наличие тяжких последствий устанавливается судом как факт.

В доктрине преобладает точка зрения, что злоупотребление должностными полномочиями может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии (когда должностное лицо сознательно уклоняется от исполнения обязанностей), тогда как превышение полномочий возможно лишь через активные действия [76, с. 599].

Однако иной подход связывает термин «использование полномочий» исключительно с активными поступками. Б.В. Волженкин, разделяя эту позицию, подчеркивает, что неисполнение обязанностей не может рассматриваться как «использование» полномочий, а скорее как их противоположность – неиспользование вопреки интересам службы [18, с. 142].

А. М. Минькова дает семантическое и правотехническое обоснование этой точки зрения. Во-первых, в языке глагол «использовать» всегда отражает процесс активного действия, а во-вторых, в общей теории права

«использование» рассматривается как форма реализации права через совершение дозволенных правом действий [77, с. 59].

Действительно, анализ приведенных позиций позволяет сделать вывод, что терминологическая конструкция «использование должностных полномочий» несет в себе активный смысл, ограничивая объективную сторону злоупотребления лишь действиями, а не бездействием. Между тем, в реальной правоприменительной практике должностное злоупотребление может проявляться и в форме умышленного неисполнения обязанностей, направленного на извлечение выгоды или причинение вреда охраняемым законом интересам. Следовательно, законодательное определение нуждается в уточнении, чтобы охватывать как активные, так и пассивные формы противоправного поведения, когда должностное лицо использует свое положение вопреки интересам службы, в том числе путем бездействия.

Представляется, что в теоретико-правовом плане использование термина «использование полномочий» действительно сужает смысл явления и не отражает всей палитры возможных форм противоправного поведения должностного лица. Более точным, на наш взгляд, было бы говорить о «искаженном осуществлении служебных полномочий» или «отклонении от правомерного порядка их реализации». Такая формулировка позволяет включить в понятие не только активные действия, направленные на личную выгоду или причинение вреда интересам службы, но и сознательное уклонение от исполнения обязанностей, выражающееся в бездействии. В этом контексте злоупотребление должностными полномочиями следует рассматривать не просто как использование власти во вред, а как отступление от легитимной цели и функционального назначения полномочий, то есть как нарушение самой сути их правового характера.

В.В. Голубев выдвигает альтернативную точку зрения: умышленное уклонение должностного лица от исполнения служебных обязанностей следует квалифицировать не как злоупотребление полномочиями, а как самостоятельное правонарушение или участие в иного рода преступных действиях [78, с. 81].

Противники этой концепции, в частности Е. В. Львович, настаивают на расширительном толковании «использования» полномочий. По ее мнению, даже при бездействии должностное лицо реализует свои служебные права вопреки интересам службы, поскольку исполнение должностных обязанностей представляет собой волевой акт, направленный на достижение определенных целей. Поскольку полномочия включают не только обязанности, но и соответствующие им права, их сознательное неисполнение из корыстных или иных личных побуждений также входит в состав злоупотребления полномочиями [60, с. 20].

Уголовное законодательство использует термин «деяние» для описания злоупотребления должностными полномочиями. В теории уголовного права «деянием» называют виновное (сознательное), общественно опасное поведение, проявляющееся как в активных действиях, так и в бездействии, и

направленное на нарушение охраняемых законом общественных отношений [60, с. 28].

Таким образом, анализ различных научных позиций позволяет заключить, что проблема разграничения активной и пассивной форм проявления злоупотребления должностными полномочиями сохраняет дискуссионный характер. Очевидно, что буквальное толкование термина «использование» не охватывает все случаи, когда должностное лицо, обладая властью и компетенцией, осознанно не реализует возложенные на него обязанности, тем самым причиняя вред интересам службы. При этом именно возможность распоряжаться своими полномочиями по собственному усмотрению создает условия для злоупотребления как через действие, так и через бездействие.

Следовательно, в целях повышения правовой определенности нормы и единообразия правоприменения целесообразно рассматривать злоупотребление должностными полномочиями в более широком аспекте, как неправомерное обращение с предоставленной властью, выражающееся в искаженной, противоречащей целям государственной службы реализации прав и обязанностей, независимо от формы их внешнего проявления.

Полномочия должностного лица определяются его компетенцией. Понятие «компетенция» происходит от латинского слова «compete», состоящего из двух частей com-peto: - вместе добиваться, -стремиться; -сходиться, -встречаться; - совпадать (во времени); соответствовать, подходить; быть годным, способным; юр. требовать согласно закону [79, с.244].

С.И. Ожегов определяет полномочия как официально предоставленное право осуществлять определенную деятельность или вести дела [80, с. 554].

В уголовно-правовой доктрине понятие компетенции должностного лица раскрывается как «круг конкретных прав и обязанностей, отражающих содержание и ограничивающих пределы его служебных функций в соответствии с занимаемой должностью» [81, с. 58].

Данные определения подчеркивают, что «использование должностных полномочий» может проявляться как через активные действия, так и через бездействие, если закон предоставляет должностному лицу право выбора способа реализации своих прав и обязанностей.

Однако на практике возникает сложная квалификационная коллизия, когда законом установлена обязанность совершать лишь определенные действия, а должностное лицо умышленно отказывается их выполнять. Д. Доиджашвили считает такое бездействие примером превышения полномочий: во-первых, непринятие необходимых мер равноценно заявке на решение вопроса об их выполнении, что выходит за рамки компетенции следователя; во-вторых, сознательный отказ от действий, предписанных законом, фактически означает выход за пределы предоставленных правомочий. При этом автор подчеркивает, что квалификация как превышения возможна лишь в тех случаях, когда право окончательного решения принадлежит именно данному должностному лицу [82, с. 12].

С иной аргументацией выступает А.С. Снежко, который полагает, что в описанном примере следователь не выходит за пределы своих полномочий, а лишь злоупотребляет ими, уклоняясь от исполнения послужных предписаний; таким образом, его бездействие следует квалифицировать как злоупотребление служебными полномочиями, а не превышение [67, с. 39].

В свою очередь А. Стренин предлагает закрепить в Уголовном кодексе отдельную статью, предусматривающую ответственность за умышленное неисполнение должностным лицом своих служебных обязанностей или их ненадлежащее исполнение, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства [83, с. 57].

Таким образом, дискуссия вокруг квалификации умышленного бездействия должностного лица отражает глубинные различия в понимании границ «использования» и «превышения» полномочий и требует четкого законодательного определения и судебной практики для унификации подходов.

Представляется, что данная дискуссия отражает более глубокую проблему –неопределенность границ между злоупотреблением и превышением должностных полномочий, особенно в ситуациях, когда речь идет о бездействии. На наш взгляд, решающим критерием при разграничении должно выступать наличие у должностного лица свободы усмотрения при принятии решения. Если субъект обладает правом выбора и сознательно не реализует предоставленные ему возможности вопреки интересам службы, то такое поведение следует рассматривать как злоупотребление полномочиями, поскольку вред причиняется посредством ненадлежащего использования предоставленной компетенции. Однако, когда должностное лицо уклоняется от исполнения императивной обязанности, предписанной законом без права выбора, то подобное бездействие выходит за рамки предоставленных полномочий и ближе по своей сути к превышению служебных пределов.

Именно поэтому в теоретико-прикладном плане целесообразно дифференцировать данные формы неправомерного поведения не по внешнему признаку действия или бездействия, а по характеру нарушенного служебного предписания и степени свободы усмотрения, закрепленной в компетенции лица.

Практика судебного толкования признаков действия и бездействия в составе злоупотребления полномочиями остается противоречивой. С объективной точки зрения состав преступления проявляется через:

– использовать должностным лицом предоставленные ему служебные права или сознательно не исполнять возложенные обязанности вопреки интересам службы;

– причинение при этом существенного вреда охраняемым законом правам и законным интересам граждан, организаций либо общества и государства.

В доктрине преобладает взгляд, что превышение должностных полномочий может совершаться лишь в форме активных действий. Вместе с тем ряд авторов обосновывает возможность квалификации данного преступления и на основании бездействия.

В эпоху действия УК РСФСР 1960 г. и УК КазССР 1959 г. велся спор о способах «использования служебного положения». Одни исследователи (А. А. Пионтковский, М. Д. Лысов, Ш. Н. Папиашвилли и др.) понимали этот термин прямо: как совершение или несовершение действий, входящих в служебную компетенцию. Оппонирующие им Светлов А. Я., Здравомыслов Б.В., Волженкин Б. В. и др. расширяли содержание понятия, включая в него использование авторитета должности, служебных связей и иных возможностей, вытекающих из статуса должностного лица.

Мы склонны разделить критику М.Д. Лысова, который подчеркивал, что такое растяжение понятия «использование» лишает квалификацию объективных ориентиров: любое неблагоприятное действие должностного лица способно быть истолковано как злоупотребление авторитетом, а значит, отпадает необходимость в установлении конкретных действий или бездействия для привлечения к ответственности [84, с. 109-110].

Следовательно, для признания деяния злоупотреблением полномочиями требуется доказать, что виновный реализовал именно те правомочия, которые ему предоставлены законом или иным нормативно-правовым актом. Иначе наступившие общественно опасные последствия свидетельствуют о совершении общеуголовного преступления, но не специфически должностного.

Определение границ служебных полномочий относится и к квалификации их превышения. Понятие полномочий раскрывает круг конкретных прав и обязанностей, предоставленных должностному лицу законом или подзаконным актом в соответствии с занимаемой должностью.

Следовательно, для признания деяния злоупотреблением или превышением полномочий требуется установить: 1) какие именно служебные права были реализованы вопреки интересам службы; 2) какие конкретные обязанности должностное лицо умышленно нарушило; 3) имелись ли у него соответствующие полномочия по отношению к потерпевшему – физическому лицу или организации, чьи права и интересы были существенно нарушены.

Использование предоставленных полномочий должно идти вразрез с интересами службы. Как отмечает Б.В. Волженкин, нарушение интересов службы означает совершение действий, не продиктованных необходимостью служебного исполнения; при этом интересы службы определяются не только потребностями функционирования конкретного органа, учреждения или воинского формирования, но и задачами публичного аппарата управления в целом [18, с. 142].

Поскольку интересы государственной службы заключаются в точном исполнении должностными лицами Конституции, законов и подзаконных актов, любое умышленное уклонение от своих обязанностей следует рассматривать как деяние, совершенное вопреки интересам службы.

В качестве одной из форм злоупотребления полномочиями традиционно выделяется нецелевое использование бюджетных средств. С появлением новых составов преступлений в науке развернулась дискуссия об интерпретации этого элемента. С. Устинов указывает, что под нецелевым расходованием надлежит

понимать траты без надлежащего оформления оправдательных документов, а также недостачи материальных ценностей, приобретенных за счет бюджета. Однако такие признаки не являются бесспорными: неподготовленные документы или дефицит имущества могут быть результатом ошибок бухгалтерского учета или хищений, которые регулируются иными нормами ответственности. Поэтому, по мнению автора, следует говорить о расходах, прямо не предусмотренных законом о бюджете, и осуществленных за пределами правового поля [85, с. 30-31].

Аналогичная проблема возникает и в толковании состава преступления, предусмотренного ст. 362 УК РК – превышения власти или должностных полномочий. Цифровая трансформация государственного управления в последние годы радикально изменила способы осуществления управленческих действий и тем самым повлияла на формы и последствия превышения должностных полномочий.

В Республике Казахстан сегодня цифровизация рассматривается как ключевой приоритет государственной политики и основной инструмент модернизации государственного управления. Согласно Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы, утвержденной Постановлением Правительства РК № 269 от 28 марта 2023 года, Казахстан занимает высокие позиции по международным цифровым индексам: по индексу развития электронного правительства и по индексу онлайн-услуг. Это стало возможно благодаря масштабному внедрению инфраструктуры электронного правительства – ключевых баз данных, отраслевых информационных систем, систем обмена данными и цифровых платформ, таких как «Smart Bridge», eGov, «Цифровая карта семьи», e-Otinish и других [86].

Цифровизация охватила сегодня почти 99% государственных услуг, которые оказываются на безальтернативной и на альтернативной электронной основе. Вместе с тем в официальных документах подчеркивается, что в процессе цифровизации остаются существенные вызовы, включая отсутствие бесшовности взаимодействия между государством и гражданами, дублирование процессов на разных каналах, а также разрозненность и несовместимость разных государственных информационных систем. Выявленные проблемы требуют перехода от ведомственного подхода к единой архитектуре электронного правительства и внедрения платформенной модели, ориентированной на потребности граждан и бизнеса [86].

Таким образом, цифровая трансформация не только усиливает эффективность и прозрачность государственного управления, но и становится основой для повышения качества жизни населения, борьбы с коррупцией и укрепления подотчетности государственных органов. Это обуславливает необходимость соответствующей правовой адаптации, включая пересмотр состава преступлений, совершаемых с использованием цифровых ресурсов, в том числе в контексте злоупотребления властью или превышения должностных полномочий.

Исследователи отмечают, что цифровизация политической сферы в Казахстане, несмотря на значительный прогресс в развитии электронного правительства и цифровых сервисов, остается ограниченной рамками так называемой «цифровой бюрократии». Активно развивается так называемый «виртуальный Казахстан» – цифровое пространство, где происходят управленческие процессы и принимаются решения, влияющие на реальную жизнь [87]. Это, в свою очередь, создает предпосылки для новых форм злоупотреблений, поскольку расширение полномочий должностных лиц в цифровой среде часто не сопровождается должным уровнем контроля и прозрачности. Соответственно, в этом пространстве могут осуществляться действия, выходящие за пределы полномочий, в том числе с использованием электронных реестров и платформ.

Примером превышения должностных полномочий, совершенного с использованием цифровых ресурсов, может служить случай, выявленный прокуратурой города Астаны в мае 2025 года. Главный специалист АО «Центр электронных финансов», обладая служебным доступом к государственной автоматизированной системе, незаконно удалил сведения о компании из реестра недобросовестных участников государственных закупок. Установлено, что за совершение этих действий он получил незаконное вознаграждение в размере 10 миллионов тенге от директора указанной коммерческой организации [88]. Данное деяние было квалифицировано по статье 206 УК РК как неправомерное уничтожение информации, однако, на наш взгляд, оно отражает классический случай превышения власти с корыстной целью, повлекший тяжкие последствия в виде вмешательства в функционирование государственной информационной системы и подрыва доверия к системе электронных госзакупок.

Рост цифровой активности населения и внедрение технологий в управленческую сферу требуют усиления ответственности должностных лиц за действия, совершаемые в цифровой среде, включая случаи, когда такие действия приводят к уничтожению, искажению или незаконному изменению данных в государственных информационных системах.

Исходя из этого, мы подчеркиваем необходимость учитывать подобные проявления в уголовном законодательстве, дополнив статью 362 УК Республики Казахстан нормой, предусматривающей ответственность за превышение полномочий с использованием цифровых ресурсов. Эта мера обеспечит адекватное реагирование на современные вызовы, связанные с цифровизацией государственного управления.

Сегодня значительное число решений, ранее оформлявшихся в бумажном виде, принимается и исполняется в цифровых форматах – через электронные реестры, государственные базы данных, автоматизированные системы управления, платформы межведомственного документооборота и т.д. Это, с одной стороны, повышает эффективность и прозрачность госуправления, а с другой, порождает качественно новые угрозы. Должностные лица, обладающие доступом к цифровым ресурсам, могут совершать действия, выходящие за

пределы своих полномочий, но уже не в традиционной «бумажной» форме, а путем внесения незаконных изменений в цифровые системы.

Речь может идти, например, о несанкционированной выдаче разрешений или справок, изменении сведений в государственном реестре прав на недвижимость, автоматическом переводе средств, фиктивной регистрации актов гражданского состояния, подмене параметров торгов или распределения государственных услуг. Такие действия не только причиняют вред государственным и частным интересам, но и часто остаются незаметными без технической экспертизы. Они могут повлечь тяжелые последствия, включая утрату или искажение данных, незаконное приобретение имущества, блокировку деятельности государственных органов, подрыв доверия к государственным институтам.

Современные цифровые реалии требуют соответствующего обновления уголовного законодательства. На сегодняшний день ст. 362 УК РК не охватывает в полной мере противоправные действия, совершаемые с использованием цифровых платформ. В связи с этим представляется обоснованным предложение о дополнении части 4 статьи 362 УК Республики Казахстан новым пунктом 5) следующего содержания: *«5) с использованием электронных реестров, платформ или иных цифровых ресурсов, повлекшие уничтожение, блокирование, искажение либо незаконное изменение данных в государственных информационных системах».*

Это изменение позволит точнее квалифицировать деяния, совершенные с использованием цифровых технологий, отразить специфику причиняемого вреда и усилить уголовно-правовую защиту цифровых инфраструктур государственного управления. Включение подобного квалифицирующего признака в диспозицию части 4 статьи 362 обеспечит адекватный правовой отклик на вызовы цифровой трансформации и будет способствовать профилактике новых форм злоупотреблений, угрожающих не только отдельным правам, но и информационной безопасности государства в целом.

В уголовно-правовой теории выделение особых составов преступлений оправдано лишь в тех случаях, когда они характеризуются высокой степенью общественной опасности и обладают самостоятельно выраженными структурными признаками, обосновывающими необходимость их отдельного уголовно-правового регулирования. Однако положения УК РК, предусматривающие ответственность за «нецелевое расходование бюджетных средств» и «нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов», не соответствуют этому требованию. Их признаки полностью корреспондируют с признаками злоупотребления должностными полномочиями и фактически представляют собой подвиды последнего, не требующие самостоятельного закрепления в Особенной части кодекса.

В связи с этим уголовно-правовая ответственность за деяния в сфере бюджетных правоотношений оказывается недостаточно строгой, поскольку законодательно занижена санкция по сравнению с общим составом злоупотребления служебными полномочиями. С нашей точки зрения,

сохранение в УК РК норм о нецелевом расходовании бюджетных средств излишне: данные посягательства на бюджетные интересы полностью укладываются в рамки базового состава злоупотребления полномочиями и не требуют отдельной квалификации.

При анализе ситуаций, когда должностное лицо совершает действия, выходящие за пределы своей компетенции, следует различать три категории подобных посягательств:

1) действия, относящиеся к компетенции вышестоящего должностного лица внутри того же ведомства;

2) действия, которые законодательно предоставлены другому должностному лицу того же ведомства, но не подчиненному по служебной иерархии;

3) действия, присущие полностью иному ведомству или иной сфере публичного управления.

Н. А. Егорова в своих исследованиях ограничивала подобные случаи лишь двумя разновидностями: а) исполнение функций вышестоящего должностного лица; б) вмешательство в компетенцию лица из другого ведомства [64, с. 27-28]. Тем не менее при таком подходе упускается средняя группа правонарушений, когда злоумышленник отнимает у своего коллеги в том же органе возможность законной реализации служебных полномочий.

Для надлежащей квалификации деяний должностного лица, предполагающих использование чужих полномочий, необходимо учитывать не только нормативно-правовую базу, но и конкретные фактические условия их совершения. Объем подобных полномочий определяется в специальных актах: так, закон «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» предоставляет сотрудникам полиции право применять физическую силу, в том числе боевые приемы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, задержания правонарушителей и преодоления сопротивления законным требованиям в случаях неэффективности ненасильственных способов [89].

В том же нормативном акте подробно регламентируются основания для применения сотрудниками полиции специальных средств и огнестрельного оружия.

Не представляется необходимым законодательно перечислять деяния, которые при любых обстоятельствах остаются запрещенными, поскольку их недопустимость вытекает из общих норм права и не зависит от служебного статуса совершившего их лица.

Злоупотребление и превышение должностных полномочий по УК РК относятся к материалу – их состав характеризуется обязательным наличием: 1) наступления общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; 2) причинно-следственной связи между неправомерным распоряжением (действием или бездействием) и указанными последствиями.

Для квалификации последствий как общественно опасных необходимо прежде всего установить: – какие именно субъективные и объективные права были затронуты; – носит ли причиненный вред признаки «существенности» в понимании уголовного права.

Понятие «существенного» нарушения имеет оценочный характер и законодателем не детализируется, поэтому анализ масштабов и характера вреда возлагается на суд. Именно от квалификации последствия как существенного или несущественного зависит признание действия должностного лица соответствующим составу злоупотребления или превышения полномочий.

Большинство исследователей не предлагают формальных критериев для уточнения «существенного нарушения», ограничиваясь перечислением характерных примеров [90, с. 140]. Среди них: посягательство на конституционные права и свободы человека и гражданина; материальные убытки, выражающиеся в реальном ущербе или упущенной выгоде; причинение легкого или тяжкого вреда здоровью; незаконное вмешательство в предпринимательскую деятельность физических лиц или организаций, ограничение экономических свобод, повлекшее крупные убытки; создание или поддержка монополистических практик и ограничение конкуренции; значительные сбои в работе органов государственной власти и местного самоуправления, подрыв их авторитета, попустительство преступной деятельности и иные аналогичные действия.

Таким образом, оценка «существенности» нарушений и их последствия остается ключевой задачей правоприменителя при квалификации должностных преступлений.

В современной уголовно-правовой доктрине участились призывы к законодательному закреплению четких критериев «существенности» последствий при квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий. Т.Б. Басова подчеркивает, что отсутствие количественно определенных показателей для оценки ущерба в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и местного самоуправления, описанных расплывчатыми оценочными категориями, обуславливает потребность в выработке научно обоснованных рекомендаций по их фиксации в нормативных актах [91]. В современных условиях правоприменение требует учета того, что понятия «вред» и «нарушение» не тождественны, что делает прежние разъяснения Верховного Суда РК недостаточно адекватными. По этим причинам целесообразно разработать новое нормативное постановление Верховного суда, учитывающее актуальные тенденции в развитии уголовного права.

В юридической литературе выдвигаются и конкретные законопроектные инициативы. Так, А. Шнитенков предлагает дополнить УК РК следующей нормой: «Существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства признается: 1) посягательство на конституционные права граждан; 2) сокрытие любого преступления или административного правонарушения; 3) причинение

имущественного ущерба гражданину на сумму не менее трех минимальных размеров оплаты труда, организации или государству – не менее пяти таких размеров» [92, с. 48-52].

На основе анализа судебной практики А. Шнитенков выделяет наиболее распространенные формы существенных нарушений: во-первых, подрыв авторитета органов государственной власти через сокрытие правонарушений; во-вторых, нарушение конституционных прав граждан; в-третьих, значительный имущественный ущерб [92, с. 48-52].

Тем не менее данное определение, на наш взгляд, не охватывает весь спектр защищаемых интересов. Не учитываются, например, личные неимущественные права граждан, интересы органов местного самоуправления как самостоятельных субъектов публичной власти, а также авторитет государственных и муниципальных институтов. Именно поэтому для полноты уголовно-правовой охраны следует предусмотреть более широкий комплекс критериев «существенности» последствий злоупотребления и превышения полномочий.

Н.М. Ковалева выдвинула предложение, согласно которому под «существенным» вредом в правоприменительной практике следует понимать:

– имущественный ущерб государственным или муниципальным органам (учреждениям) свыше 250 000 рублей либо неимущественный вред, выражающийся в нарушении нормальной деятельности отдельного звена публичного аппарата;

– значительные нарушения имущественных или личных неимущественных прав и законных интересов граждан;

– наступление новых преступлений, совершенных третьими лицами вследствие первоначального должностного правонарушения [93, с. 9].

Однако в указанной формулировке остается незамеченным возможный ущерб, причиняемый общественным организациям и юридическим лицам, что сужает поле оценки «существенности» вреда.

Мы считаем, что в каждом конкретном деле критерий «существенности» должен определяться судом или следователем на основании характера деяния и степени нанесенного ущерба. При этом вывод о том, что вред является существенным, обязан быть мотивирован в материалах уголовного дела, обвинительном заключении и в тексте приговора.

Анализ более 50 судебных решений по делам о злоупотреблении и превышении полномочий показал, что:

– в 90 % случаев признается существенным вред государственным и общественным интересам (преимущественно в форме подрыва авторитета органов власти);

– в 70 % – нарушением конституционных прав и свобод граждан;

– в 30 % – иным правам и интересам граждан;

– в 30 % – материальным ущербом.

При этом в 10 % приговоров суды не раскрывают, в чем именно заключалась «существенность» вреда, а в 35 % материалов предварительного

следствия и обвинительных заключений отсутствует обоснование масштаба причиненного ущерба, что повышает риск неверной квалификации преступления или отмены судебного решения [94].

В целях актуализации уголовно-правовых норм, усиления их превентивного потенциала предлагается внесение ряда изменений и дополнений в статьи 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан:

1) исключить из п.2 ч.4 статьи 361 УК Республики Казахстан в силу утраты актуальности указание на Закон Республики Казахстан «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества». Указанный Закон носил временный, разовый характер, вследствие чего ссылка на него в действующей уголовно-правовой норме является юридической фикцией. Предлагается изложить п.2 ч.4 ст. 361 УК Республики Казахстан в новой редакции: «совершенные при выполнении служебных обязанностей, которые установлены законодательным актом Республики Казахстан об амнистии в связи с легализацией имущества»;

2) дополнить ч.4 ст. 362 УК Республики Казахстан пунктом 5) следующего содержания: «5) с использованием электронных реестров, платформ или иных цифровых ресурсов, повлекшие уничтожение, блокирование, искажение либо незаконное изменение данных в государственных информационных системах».

2.2 Характеристика специального субъекта и признаков субъективной стороны при злоупотреблении должностными полномочиями и превышении власти и должностных полномочий

Широкое укоренение коррупционных практик в государственных органах побуждает к разработке более действенных уголовно-правовых механизмов противодействия им.

Для обеспечения данных задач на практике правоохранительным структурам необходимо четко определить круг лиц, которые могут выступать субъектами коррупционных и должностных преступлений. По определению Б.В. Волженкина, «коррупция представляет собой социальное явление, выражающееся в деградации власти, когда государственные служащие и другие уполномоченные на выполнение публичных функций лица злоупотребляют своим служебным статусом, авторитетом и полномочиями в корыстных целях – как для личного обогащения, так и в интересах группы» [95, с. 20].

В Законе Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 г. закреплено, что к ответственности за совершение коррупционных правонарушений привлекаются как лица, непосредственно выполняющие государственные функции, так и приравненные к ним категории субъектов. К первой группе законодатель относит:

1) государственных служащих всех уровней в соответствии с Законом Республики Казахстан «О государственной службе»;

2) должностных лиц правоохранительных органов и специальных государственных служб [96].

В соответствии с п. 3 ст. 1 того же акта к лицам, наделенным правом осуществлять государственные функции, приравниваются:

1) избранные в органы местного самоуправления;

2) граждане, официально зарегистрированные кандидатами в Президенты Республики Казахстан, а также депутаты Парламента, маслихатов и члены выборных органов местного самоуправления;

3) служащие (постоянные и временные) органов местного самоуправления, вознаграждение которых финансируется из государственного бюджета Республики Казахстан;

4) руководители и иные должностные лица государственных организаций и организаций с долей участия государства в уставном капитале свыше 30 % [96].

При этом физическое лицо может выступать субъектом как коррупционных, так и иных должностных преступлений, тогда как Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях расширяет круг потенциальных нарушителей, включая юридические лица. Понятие «лицо, уполномоченное на осуществление государственных функций», несмотря на формальные критерии, остаётся предметом методологических и правовых дискуссий, поскольку четкая граница между различными категориями государственных и муниципальных служащих до сих пор не выработана.

В настоящее время совершенствование правового регулирования государственной службы входит в число приоритетных задач казахстанского законодательства. Ключевые критерии, определяющие правовой статус лиц, реализующих государственные функции, разработаны на уровне республики и доведены до широкой публики. Согласно Закону Республики Казахстан «О государственной службе», должностным лицом считается любое физическое лицо, которое на постоянной или временной основе, а также по особому поручению осуществляет представительские функции от имени власти либо выполняет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные обязанности в государственных органах [97].

Согласно Уголовному Кодексу Республики Казахстан, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, а также в Вооруженных Силах Республики Казахстан, других войсках и воинских формированиях Республики Казахстан [6].

Такое аналогичное понятие существует в статье 1 Закона РК «О государственной службе», в нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан №8 от 27 ноября 2015 года «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» [72].

Другими словами, государственные служащие осуществляют деятельность в определенной должности.

Точное установление круга лиц, способных выступать субъектами коррупционных и должностных преступлений, имеет не только научное, но и практическое значение. Изучение судебно-следственной практики показало, что неверное определение субъекта нередко приводит к приостановлению или даже прекращению уголовных дел.

Термин «должностное лицо» встречается сразу в нескольких актах: в Уголовном и Налоговом кодексах РК, в Кодексе об административных правонарушениях, а также в Законах «О противодействии коррупции» и «О государственной службе». Между определениями, используемыми в этих документах, существуют существенные различия.

В статье 3 Закона «О противодействии коррупции» вводятся два понятия – «должностное лицо» и «лицо, уполномоченное осуществлять государственные функции» – которые нельзя смешивать. Второй термин служит исключительно для классификации коррупционных правонарушений и мер их предотвращения, но при квалификации преступлений он не применяется.

Решение о признании сотрудника госоргана «представителем власти» принимается после анализа его полномочий в ведомственных нормативных актах, законах и инструкциях, определяющих права и обязанности работников государственных структур, комитетов и департаментов. Несмотря на то что и представители власти, и лица, исполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, вносят законную пользу, они относятся к разным категориям правоспособных субъектов.

Разделяем позицию И.Ш. Борчашвили: термин «лицо, уполномоченное осуществлять государственные функции» уместен лишь при систематизации коррупционных и должностных правонарушений и при выработке антикоррупционных мер, но не может служить основанием для квалификации уголовных деяний [98, с. 198].

К лицам, осуществляющим организационно-распорядительные функции, относятся руководители государственных учреждений и органов: они формируют штат, распределяют задачи между подчиненными, разрабатывают и контролируют исполнение планов. К таким должностным лицам относятся главы департаментов, управлений, министерств, местных исполнительных органов, а также командиры и начальники подразделений Вооруженных Сил Республики Казахстан.

Должностные лица, выполняющие административно-хозяйственные функции, наделены полномочиями распоряжаться имуществом государственных органов, заключать сделки, обеспечивать сохранность и учет материальных ценностей. Сюда входят, в частности, ответственные за хранение и учет имущества в государственных учреждениях и воинских формированиях.

Для признания работника государственного органа, органа местного самоуправления или военной службы «должностным лицом» достаточно наличия хотя бы одного из следующих полномочий:

– организационно-распорядительных;

– административно-хозяйственных;

– представительства органов власти.

Это определение четко ограничивает круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за должностные преступления, включая служащих госорганов, местных органов управления, Вооруженных Сил и военных формирований. В то же время отсутствие единообразия в толковании термина «должностное лицо» нередко приводит к неверной квалификации деяний и незаконным санкциям.

Отличительные черты государственного органа:

1. Организационно-правовая форма – государственное учреждение.

2. Функции – осуществление государственного управления и контроля.

3. Финансирование – за счет средств государственного бюджета [99].

Помимо физических лиц, в качестве субъектов коррупционных и должностных правонарушений привлекаются и юридические лица, предоставляющие незаконные имущественные блага или преимущества. Вопрос о равнении компаний и других организаций с субъектами коррупционных преступлений остается спорным.

Закон РК «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как «непредусмотренное законом получение лицами, выполняющими государственные функции, либо приравненными к ним, лично или через посредников, имущественных выгод и преимуществ с использованием служебного положения или иных служебных возможностей, а также любое иное применение служебных полномочий для извлечения материальной выгоды» [96].

Признаки субъектов коррупционных преступлений должны быть предельно четкими. Однако практика расследования и судебного рассмотрения таких дел показывает, что в этой области до сих пор не выработан единый подход к определению круга лиц, обладающих статусом «субъекта коррупции».

В Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан № 8 от 27 ноября 2015 г. «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» говорится, что к субъектам таких преступлений относятся:

– государственные служащие;

– военнослужащие Вооруженных Сил и иных воинских формирований Республики;

– лица, занимающие ответственные государственные посты.

Помимо них, в сферу субъектов коррупции включены и частные лица, которые, стремясь дать взятку, незаконно предоставляют указанным должностным лицам имущественные блага и преимущества [72].

Таким образом, всех участников должностных преступлений условно можно разбить на три категории:

1) государственные служащие;

2) лица, наделенные исполнением государственных функций;

3) граждане, предоставляющие должностным лицам незаконные имущественные выгоды и преимущества.

Нередко виновный выдает себя за иное должностное лицо, чтобы получить возможность совершить незаконные действия от его имени, используя поддельные документы или форменную одежду, но при этом он не будет субъектом должностного преступления [100, с. 134].

В силу специфики уголовно-процессуального порядка привлечение к ответственности депутатов, судей и прокуроров сопряжено с существенными процедурными препятствиями. С позиций криминологии коррупция выступает дистинктивным признаком преступной активности должностных лиц. Статистический анализ показывает, что около 33 % осужденных за коррупционные и должностные правонарушения занимают управленческие посты. При этом 70 % субъектов обладают высшим образованием, что выделяет эту группу на фоне общей популяции правонарушителей. Возрастная (35–40 лет) и гендерная структуры коррупционеров совпадают со средними показателями по стране. Психологически ключевой характеристикой таких лиц является устойчивый корыстный мотив – постоянная готовность к совершению противоправных действий ради незаконного обогащения [7].

Повышение личного благосостояния коррупционера неизменно сопровождается проявлениями безответственности, эгоистических мотивов и стремления к наживе. Участие каждого гражданина в совершенствовании антикоррупционного законодательства и реализации государственных мер по снижению уровня должностных правонарушений является краеугольным камнем построения правового государства.

Предупредительная и профилактическая работа, направленная на выявление и устранение коррупционных проявлений, имеет критическое значение. Это требует системного исследования факторов и условий, способствующих совершению коррупционных деяний, поскольку они наносят серьезный урон законности и стабильности правового порядка.

Судебная практика должна исходить из того, что коррупционные преступления причиняют значительный ущерб охраняемым законом интересам граждан, организаций и государства. Поэтому оперативное и тщательное рассмотрение таких дел – неотъемлемое условие надежной правовой защиты и восстановления справедливости.

В действующем уголовном законодательстве злоупотребление полномочиями и их превышение квалифицируются исключительно как умышленные деяния. Вместе с тем, по общему логическому построению, отношение к наступившим последствиям могло бы выражаться не только в прямом умысле, но и в форме неосторожности. Сторонники «двойной формы вины» считают, что разделение умысла на «действие» и «последствие» искусственно: существенный вред, предвиденный и сознательно допущенный лицом, не может рассматриваться отдельно от самого общественно опасного поступка. Тем не менее современный Уголовный кодекс допускает сочетание различных форм вины в рамках умышленных преступлений.

Интеллектуальный компонент умысла при злоупотреблении должностными полномочиями проявляется в осознании субъектом социальной

опасности своих поступков и в предвидении возможности либо неизбежности наступления общественно вредных последствий. Волевой аспект умысла выражается либо в активном стремлении вызвать эти последствия (прямой умысел), либо в их сознательном допущении или равнодушном отношении к ним (косвенный умысел).

Закон жестко закрепляет корыстный или иной личный интерес в качестве обязательного субъективного признака данного преступления. Именно наличие материального или нематериального стимула отличает злоупотребление полномочиями от других составах преступлений. Так, например, препятствование законной предпринимательской деятельности влечет уголовную ответственность независимо от мотивов правонарушителя.

В лингвистическом аспекте «корысть» определяется как страстная жажда наживы и стремление к обогащению. Соответственно, корыстные побуждения – это мотивы, нацеленные на получение экономической выгоды: прямого обогащения или экономии издержек. «Иная личная заинтересованность» охватывает нематериальные выгоды, обусловленные, к примеру, карьерными амбициями, семейственностью, протекционизмом, желанием приукрасить служебный статус, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении задач или скрыть профессиональные пробелы [101, с. 165].

Мотивы, связанные с узкоспециальными или ошибочно истолкованными государственными (общественными) интересами, не могут сами по себе рассматриваться как признак состава злоупотребления должностными полномочиями. Такие побуждения чаще свидетельствуют об искреннем заблуждении чиновника относительно соответствия его действий интересам службы, а не о сознательном нарушении.

С введением Закона РК «О государственной службе» в п. 17 ст. 1 утвердилось понятие конфликта интересов – противоречия между личными выгодами государственного служащего и его официальными обязанностями, при котором личные интересы могут препятствовать надлежащему исполнению служебных функций [97]. По своей природе конфликт интересов представляет собой «предпреступную» стадию злоупотребления полномочиями, поскольку:

1) Конфликт интересов – это ситуация, когда частная заинтересованность чиновника влияет (или может повлиять) на объективность исполнения его обязанностей. Злоупотребление же проявляется в реальном использовании служебного положения в корыстных или иных личных целях. Нерешенный конфликт повышает риск перехода от потенциального влияния к фактическому злоупотреблению.

2) В конфликте интересов личные цели чиновника вступают в противоречие с легитимными интересами граждан, организаций или государства. При должностном злоупотреблении это противоречие уже реализуется: действия лица направлены вопреки интересам службы и общества.

3) Конфликт интересов способен создать предпосылки для нанесения ущерба законным правам и интересам. Злоупотребление полномочиями же

выражается в конкретных действиях, которые причиняют существенный вред и нарушают охраняемые законом блага.

Таким образом, своевременное выявление и урегулирование конфликта интересов позволяет предотвратить эскалацию личной заинтересованности в фактическое преступление.

Субъективная сторона состава злоупотребления должностными полномочиями представлена исключительно умышленной виной и наличием специального мотива. Умысел может проявляться:

– в прямой форме, когда должностное лицо сознательно преследует наступление определенных последствий;

– в косвенной форме, когда оно предвидит вред и безразлично относится к его реализации.

В качестве обязательного мотива закон называет либо корыстную, либо иную личную заинтересованность. Под корыстной понимается ориентация на получение имущественной выгоды или на снижение собственных расходных обязательств (не путать со хищением, где происходит незаконное завладение чужим имуществом). Иная личная заинтересованность связана с нематериальными стимулами: карьерной амбициозностью, семейственными и клановыми связями, расчетом на взаимные услуги, стремлением заручиться поддержкой влиятельных лиц и т. п.

Помимо субъективных признаков, при квалификации имеет решающее значение правовой статус деятеля. Субъектом рассматриваемого преступления всегда выступает специальное лицо – должностное, как это прописано в примечании к ст. 361 УК РК [6]. Когда речь идет об официальном назначении на государственную должность, необходимо отталкиваться от нормативного акта, закрепляющего данный статус. Фактически должностное лицо считается таковым с момента его допуска к исполнению соответствующих функций – представительских, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных – распоряжением уполномоченного руководителя, даже если формальный приказ еще не подписан или задерживается. Документальным основанием служат приказы о назначении и положения о служебных обязанностях.

В дополнение к общим критериям следует выделить две специфические категории лиц, которые подлежат признанию должностными:

1. Исполнители представительских функций на общественных началах.

Например, члены народных дружин, помощники депутатов и иные добровольные формирования, наделенные полномочиями представлять интересы власти без штатного заключения.

2. Профессионалы с правом принятия юридически значимых решений.

Сюда относятся, к примеру, врачи, выдающие листы временной нетрудоспособности, или преподаватели, оценивающие экзаменационные работы – их рутинные обязанности сочетаются с властными функциями.

Принимают должностное лицо на основании законных оснований – как на постоянной, так и на временной или специальной основах. Для квалификации

деяния не обязательно наличие формальных атрибутов (спецодежды, служебного удостоверения): ключевым является факт реального исполнения полномочий и восприятие лица окружающими и потерпевшими именно как должностного субъекта.

Согласно статье 1, пункту 12 Закона «О государственной службе Республики Казахстан», государственным служащим признается гражданин РК, который:

- по установленной процедуре назначен на государственную должность и наделен полномочиями для выполнения задач и функций органов власти;
- получает вознаграждение за счет средств республиканского или местного бюджетов, а также из ресурсов Национального банка РК либо Специального государственного фонда по возврату незаконно приобретенных активов;
- осуществляет профессиональную деятельность на основании официального акта о назначении и служебного контракта [97].

Правовой статус публичного (государственного) служащего складывается из пяти взаимосвязанных компонентов:

– Права – объем полномочий и привилегий, закрепленных в законодательстве.

– Обязанности – круг служебных функций и ответственность за их исполнение.

– Гарантии – социальные и правовые механизмы защиты служащего.

– Стимулы – система поощрений и вознаграждений.

– Ответственность – меры за нарушение служебных норм.

В контексте уголовного права ключевую значимость представляют именно права и обязанности, поскольку именно их недобросовестное исполнение или злоупотребление ими образует состав должностного преступления.

Реестр должностей политических и административных государственных служащих, утвержденный Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 150, определяет систему ранжирования должностей в государственной службе. Он закрепляет деление всех государственных служащих на две основные категории – политических и административных, что отражает уровень их ответственности, порядок назначения, характер функций и степень участия в реализации государственной политики [102].

К политическим должностям относятся лица, входящие в структуру высших органов государственной власти и формирующие стратегические решения государства. Это Премьер-Министр Республики Казахстан, его первый заместитель и заместители, Государственный советник, руководитель и заместители Администрации Президента, министры, акимы областей, городов республиканского значения и столицы, руководители центральных государственных органов, подотчетных Президенту, а также чрезвычайные и полномочные послы, постоянные представители при международных организациях, руководители аппаратов Парламента, Конституционного Суда и Правительства, советники и помощники Президента. Они составляют высший

политико-административный корпус, от решений которого зависит направление государственной политики.

Вторую, более обширную группу составляют административные государственные должности. Они обеспечивают организационно-исполнительную деятельность государственных органов и подразделяются на корпуса и категории, что отражает уровень руководства, объем полномочий и степень ответственности. На вершине административной иерархии находится корпус «А», включающий руководителей аппаратов центральных органов, агентств и служб, а также председателей комитетов. Эти лица отвечают за стратегическое управление, методическое руководство и координацию деятельности подведомственных структур.

Основную массу административных служащих составляет корпус «Б», который охватывает широкий круг должностей в различных государственных органах. Он делится на группы категорий – A, B, C, D и E, в зависимости от уровня органа и характера выполняемых функций. Группа А включает работников Администрации Президента и Аппарата Совета Безопасности; группа В охватывает сотрудников аппаратов Парламента, Правительства, Судебной администрации и высших агентств; группа С включает служащих центральных исполнительных органов и их территориальных подразделений; группа D – сотрудников аппаратов акимов областей, городов республиканского значения, ревизионных комиссий и маслихатов; группа Е – работников аппаратов районных, городских и сельских акиматов. Внутри каждой группы предусмотрены категории, определяющие служебную иерархию – от руководителей аппаратов и начальников управлений до ведущих специалистов и референтов.

Таким образом, система ранжирования государственных должностей в Казахстане выстроена по принципу вертикальной подчиненности и постепенного повышения компетенций. Политические служащие определяют стратегические направления развития страны, корпус «А» обеспечивает управленческую координацию, а корпус «Б» реализует аналитические, организационные и исполнительные функции. Такая структура позволяет дифференцировать уровень полномочий должностных лиц.

Для обеспечения юридической определенности и предсказуемости все полномочия, возлагаемые на должностное лицо, должны фиксироваться исключительно в письменной форме. Отсутствие официального документа приводит к размыванию границ законного исполнения полномочий и лишает правоприменительные органы возможности однозначно установить статус лица.

В уголовно-правовом понимании субъектом злоупотребления служебными полномочиями является только специальный субъект – должностное лицо. В соответствии с п. 26 ст. 3 УК РК к таковым относятся лица, на которых в постоянном, временном или специальном порядке возложены представительские, организационно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах

местного самоуправления, Вооруженных Силах Республики Казахстан и иных воинских формированиях.

Таким образом, под «должностным лицом» при квалификации злоупотребления полномочиями следует понимать любого государственного служащего, наделенного исполнением публичных функций – независимо от места работы (государственный орган, учреждение, коммерческая структура и т. п.), а также нотариуса. С учетом этого представляется целесообразным дополнить пункт 26 статьи 3 УК РК формулировкой: «…а также лица, осуществляющие указанные полномочия в коммерческих и иных организациях от имени государства или органов местного самоуправления».

Субъект деяния – специальный: должностное лицо в понимании примечания к статье 361 УК РК.

Показательным примером из судебной практики является уголовное дело в отношении полицейского Линейного отдела полиции в аэропорту г. Астаны С. Согласно материалам дела, С., исполняя служебные обязанности по обеспечению общественного порядка, допустил применение физического насилия к пассажиру авиарейса, находившемуся в состоянии алкогольного опьянения.

Во время инцидента, произошедшего в ночь с 21 на 22 декабря 2022 года, потерпевший пытался покинуть комнату полиции, после чего С., грубо нарушив требования законодательства и профессиональной этики, нанес ему два удара коленом, причинив переломы нескольких ребер. Суд признал, что действия полицейского явно выходили за пределы его полномочий и повлекли причинение вреда здоровью средней тяжести.

По итогам судебного разбирательства С. был признан виновным в совершении уголовного правонарушения, предусмотренного п.1) ч.4 ст. 362 УК РК («Превышение власти или должностных полномочий с применением насилия»), и приговорен к пяти годам лишения свободы с дополнительным наказанием в виде запрета занимать должности в государственной и правоохранительной службе сроком на пять лет [103].

Злоупотребление и превышение должностных полномочий могут быть совершены исключительно специальным субъектом – должностным лицом. Помимо общеустановленных признаков криминального деяния (достижение возраста уголовной ответственности – 16 лет, вменяемость), Уголовный кодекс РК предъявляет к такому субъекту ряд дополнительных требований, необходимых для его отнесения к категории «должностное лицо» [6].

Хотя уголовный закон в целом дает определение должностного лица, конкретизация его признаков в научной литературе и практике далеко не всегда однозначна. Это связано с тем, что для точного понимания каждого критерия требуется анализ не только самого Уголовного кодекса, но и подзаконных актов, регламентирующих правовой статус конкретных категорий служащих.

При квалификации должностного лица традиционно выделяют два ключевых признака:

1. Функциональный признак

Ориентирован на содержание выполняемых обязанностей. Должностным считается лицо, которому в постоянном, временном или специальном порядке поручены: представительские полномочия; административно-хозяйственные функции; организационно-распорядительные задачи.

2. Локальный признак

Определяет служебную «привязку» – государственный орган или учреждение, в пределах которого лицо осуществляет свои полномочия.

Только при одновременном наличии обоих признаков лицо может признаваться должностным субъектом преступлений, связанных со злоупотреблением или превышением полномочий.

В примечании к статье 318 УК РК дается следующее определение «представителя власти»: это либо сотрудник правоохранительных или контролирующих органов, либо любое другое должностное лицо, которому официально предоставлены распорядительные полномочия в отношении лиц, не состоящих с ним в служебной зависимости [6].

Однако, как отмечают Б.В. Волженкин и Н. Ковалева, подобная формулировка содержит явную тавтологию и не обеспечивает достаточной ясности [93, 95]. Действительно, «представитель власти» определяется через категорию «должностного лица», в то время как «должностное лицо» само по себе характеризуется осуществлением полномочий представителя власти. При этом далеко не каждый служащий правоохранительного или контролирующего органа обладает полномочиями, позволяющими квалифицировать его как представителя власти в смысле уголовного закона.

Таким образом, для исключения правовой неопределенности требуется более четкая дифференциация: с одной стороны, необходимо конкретизировать критерии, по которым служащий получает статус «распорядителя» в отношении третьих лиц; с другой – разграничить общий круг должностных лиц и ту небольшую группу лиц, чьи полномочия фактически наделяют их функциями распорядительного характера по отношению к гражданам и организациям [61, с. 100].

Из определения вытекает, что ключевая особенность представителя власти – это наличие у него распорядительных полномочий в отношении лиц, не состоящих с ним в служебной зависимости (к примеру, рядовой сотрудник полиции или налоговый инспектор).

Для установления, обладает ли конкретное лицо статусом представителя власти, необходимо обратиться к профилирующим нормативным актам, фиксирующим его компетенцию. В одних случаях законодатель прямо называет таких работников «представителями власти». В других же вывод о принадлежности к этой категории делается на основании анализа полномочий, которыми закон наделил данного сотрудника или орган в целом.

При этом, как справедливо подчеркивает Б.В. Волженкин, «распорядительные полномочия представителя власти имеют силу лишь в строго очерченных пределах, определенных задачами, возложенными на государственный орган или орган местного самоуправления» [95, с. 109].

В научной доктрине встречаются альтернативные подходы к определению представителей власти. Так, А.С. Снежко разделяет позицию А.Н. Ларькова, согласно которой к представительству власти следует относить, прежде всего, лиц, избранных на должности с властными полномочиями. При этом А.Снежко уточняет, что распорядительные полномочия предполагают их немедленное исполнение, подкрепленное возможностью применения принуждения. Исходя из этого, он выделяет две категории представителей власти:

– Лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях. К ним относятся сотрудники органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, ведомственной охраны, экспертных контролирующих органов, а также подразделений, ответственных за государственную регистрацию предпринимателей и юридических лиц, надзор за банкротством и финансовым оздоровлением, медицинские контролирующие органы и др.

– Служащие, наделенные обязанностью охраны общественного порядка и обладающие правом немедленного применения физической силы против правонарушителей [67, с. 110].

Предложенные подходы противоречат друг другу: А.Ларьков определяет «представителя власти» через признак занятой должности (избирательный мандат), тогда как А. Снежко опирается на характер распорядительных полномочий. В условиях реальной практики участковый инспектор полиции, обладая властью по обеспечению общественного порядка и правом применения принуждения, не является выборным должностным лицом. Это свидетельствует о том, что ни одна из методик в чистом виде не охватывает всю совокупность лиц, выполняющих властные функции.

Организационно-распорядительная функция служебных полномочий включает в себя следующие элементы: руководство коллективом, что охватывает формирование штатного состава, распределение должностных обязанностей и подбор кадров; планирование и координацию трудовых и служебных процессов подчиненных; установление и поддержание дисциплины в работе, а также контроль за ее соблюдением; применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий.

Административно-хозяйственный аспект полномочий предполагает: распоряжение и контроль за использованием имущества и денежных средств, состоящих на балансе государственных органов, учреждений или воинских формирований; принятие решений о выплате заработной платы, премий и иных вознаграждений; организацию учета, хранения и перемещения материальных ценностей, включая регламентацию порядка их складирования и обеспечения безопасности.

Несмотря на то, что многие должностные лица осуществляют одновременно обе группы полномочий, для квалификации лица как «должностного» достаточно наличия хотя бы одного из указанных функциональных признаков.

Закон также подчеркивает, что такие функции могут осуществляться:

1) на постоянной основе;

2) временно (на период исполнения отдельных задач);

3) по специальному поручению (одноразово или в рамках совмещения с основной работой).

Наиболее сложным с точки зрения правоприменения является третий вариант: «специальное полномочие» может иметь ограниченный срок, носить разовый характер или реализовываться параллельно с основной должностью (например, народные заседатели, присяжные и пр.), что требует дополнительной юридической конкретизации.

Следует признать справедливость замечаний, указывающих на неясность разграничения «специального» и «временного» полномочий в действующем определении: отсутствие четких критериев влечет за собой их фактическое смешение на практике.

Н.М. Ковалева, исходя из латинского корня термина «specialis» (особый, предназначенный для чего-либо единственного), предлагает понимать «специальные полномочия» как официально закрепленные (путем издания нормативного или индивидуального акта) права, предоставленные так называемому представителю общественности для исполнения: функций представителя власти; организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей.

Под «представителем общественности» автор подразумевает лицо, добровольно привлекаемое органами власти к выполнению общественно полезных задач. В зависимости от характера делегированных полномочий Ковалева выделяет две группы таких представителей:

1) Лица, обладающие статусом должностного и выполняющие распорядительные функции на основании специального полномочия:

– присяжные заседатели;

– арбитражные управляющие.

2) Лица, формально не являющиеся штатными должностными лицами, но наделенные отдельными властными полномочиями:

– внештатные сотрудники полиции;

– общественные помощники следователей и прокуроров;

– стажеры в правоохранительных органах и пр. [93, с.15].

Данный подход позволяет дифференцировать «специальное» делегирование властных функций от «временного» или «постоянного» служебного статуса и тем самым устранить терминологическую неясность

Для установления того, наделено ли лицо «специальным» служебным мандатом, необходимо анализировать конкретный объем полномочий, фактически предоставленных ему в момент совершения правонарушения, и соотносить их с возложенными обязанностями. Иными словами, исполнение функций по специальному назначению само по себе обеспечивает признание лица «должностным» именно в силу характера этих возложенных полномочий.

Вторым, «локальным» критерием определения должностного лица выступает принадлежность к определенному типу публичных институтов. Сюда относятся:

– государственные органы;

– органы местного самоуправления и подведомственные им учреждения;

– государственные и муниципальные учреждения;

– Вооруженные Силы и иные воинские формирования Республики Казахстан.

При этом под местным самоуправлением понимается самостоятельная деятельность населения – как напрямую, так и через маслихаты и иные представительные органы – по решению вопросов местного значения, осуществляемая на основании и под контролем соответствующих юридических норм [104].

В правовом поле Республики Казахстан органы местного самоуправления, наряду с государственными структурами, квалифицируются как административные институты, наделенные полномочиями по осуществлению публично-властных функций.

Принятый в 2020 году Административный процедурно-процессуальный кодекс (АППК РК), в основном, и оперирует понятием «административный орган», понимая под ним государственный орган, орган местного самоуправления, государственное юридическое лицо, а также иную организацию, которые в соответствии с законами Республики Казахстан наделены полномочиями по принятию административного акта, совершению административного действия (бездействия) [105].

АППК РК определяет государственный орган как структуру государственной власти, которая от имени государства и на основе Конституции, законов и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан осуществляет:

– разработку и издание нормативных актов, устанавливающих общеобязательные правила поведения;

– управление и регулирование социально значимых общественных отношений;

– надзор за соблюдением этих обязательных норм [105].

Для реализации как республиканских, так и муниципальных функций органы государственной власти и органы местного самоуправления учреждают соответствующие структуры, передают им активы на правах оперативного управления и обеспечивают их финансирование в полном объеме или частично.

В юридической науке не раз отмечались сомнения по поводу отнесения сотрудников таких учреждений к категории «должностное лицо».

Так, по мнению российского исследователя Г. Минх, передача властных полномочий государственным и муниципальным учреждениям не имеет правового основания, поскольку Конституция РФ закрепляет исчерпывающий перечень органов, уполномоченных осуществлять государственную власть. По его мнению, нормы гражданского законодательства, в частности ст. 120 ГК РФ,

регулируют лишь имущественные отношения и не могут служить основанием для передачи публично-правовых функций учреждениям, деятельность которых носит организационно-управленческий, а не властный характер [106].

С нашей точки зрения, приведенные доводы подтверждают актуальность вопроса и в контексте казахстанской практики. Конституция РК провозглашает народ единственным источником власти, реализующим ее как напрямую, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. Вместе с тем, именно эти органы создают специализированные учреждения для непосредственного исполнения возложенных на них функций – например, Министерство здравоохранения учреждает больницы для оказания медицинской помощи. Кроме того, использование в юридической литературе определения «учреждения» из Гражданского кодекса не придает таким организациям публично-правовой характер; оно лишь служит терминологической основой для обозначения соответствующего вида структур.

Также в условиях казахстанской правовой системы подобный подход представляется чрезмерно ограничительным. Закон Республики Казахстан «О государственной службе» и иные акты допускают осуществление отдельных властно-распорядительных и публично-правовых функций не только государственными органами, но и государственными учреждениями, если это прямо вытекает из их уставных задач и делегированных полномочий.

Таким образом, в казахстанском праве институт публичных полномочий имеет расширительное толкование: их реализация допускается субъектами, обладающими делегированными правами государства, при условии, что такие полномочия закреплены нормативным актом. Это обеспечивает гибкость административной системы и позволяет эффективно решать задачи государственного управления при сохранении принципа законности и подотчетности.

Однако в казахстанской правовой системе подход к этому вопросу является более гибким. Законодательство Республики Казахстан допускает возможность частичной передачи функций государственных органов иным субъектам, при сохранении за государством ответственности за их исполнение. Так, в пункте 31 статьи 4 АППК РК закреплено понятие аутсорсинга функций центральных и (или) местных исполнительных органов, под которым понимается «передача в конкурентную среду отдельных функций органов государственной власти для их осуществления на договорной основе» [105].

Таким образом, казахстанское законодательство признает, что осуществление отдельных управленческих и публичных функций может быть делегировано частным субъектам при условии правового регулирования, прозрачности и сохранения контроля со стороны государства. Это свидетельствует о более современном и прагматичном понимании природы публичных полномочий: они могут реализовываться не только через классическую вертикаль власти, но и посредством механизмов государственно-частного взаимодействия, направленных на повышение эффективности государственного управления и оптимизацию административных процессов.

В научной доктрине также обсуждается необходимость расширения «локального» критерия отнесения к категории должностных лиц. Наиболее остро стоит вопрос о включении в этот круг управляющих коммерческих организаций, действующих от имени государства – то есть предприятий с преобладающим государственным капиталом или учрежденных органами власти. П.С. Яни предлагал ограничить понятие «должностное лицо» исключительно сотрудниками именно таких организаций, тем самым сужая круг лиц, на которых распространяются специальные нормы об ответственности за злоупотребление полномочиями [107, с. 29-30].

По нашему мнению, при установлении статуса управленца акционерного общества, действующего от имени государства или органа местного самоуправления, первоочередным критерием должно служить его официальное включение в государственную службу на момент исполнения управленческих полномочий. Только лицо, формально пребывающее в статусе государственного служащего, может квалифицироваться как должностное лицо при осуществлении подобных функций.

В юридической науке существуют и иные подходы к расширению круга должностных субъектов. Так, А.С. Снежко в своей монографии обосновывает необходимость отнесения нотариусов к категории должностных лиц. Автор подчеркивает, что нотариальные действия имеют высокую юридическую значимость и во многом функционально совпадают с полномочиями судебных органов. Более того, право нотариуса совершать официальные удостоверительные действия предоставляется ему государством, а сами операции нотариального характера выполняются от имени государственной власти [67, с. 119-120]. С нашей точки зрения, возражения против включения нотариусов в категорию должностных лиц обоснованы: нотариус, во-первых, не входит в штат государственных служащих, а во-вторых, не обладает распорядительными полномочиями и не принимает управленческих решений от имени государства.

В уголовно-правовой литературе активно обсуждается вопрос о признании материально-ответственных лиц субъектами должностных преступлений. Одни авторы полагают, что бухгалтеры, кладовщики, кассиры и иные сотрудники с учетом, контролем и распределением материальных ценностей выполняют административно-хозяйственные функции и потому должны считаться должностными лицами. Противоположная точка зрения указывает, что материальная ответственность – лишь гражданско-правовой институт, закрепленный письменным договором о хранении и отчетности, и само по себе не наделяет сотрудника распорядительными полномочиями.

Мы разделяем позицию, что материальная ответственность отражает лишь последствие нарушения служебных обязанностей и не тождественна административно-хозяйственной функции. Только в случае, если материально-ответственное лицо действительно уполномочено самостоятельно распоряжаться имуществом (выдавать, принимать, перемещать или иным

образом влиять на объем и порядок оборота материальных ценностей), можно говорить о наличии у него полномочий, характерных для должностного лица.

Вопрос о признании преподавателей государственных и муниципальных учебных и медицинских учреждений «должностными лицами» остается дискуссионным. В п. 4 постановления Пленума ВС СССР № 4 от 30.03.1990 было сформулировано следующее положение: если к выполнению профессиональных или технических обязанностей сотрудника официально добавляются организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, то за их ненадлежащее исполнение он привлекается к ответственности как должностное лицо. Примерами могут служить:

– врач, выдавший необоснованные листки временной нетрудоспособности или злоупотребивший полномочиями при работе военно-медицинских комиссий и призывных комиссий;

– преподаватель, допустивший нарушения в ходе работы квалификационной или экзаменационной комиссии;

– учитель или воспитатель, не обеспечивший порядок и безопасность при организации внеклассных мероприятий или учебных занятий.

Таким образом, наличие у педагогов или врачей формального вменения административно-распорядительных полномочий переводит их из статуса чисто профессиональных работников в разряд должностных лиц при оценке соответствующих деяний [108, с. 115]. В настоящий момент указанное постановление утратило силу, поэтому отсутствуют четкие критерии, позволяющие однозначно определить, при каких обстоятельствах преподаватели или медицинские работники действительно выполняют служебные функции и могут квалифицироваться как должностные лица.

В уголовно-правовой науке высказывается точка зрения, согласно которой проведение экзаменационной или иной формы контроля преподавателем государственного вуза или средне-специального учебного заведения носит характер организационно-распорядительной деятельности. Это объясняется тем, что выставленная оценка неизбежно влечет за собой изменение правового статуса обучающегося, то есть наступление конкретных юридических последствий, которые и составляют суть распорядительных полномочий должностного лица [109, с. 11-12].

Приверженцы этой точки зрения считают, что устоявшаяся судебная практика, признающая преподавателей в период проведения любых экзаменационных мероприятий должностными лицами, обоснована и соответствует правовым принципам.

С такой точкой зрения трудно согласиться. Представляется, что признание преподавателя должностным лицом исключительно на основании его участия в процедуре оценки знаний студентов является излишним расширением понятия «должностные полномочия». Функция преподавателя по приему экзаменов или других форм контроля, действительно, имеет правовые последствия для обучающегося, однако эти последствия не носят характера властного распоряжения или реализации публичных полномочий, а представляют собой

элемент внутренней образовательной деятельности, регулируемой академическими и административными актами учебного заведения. Организационно-распорядительные функции преподавателя ограничены рамками педагогического процесса и не выходят на уровень государственного управления, что является ключевым критерием для признания лица должностным. Его решения не обладают признаком обязательности для неопределенного круга лиц и не влекут юридических последствий в публично-правовой сфере. Следовательно, в отличие от руководителей образовательных учреждений, чьи решения могут иметь властный характер, преподаватели, даже являясь работниками государственных учебных организаций, не реализуют публичную власть, а лишь осуществляют профессиональные функции в сфере реализации образовательных программ.

Поэтому, на наш взгляд, отнесение преподавателей к категории должностных лиц противоречит самому смыслу уголовно-правового института должностных преступлений. Их действия могут быть оценены в дисциплинарном или гражданско-правовом порядке, но не как злоупотребление или превышение должностных полномочий. Расширительное толкование данной категории создает риск подмены понятий и размывания границ уголовной ответственности, что противоречит принципу законности и недопустимости аналогии в уголовном праве.

Аналогичная позиция распространяется и на медицинских специалистов, которые в рамках своей компетенции осуществляют организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции – к примеру, оформляют листки временной нетрудоспособности, устанавливают группы инвалидности или оценивают пригодность к военной службе.

В уголовно-правовой науке высказываются предложения расширить круг субъектов коррупционных преступлений, включив в него юридические лица. Эта идея получила поддержку после принятия 27 января 1999 г. Конвенции «Об уголовной ответственности за коррупцию», ратифицированной в Казахстане Законом от 4 мая 2008 г. [37].

В соответствии с пунктом 1 статьи 18 Конвенции каждая из Сторон обязана принять необходимые законодательные и иные меры для того, чтобы юридические лица могли нести ответственность за совершенные в их интересах коррупционные правонарушения – активный подкуп, злоупотребление влиянием в корыстных целях и отмывание доходов, квалифицируемые по нормам настоящей Конвенции – если такие деяния совершены любым физическим лицом, действующим либо в личном качестве, либо как руководитель юридического лица, в процессе:

– выполнения представительских функций от имени этого юридического лица;

– осуществления права принятия решений от имени юридического лица;

– осуществления контрольных функций в рамках структуры юридического лица;

– а также если указанное лицо выступает в роли соучастника или подстрекателя при совершении этих преступлений.

Пункт 2 статьи 18 возлагает на Стороны обязанность внедрить меры, направленные на привлечение юридических лиц к ответственности в тех случаях, когда вследствие отсутствия или недостаточности надзора и контроля со стороны физических лиц, упомянутых в пункте 1, возникает возможность совершения ими коррупционных правонарушений в интересах юридического лица при исполнении полномочий от его имени [37].

В этой связи целесообразно поддержать позицию Н.А. Егоровой, согласно которой привлечение к уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные деяния на текущий момент юридически невозможно, поскольку они не могут признаваться субъектами преступлений [64, с.25].

Даже в случае реформирования уголовного законодательства и формального возложения уголовной ответственности на юридические лица, их привлечение к ответственности за служебные преступления противоречило бы основополагающим концепциям уголовного права. Служебное преступление по своей природе предполагает наличие воли, сознания и личной ответственности, присущих только человеку. Именно личностный фактор – способность злоупотреблять властью, совершать подкуп, принимать решения из корыстных или иных личных мотивов – составляет суть должностного проступка. Организация, как созданное образование, не обладает этими качествами и не может быть субъектом деяний, предполагающих внутреннюю мотивацию, злоупотребление служебным положением или умысел, направленный на использование власти вопреки интересам службы.

Следовательно, уголовная ответственность юридических лиц в сфере служебных преступлений невозможна ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Однако можно признать, что в результате служебных преступлений физического лица организация может извлечь выгоду или быть вовлечена в последующие противоправные действия. В таком случае юридическое лицо может нести ответственность за иные преступления, например, за экономические, налоговые или коррупционные правонарушения, где не требуется наличие признаков должностного субъекта. Таким образом, служебное преступление всегда остается проявлением индивидуальной вины, а участие юридического лица в преступной деятельности может рассматриваться лишь как сопутствующий или производный элемент, но не как самостоятельная форма вины в рамках главы о должностных преступлениях.

В юридической науке высказываются и идеи о том, чтобы ужесточить «локальный» критерий должностного лица. Так, С.В. Изосимов предлагает ограничить понятие «должностного лица» лишь руководителями коммерческих и иных организаций при квалификации преступлений против интересов службы. Однако такой взгляд представляется сомнительным: учреждения, будучи созданными государственными органами или органами местного самоуправления для реализации публично значимых задач, требуют особой охраны своей законной деятельности [110, с. 123].

Относительная новация уголовного законодательства – включение в число должностных лиц военнослужащих и сотрудников Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований РК, которые наделены организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями. Эта категория по своей природе является подвидом «должностного лица», однако обладает рядом специфических особенностей, связанных с особенностями устава, дисциплинарного статуса и иерархии военной службы.

Функциональные признаки военнослужащих на должностях имеют ряд специфических особенностей. Во-первых, в тех случаях, когда воинские чины выполняют задачи по охране порядка, обеспечению безопасности или иным оперативным функциям, предполагающим наличие распорядительных полномочий в отношении лиц вне их служебного подчинения, они могут рассматриваться как представители власти.

Во-вторых, анализ компетенции отдельных категорий военнослужащих показывает, что далеко не все они подпадают под это понятие. Так, начальники гарнизонов и патрулей вправе отдавать распоряжения только своим подчиненным и потому не являются «представителями власти» в уголовно-правовом смысле. В то же время начальник караула, его помощник, разводящий и часовой, осуществляя непосредственное руководство и контроль за гражданами или военными вне рамок иерархии, полностью отвечают критериям распорядительных функций и, следовательно, признаются представителями власти.

При этом организационно-распорядительные полномочия традиционно возлагаются на командиров (начальников) подразделений или гарнизонов, что отделяет их от рядовых специалистов.

Учитывая вышесказанное, воинское должностное лицо можно определить следующим образом: Военными должностными лицами являются военнослужащие, постоянно, временно или по специальному назначению осуществляющие функции командира (начальника), а также выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные обязанности в Вооруженных Силах Республики Казахстан, других войсках, воинских формированиях и смежных государственных структурах, ответственных за оборону и безопасность.

Субъективная сторона преступления представляет собой внутреннюю психологическую характеристику поведения правонарушителя. Она выражается в его отношении ко всему преступному акту и к каждому юридически значимому элементу объективной стороны деяния, включая степень предвидения последствий и волевую установку на их наступление или допущение [111, с. 7].

Выявление субъективного аспекта преступления остается одной из самых сложных задач уголовно-правовой теории. По убеждению В.В. Лунеева, в то время как субъект, объект и объективная сторона деяния представляют собой независимые от человеческого восприятия элементы объективной реальности, субъективная сторона выступает как прямое порождение сознания. Именно

ментальная природа этого феномена порождает основные сложности его идентификации, интерпретации и правовой оценки [111, с.3].

Субъективная сторона преступления выстраивается на основе нескольких взаимосвязанных структурных компонентов: наличия вины как деонтологического основания; мотивов, определяющих внутренние побуждения лица; целевых установок, направляющих поведенческий замысел; эмоционально-психического состояния субъекта в момент совершения деяния.

Хотя некоторые из этих характеристик закреплены в диспозиции соответствующих норм Уголовного кодекса в качестве кумулятивных обязательных признаков, а иные относятся к факультативным и могут отсутствовать в составе отдельных составов преступлений, их протяженная функциональная связь остается неоспоримой. Как подчеркивает В. В. Лунеев, попытка экстрагировать из вины такие компоненты, как мотив, целеполагание и психическое состояние правонарушителя, приводит лишь к формальному анализу, лишенному содержательной глубины и адекватности юридической оценки [111, с. 7].

Следует поддержать точку зрения исследователей, указывающих, что речь идет о тех составных умышленных преступлений, где вместе с прямыми (первичными) последствиями законодатель сознательно включает и более тяжкие вторичные результаты, не предусмотренные первоначальным умыслом лица. Иными словами, норма закона фактически объединяет в рамках одного состава два самостоятельных деяния – умышленное и неосторожное, каждое из которых способно существовать автономно, но в сочетании образовывает качественно новый преступный феномен со своей специфической субъективной сущностью.

Б.В. Волженкин, разделяя данную позицию, подчеркивает, что тяжкие последствия должностных преступлений не обладают иной по своему качеству природой по сравнению с грубым нарушением прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства; различие состоит лишь в масштабах посягательства. Если мысленно устранить эти усугубляющие факторы, действие должностного лица вне интересов службы, как правило, окажется без непосредственных последствий и потому не подлежало бы квалификации как преступление. Этот факт исключает возможность свидетельствовать о наличии в одном деянии одновременно двух форм вины [95, с. 150].

Следует констатировать, что преступления, связанные со злоупотреблением или превышением должностных полномочий, всегда предполагают наличие умысла. При этом в доктринальной литературе сохраняется дискуссия о его конкретном виде.

Часть исследователей отстаивает позицию об исключительной возможности прямого умысла, когда лицо осознанно и целенаправленно стремится к причинению вреда.

Другая группа авторов полагает, что в ряде случаев правонарушение может совершаться и с косвенным умыслом, когда субъект предвидит последствия

своих действий и сознательно допускает их наступление, не стремясь к ним непосредственно [110, с. 23].

Таким образом, хотя без наличия умысла квалификация данных составов уголовных правонарушений невозможна, ученые расходятся во мнении относительно того, ограничивается ли он исключительно прямой формой или может проявляться и в косвенной форме.

Проблема квалификации умысла при злоупотреблении или превышении должностных полномочий обусловлена тем, что субъект далеко не всегда способен детализировать предвидимые негативные последствия своих действий. Виновный может лишь в общих чертах представлять возможный вред, однако либо желает, либо сознательно допускает любые последствия, либо безразличен к их наступлению.

Поэтому умысел в рассматриваемых преступлениях может проявляться в двух формах:

1. Прямой умысел – когда должностное лицо сознательно и целенаправленно стремится к наступлению общественно опасных результатов.

2. Косвенный умысел – когда оно предвидит эти результаты и сознательно допускает или безразлично относится к их свершению.

Конкретизация в каждом составе выглядит следующим образом:

– При злоупотреблении полномочиями субъект осознает противоречие своих действий служебным интересам, использует возложенные на него функции вопреки должностным предписаниям и предвидит возможность существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства. Данная форма вины проявляется в желании, сознательном допущении или безразличии к таким последствиям.

– При превышении полномочий должностное лицо отдает себе отчет, что выполняемые им действия явно выходят за пределы предоставленной компетенции, и предвидит такие же по характеру нарушения прав или интересов. И здесь умысел выражается через стремление, допущение или эмоциональную отстраненность по отношению к последствиям.

Следует отметить, что в случае, когда в результате злоупотребления или превышения полномочий наступает смерть потерпевшего или причинен тяжкий вред здоровью, применяется совокупная квалификация по всем соответствующим статьям Уголовного кодекса.

Для квалификации злоупотребления должностными полномочиями в качестве уголовного преступления необходима обязательно наличие мотивного признака – корыстной или иной личной заинтересованности субъекта.

Корыстная заинтересованность понимается как стремление к извлечению материальной выгоды: желание наживы, получение или сохранение имущественных благ (деньги, имущество и т.п.) либо освобождение от материальных обязательств (уплаты долгов, возврата ценностей).

В данном контексте корыстный мотив выражается в намерении достичь имущественной выгоды без фактического присвоения чужого имущества, то есть посредством неправомерного использования служебных полномочий.

Иная личная заинтересованность определяется стремлением к нематериальным благам:

– амбиции карьерного роста, протекционизм, семейный патронаж;

– желание улучшить репутацию, получить взаимные услуги, заручиться поддержкой при решении вопросов или скрыть недостаточную компетентность.

С психологической точки зрения, по мнению С. Склярова, всякое произвольное действие человека обусловлено личной мотивацией. Если индивид не испытывает внутреннего побуждения или интереса, активность не перейдет в реальное поведение. Отсутствие личного интереса исключает возможность совершения целенаправленных действий, что подчеркивает обязательность мотивного начала для квалификации злоупотребления должностным положением [112, 178].

Однако такое заключение представляется недостаточно обоснованным. Действительно, для инициирования любого волевого акта требуется наличие мотивации, однако законодатель придает значение исключительно «личной заинтересованности» виновного лица, тогда как в качестве движущей силы могут выступать и искаженные представления об интересах службы, не подпадающие под данную категорию.

Более того, закрепленное в законе толкование «личной заинтересованности» само по себе не обеспечивает единого подхода. Под этим понятием подразумевается получение государственным служащим при исполнении обязанностей имущественной выгоды в денежной или натуральной форме, как лично, так и в интересах членов его семьи либо лиц и организаций, с которыми он состоит в финансовых или иных обязательственных отношениях. Такое определение стирает границу между корыстными мотивами и иными личными побуждениями.

Следовательно, в имеющейся редакции законодатель объединяет под одной рубрикой два разнохарактерных феномена: стремление к материальной наживе и иные субъективные мотивации, не связанные с корыстью. Между тем именно это смешение затрудняет объективный анализ причинно-следственной связи между личными побуждениями и преступным поведением.

В этой связи представляется оправданным предложение Е.В. Львович о расширении законодательного определения «иной личной заинтересованности». Следовало бы трактовать ее как совокупность любых нематериальных побуждений личного характера, способных исказить надлежащее исполнение должностных обязанностей и привести к нарушению прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства. Такой подход позволит четче разграничить корыстный мотив и иные личностные установки, обеспечив тем самым более точную квалификацию должностных преступлений [60, с.17].

В эмпирическом исследовании, включавшем анализ более шестидесяти уголовных дел по фактам злоупотребления и превышения должностных

полномочий, была выявлена четкая мотивационная структура совершенных правонарушений.

В подавляющем большинстве случаев (75 %) основной движущей силой преступного поведения становилась корыстная заинтересованность: должностные лица стремились к материальной выгоде и личному обогащению через незаконное использование своих служебных полномочий.

Помимо этого, в 5 % эпизодов преступления объяснялись личной неприязнью к конкретным лицам, что свидетельствует о роли эмоционально-аффективных факторов в формировании преступного умысла. В 10 % ситуаций злоупотребления совершались с целью создания видимости эффективной работы правоохранительных органов или повышения показателей раскрываемости преступлений.

Наконец, еще в 10 % случаев мотивационной основой выступали карьеристические устремления: субъекты рассчитывали получить продвижение по службе или укрепить собственный социальный статус за счет демонстрации «успехов» в исполнении должностных обязанностей [94].

В современной доктринальной дискуссии о составе должностного преступления высказывается критика в отношении включения мотива как обязательного признака субъективной стороны. Сторонники этого подхода полагают, что требование личной заинтересованности – будь то корыстная или иная – избыточно, поскольку оно не влияет на фактическое наступление общественно опасных последствий.

С.С. Изосимов в ходе сравнительного анализа злоупотребления полномочиями и должностной халатности приходит к выводу о ненужности мотива в основном составе данного преступления. По его мнению, для криминализации достаточно зафиксировать факт существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства. Именно этот объективный критерий, по мнению исследователя, позволяет четко отделить дисциплинарное проступочное поведение от уголовно наказуемого деяния [110, с. 23].

ействительно, при квалификации должностной халатности (статья неосторожного состава) закон устанавливает единственным условием ответственности наличие общественно опасного последствия в виде нарушения охраняемых интересов. Если же применять аналогичный подход к умышленному злоупотреблению полномочиями, то, по мнению автора, достаточно лишь доказать причинение указанных в законе вреда без инспирирования дополнительных мотивных элементов.

Таким образом, предлагаемая С.С. Изосимовым модель укрупненного объективного критерия обвинения призвана устранить «дисбаланс» между формальными и реальными признаками состава: вместо разночленности «вина + мотив» – сосредоточиться исключительно на факте общественно опасных последствий [110, с. 23].

В ряду альтернативных подходов к характеристике субъективной стороны должностных преступлений выделяется позиция С. В. Склярова, стремящегося к упрощению и унификации терминологии уголовного закона [112, с. 30].

Во-первых, С.Скляров предлагает заменить в диспозиции составов формулировку «из корыстной или иной личной заинтересованности» на более емкое понятие «с целью извлечения выгод и преимуществ для виновного или третьих лиц». По его мнению, такой шаг позволил бы устранить двусмысленность и снизить частотность узкоспецифичных терминов при применении норм на практике.

Во-вторых, обосновывая свое предложение, автор указывает, что в реальной юридической практике понятие «личная заинтересованность» часто воспринимается лишь в противопоставлении «общественным интересам» и трактуется крайне узко. В связи с этим оно теряет способность охватить весь спектр мотивных побуждений, влекущих злоупотребление властью [112, с. 30].

Однако подобная трансформация диспозиции вступает в противоречие с буквальным текстом уголовного законодательства. Действующая правовая норма устанавливает именно мотивационно-волевой признак «личной заинтересованности», объединяющий корыстные и нематериальные побуждения. Замена его на цель «извлечения выгод» может сузить рамки квалификации и ослабить гарантии разграничения уголовной и административной ответственности.

Таким образом, хотя подход С.Склярова привлекателен с точки зрения терминологической лаконичности и практической удобства, он требует более тщательного сопоставления с принципами прямого толкования уголовного закона и целей его применения.

Мотивы и целевые установки при совершении превышения должностных полномочий, будучи разнообразными по своей природе, формально не влияют на квалификацию деяния, однако неизбежно принимаются во внимание при определении меры наказания. Вместе с тем, соглашаясь с В.В. Лунеевым, следует подчеркнуть необходимость тщательного выявления мотивов в каждом конкретном случае: только сопоставив действительные побудительные установки субъекта с характером его поведения и прогнозируемыми последствиями, можно адекватно установить степень его вины, не нарушая при этом фундаментального принципа субъективного вменения [111]. Действительно, ни осознание противоправности и общественной опасности своих действий, ни предвидение их вредоносных последствий, ни намеренное допущение или безразличие к ним не могут быть полноценно поняты вне контекста мотивных побуждений.

Параллельно в уголовно-правовой доктрине постоянно обсуждается природа признака «явности» при превышении полномочий. Эта дискуссия сохраняет свою актуальность и в современной литературе.

Так, Б. В. Волженкин, опираясь на аргументацию А. Я. Светлова, настаивает на том, что центральное значение при определении «явного» выхода за пределы служебных полномочий следует придавать субъективному моменту

– а именно сознательному, ясному представлению должностного лица о границах своей компетенции и намеренному их превышению [113, с. 173-174].

В отличие от этой точки зрения, большинство современных исследователей относит «явность» исключительно к объективным характеристикам деяния. По их мнению, признак «явного» превышения полномочий проявляется не столько в субъективном намерении, сколько в публично очевидном выходе за рамки служебного мандата, который фиксируется по внешним признакам совершенного действия [114, с. 343]. Сторонники сугубо грамматического толкования признака «явности» выходят из того, что термин «явный» означает открытый, бесспорный и очевидный для всех.

Действительно, в ряде эпизодов факт выхода должностного лица за пределы своих полномочий представляется бесспорным, особенно когда при этом применяется насилие или угроза с использованием оружия либо специальных средств.

Однако практика знает многочисленные случаи, когда круг полномочий чиновника определяется особыми законами, подзаконными актами, уставами и положениями, о содержании которых широкая общественность, а порой и рядовые сотрудники, судят лишь приблизительно. В таких ситуациях внешняя очевидность «явного» превышения может отсутствовать.

Поэтому при оценке критерия «явности» всегда следует исходить из формальной регламентации служебных прерогатив: сопоставлять конкретные действия должностного лица с границами полномочий, установленными законом и нормативными актами. К тому же внутреннее понимание собственных полномочий самим субъектом проверки базируется на тех нормативных источниках, которые реально доступны и известны ему. Недостаток четкого представления о пределах компетенции исключает квалификацию деяния как умышленного превышения полномочий.

Следовательно, признак «явного» выхода за рамки власти носит двойственный – субъективно-объективный характер. С одной стороны, деяние должно демонстрировать явное нарушение служебных полномочий, по меньшей мере для определенной группы лиц, обладающих правом знать об этих границах. С другой стороны, именно виновный обязан осознавать фактическое несоответствие своих действий предоставленным ему полномочиям.

Наконец, схожую двойственную природу имеет и признак «использования полномочий не по назначению», на что указывает А.М. Минькова. По ее мнению, действие должностного лица должно объективно противоречить законным интересам службы, а субъект при этом должен сознавать наличие данного конфликта. Практически это означает, что чиновник сознательно применяет официальные полномочия с целью извлечения выгод и преимуществ для себя или третьих лиц, а не в соответствии с задачами, возложенными на него законом [115, с. 89].

Во-первых, диспозиция Уголовного кодекса четко формулирует понятие «должностного лица» через два взаимодополняющих критерия:

– Функциональный охватывает ключевые обязанности и полномочия, возложенные на субъект;

– Локальный отражает принадлежность индивида к конкретному органу или учреждению (государственному, местного самоуправления и т. п.), где он осуществляет служебную деятельность.

Во-вторых, законодательно закреплена рамка, в пределах которой реализуются должностные полномочия: это органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также подведомственные им учреждения. Именно на этой основе строится анализ законности совершаемых субъектом действий.

Третье важное уточнение касается воинских должностных лиц, которые обладают специфическими правовыми характеристиками.

В отличие от гражданских чиновников, их статус определяется военно-служебным уставом и особыми нормами о порядке исполнения служебных функций.

Четвертое – субъективная сторона преступлений по статьям 361 и 362 УК РК может выражаться как прямым, так и косвенным умыслом. Это подчеркивает многообразие волевых состояний преступника: от целенаправленного стремления к вредоносному результату до сознательного допуска его наступления.

Пятое – признак «явного» выхода за пределы полномочий следует рассматривать как субъективно-объективный.

С одной стороны, нарушение должно быть внешне очевидным хотя бы для лиц, компетентных в пределах соответствующих нормативов; с другой – именно субъект обязан ясно осознавать, что его действия заведомо не соответствуют предоставленной компетенции.

Наконец, аналогичным образом формируется и признак «использования полномочий вопреки законным интересам» при злоупотреблении служебным положением. Деяние должно объективно противоречить интересам органа или учреждения, а виновный – сознавать эту коллизию между своими действиями и предписаниями закона.

Таким образом, анализ субъективных и специальных признаков состава преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан, позволяет сделать вывод о том, что данные деяния характеризуются повышенной степенью интеллектуально-волевой активности виновного лица и предполагают осознание им противоправности своих действий, совершаемых в сфере публичной службы.

Специальный субъект – должностное лицо, наделенное властными или организационно-распорядительными функциями, – выступает центральным элементом состава, поскольку именно его правовой статус придает деянию характер общественной опасности. В отличие от иных категорий преступлений, где вред причиняется, как правило, частным интересам, здесь нарушение исходит от представителя власти и затрагивает основу функционирования государственных институтов.

Наличие у должностного лица осознания границ своих полномочий и понимания их правового содержания имеет решающее значение для оценки вины. В обоих составах преступлений противоправность действий проявляется не только в формальном нарушении закона, но и в искажении самой цели служебной функции – служения обществу и государству. Тем самым умысел виновного охватывает не только совершение конкретного действия, но и осознание того, что оно осуществляется вопреки интересам службы, с причинением вреда охраняемым законом интересам.

Следовательно, в отличие от иных форм должностных правонарушений, злоупотребление и превышение полномочий характеризуются совокупностью профессиональных, психологических и этических факторов. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к их предупреждению – через развитие правосознания государственных служащих, усиление институциональных мер ответственности и укрепление морально-правовых ориентиров государственной службы как института доверия.

2.3 Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий

Эмпирический анализ более чем шестидесяти приговоров по делам о злоупотреблении и превышении должностных полномочий демонстрирует, что судебная практика регулярно сталкивается с затруднениями при квалификации подобных преступлений. Проблемные точки возникают на нескольких уровнях.

Во-первых, наиболее остро стоит вопрос конкуренции уголовно-правовых норм. Злоупотребление и превышение полномочий, будучи закрепленными в главе 30 УК, часто «пересекаются» с иными специальными составами должностных преступлений, а порой и с сопутствующими правонарушениями (например, с коррупционными или экономическими преступлениями). В итоге суду приходится выяснять, какой из норм отдать приоритет: общей (ст. 361, 362 УК) или специальной (содержащей более узкую, но детализированную регламентацию противоправного поведения).

Во-вторых, неоднозначности порождает определение субъекта преступления. Не всегда очевидно, какую правовую квалификацию применять к лицам, осуществлявшим свои действия «в форме» должностных, но не по прямой линии подчиненности: например, контрактникам, временным исполнителям или сотрудникам совместных муниципально-государственных структур.

В-третьих, вызывает трудности квалификация ситуаций, когда формально должностное лицо совершает не типичный «должностной» состав, однако использует статус и ресурсы службы для достижения своих целей. Здесь суду необходимо четко разграничить, принадлежат ли совершенные действия к компетенции или выходят за ее пределы и превращают правонарушение в уголовно наказуемое.

В-четвертых, нередко спорными оказываются вопросы квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Распределение ролей (организатор,

исполнитель, пособник) и сопоставление их вины и действий требует от суда высокой юридической тонкости, поскольку все участники могут одинаково использовать служебное положение.

Для упорядочения этих коллизий необходимо руководствоваться общепризнанными принципами конкуренции норм. Если особая норма прямо предусматривает ответственность за конкретное должностное посягательство, то именно она должна применяться в приоритете, без совокупления с более общей статьей о злоупотреблении или превышении полномочий. Тем не менее в практике нередки случаи, когда суды либо не находят «специальной» нормы, либо затрудняются с определением ее демаркационных границ, что приводит к двойной квалификации или, наоборот, к незаконному переквалифицированию.

Ключевое различие между двумя составами состоит в следующем:

1) При злоупотреблении должностными полномочиями субъект остается в рамках предоставленных ему законом или иным нормативным актом прав, но использует их вопреки интересам службы. Действие остается «легальным по форме» и противоправным по содержанию.

2) При превышении полномочий деяние носит уже явно выходящий за пределы компетенции характер: субъект совершает действия, о которых невозможно спорить как о «служебных», – они явно не входят в круг его полномочий.

Судебная практика демонстрирует, что тонкая грань между «внутрипределом» и «внеправом» требует от судьи глубокого понимания регламентации каждой конкретной должности, анализа уставов и внутренних положений и внимательного исследования фактической базы. Только на этой основе можно избежать неточной квалификации и обеспечить справедливое и законное решение.

Прежде всего отметим, что среди обязательных элементов субъективной стороны преступления злоупотребления должностными полномочиями (ст. 361 УК РК) ключевую роль играет корыстная или иная личная заинтересованность лица. Напротив, при квалификации превышения должностных полномочий (ст. 362 УК РК) данный мотивный признак не закреплен в качестве обязательного, что подчеркивает различие в структуре вины между двумя смежными составами [6].

Данная дуалистичная модель мотивации усугубляет проблему конкуренции норм. В частности, пересечение диспозиций статей 361 и 369 УК (служебный подлог) демонстрирует, как сходные по субъекту и по мотиву деяния могут подпадать под разные квалификации.

Законодатель определяет служебный подлог (ст. 369 УК РК) как внесение должностным лицом либо государственным служащим (в том числе не относящимся к категории «должностных лиц») в официальные документы заведомо ложных сведений или исправлений, искажающих их содержание, при условии совершения подобных действий из корыстной или иной личной заинтересованности [6].

Объективная сторона служебного подлога раскрывается через исчерпывающий перечень действий: внесение в официальный акт, отчет или иной документ заведомо недостоверной информации; внесение исправлений, искажающих фактическую основу документа.

Субъект служебного подлога шире, чем у злоупотребления полномочиями: помимо «классических» должностных лиц, им могут выступать государственные и муниципальные служащие, не обладающие статусом должностного лица в прямом смысле, но выполняющие функции по обеспечению деятельности органов власти.

Несмотря на различие объекта и состава, обе нормы сближаются по субъектной стороне: и злоупотребление полномочиями, и подлог требуют прямого умысла, а обязательным мотивом выступает корыстная или иная личная заинтересованность. Такая параллель подчеркивает единый волевой компонент и мотивно-ценностный фон этих преступлений.

Кроме того, по признаку корыстной заинтересованности злоупотребление служебным положением соотносится с хищением, совершенным лицом, использующим свое служебное положение. В обоих случаях субъект стремится к неправомерному обогащению, эксплуатируя доверие, возложенное на него законом.

Таким образом, для правильной квалификации и разграничения указанных преступлений необходимо учитывать:

1) Мотивно-волевой анализ (наличие/отсутствие личной заинтересованности).

2) Объективный объект и предмет посягательства (служебные полномочия, официальный документ).

3) Природу состава (материальный урон искажается формальным окончанием преступления).

4) Статус субъекта (должностное лицо, широкий круг служащих).

Только комплексный подход, основанный на анализе всех структурных элементов состава, позволит преодолеть нормативные коллизии и обеспечить единообразие правоприменения в делах о злоупотреблении и превышении должностных полномочий, а также при конкуренции с институтом служебного подлога.

Разграничение составов злоупотребления должностными полномочиями и хищения чужого имущества, совершенного с использованием служебного положения, остается одной из наиболее проблемных тем как в доктринальной литературе, так и в судебной практике. Эти две группы преступлений имеют ряд общих структурных элементов: субъекты, мотивы и способы реализации преступного умысла часто совпадают и переплетаются, что порождает неоднозначность квалификации и непрерывные споры среди юристов и судей.

В терминологическом аспекте хищение, согласно статье 3 УК РК, определяется как совершенное с корыстной целью противоправное и безвозмездное изъятие чужого имущества, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу [6]. Ключевыми признаками здесь выступают

безвозмездность передачи имущества и наличие умысла на личное обогащение. В противоположность этому злоупотребление должностными полномочиями фиксирует неправомерное использование служебных полномочий, не сопровождающееся фактическим выходом за пределы возложенных функций, но наносящее вред общественным отношениям в области деятельности органов власти.

Главное различие между двумя институтами проистекает из объекта посягательства: при злоупотреблении ущерб наносится правовому порядку государственной или муниципальной службы, тогда как при хищении – исключительно отношениям собственности. Это диспозиционное разграничение создает объективную границу, однако на практике оно размывается, когда способы хищения реализуются через «служебные» механизмы.

Важнейшим критерием разграничения становится безвозмездный характер передачи имущества. Если должностное лицо отчуждает чужие ценности, заменяя их другими объектами – например, внося в бухгалтерские документы «заплатки» из личных средств – дело квалифицируется как злоупотребление полномочиями. Напротив, когда фигурант возвращает «вклад» в форме менее ценных вещей или денежных сумм, разница в стоимости которых объективно свидетельствует о незаконном обогащении, речь идет уже о хищении с использованием своего положения.

Порой разграничение осложняет практика дополнительных выплат работникам сверх штатных окладов. Здесь центральное значение приобретает анализ мотивации: если такие суммы призваны обеспечить личные интересы должностного лица (либо третьих лиц), то «служебные» выплаты фактически маскируют хищение. В этих обстоятельствах злоупотребление полномочиями выступает лишь приемом достижения хищнического умысла.

Следует также подчеркнуть, что круг субъектов хищения с использованием служебного положения шире, чем круг субъектов злоупотребления полномочиями. В то время как для последнего необходим официально закрепленный статус должностного лица, для квалификации хищения достаточно факта использования служебных функций: к ответственности могут привлекаться и рядовые служащие, и сотрудники вспомогательных структур, не обладающие формальным «должностным» статусом.

Кроме того, хищение с использованием служебного положения выступает как квалифицирующий признак в составе других преступлений: так, оно усугубляет ответственность за мошенничество (ст. 159 УК) и присвоение или растрату (ст. 160 УК). На практике часто выявляются случаи вымогательства, совершенного лицом, использующим свой официальный статус, что дополнительно подтверждает межинститутные связи и необходимость четкого законодательного определения.

В этой связи в научной среде обсуждается возможность введения в ст. 163 УК квалифицирующего признака «вымогательство с использованием

служебного положения» [116, с. 153]. Такая мера позволила бы устранить пробелы в правовом регулировании, упростить идентификацию состава преступления и повысить предсказуемость судебных решений.

В современной доктринальной литературе вырисовывается альтернативный подход к квалификации экономических преступлений. В частности, В.А. Волколупова выдвигает предложение об устранении из составов мошенничества (ст. 159 УК) и присвоения или растраты (ст. 160 УК) квалифицирующего признака «лицо, совершившее преступление с использованием своего служебного положения» [117, с.7].

По мнению автора, сохранение данного признака в качестве отягчающего обстоятельства приводит к неоправданному «наслоению» квалификаций и порождает системную неявность границ ответственности. Удаление отметки о служебном статусе позволит привести диспозиции статей к единообразию и сосредоточить внимание исключительно на факте противоправного извлечения выгоды и причиненного вреда, без избыточного акцента на социальном положении преступника.

Кроме того, В. Волколупова подчеркивает, что «служебное положение» уже учитывается при определении размера наказания через общие нормы об отягчающих обстоятельствах, и его дублирование в качестве квалифицирующего признака нарушает принцип единства уголовного закона. Таким образом, предлагаемый шаг не нивелирует ответственность, но упрощает структуру уголовной нормы, повышая ее ясность и предсказуемость [117, с.7-8].

Исключение признака «использование служебного положения» из состава мошенничества и хищения не отменяет возможности учитывать данный фактор при назначении санкций. Скорее, такая реформа способствует четкому разграничению объективных элементов преступления и мотивно-волевых характеристик субъекта, что в итоге усилит эффективность уголовно-правового регулирования должностных правонарушений.

С точки зрения категориального построения уголовно-правовой нормы, введение самостоятельной статьи, охватывающей преступления, совершенные «с использованием служебного положения», представляется избыточным. Социальная опасность данных деяний определяется именно способом их совершения – способом хищения или обмана – тогда как предлагаемая автором новелла не содержит четкого описания соответствующих приемов неправомерного обогащения.

Тем не менее при квалификации идеальной совокупности преступлений особое значение приобретает четкое разграничение «комплексного» состава, включающего два и более самостоятельных по смыслу деяния. Каждое из них, при выделении в отдельности, подпадает под норму конкретной статьи УК РК. Некорректное смешение элементов различных составов ведет к нарушению принципов уголовного права и создает угрозу произвольного толкования законов.

Мы разделяем позицию исследователей, полагающих, что тяжкий вред здоровью и летальный исход полностью охватываются диспозицией п. 3 ч. 4 ст. 361 УК РК, и дополнительная квалификация по совокупности норм излишня. Вместе с тем для обеспечения единообразия судебной практики и устранения разночтений представляется целесообразным закрепить соответствующие разъяснения в Нормативном постановлении Верховного Суда РК (Приложение А).

Научная дискуссия о квалификации соучастия со специальным субъектом длится уже не одно десятилетие, однако отдельные ее аспекты продолжают вызывать споры и многозначительные трактовки.

В ряде монографий и статей высказывается мнение о том, что частное лицо при привлечении к ответственности за должностные преступления может выступать лишь в ролях подстрекателя или пособника, но не вправе нести вину как организатор преступного замысла: якобы его участие всегда «вторично» и обусловлено зависимостью от должностного лица. Такой вывод, однако, противоречит буквальному смыслу норм Особенной части УК РК. Закон прямо предусматривает, что лицо, не являющееся специально указанным субъектом состава, тем не менее отвечает за организаторскую, подстрекательскую или пособническую деятельность, если его действия способствовали совершению преступления.

При этом в доктрине отсутствует единое понимание самого института пособничества в сфере должностных правонарушений. Одни авторы требуют доказательства фактического содействия, другие – полагают достаточным формальное использование служебного статуса, что осложняет формирование четких методических указаний для суда.

Особую сложность представляет квалификация соисполнительства («соучастия» в форме совместного выполнения преступного деяния). В правовом пространстве необходимо исходить из конструкции состава: в преступлениях с *чисто специальным* субъектом соисполнительство общего со специальным субъектом исключается; в составах *смешанного* (альтернативно-должностного) характера совместное исполнение специального и общего субъектов допустимо.

Следовательно, положения ст. 27–28 УК РК о соучастии в составе группового преступления требуют уточнения: участие специального субъекта должно было бы ограничиваться теми ролями, которые прямо предписаны нормой (организатор, подстрекатель, пособник), а правила соисполнительства в «смешанных» составах – более детальной регламентации. Только такое системное разграничение позволит устранить неоднозначности в применении института соучастия при должностных правонарушениях.

На практике нередко встречаются затруднения и неточности при идентификации субъектного состава преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий. Вместе с тем анализ приговоров, опубликованных в банке судебных актов на официальном сайте Верховного Суда Республики Казахстан, демонстрирует ряд примеров,

где суды последовательно и обоснованно квалифицировали различных лиц как «должностных».

Прежде всего, к числу официальных субъектов отнесены сотрудники органов, наделенных властными функциями: полицейские и работники миграционной службы, осуществляющие представительство интересов государства и реализацию мер административного надзора. Их признание должностными лицами подтверждает принцип, согласно которому выполнение публично-властных функций влечет возникновение соответствующего правового статуса.

Далее судебная практика едина в признании инспекторов рыбоохраны, сотрудников государственного технического надзора и ветеринарных фельдшеров государственных учреждений должностными лицами. Эти категории специалистов, хотя формально не входят в «силовые» структуры, осуществляют организационно-распорядительные и административно-хозяйственные полномочия: выдают ветеринарные сопроводительные документы, проводят проверки и контролируют соблюдение нормативов, что соответствует функциональному признаку должного статуса.

Наконец, суды квалифицировали в статусе должностных лиц директоров муниципальных образовательных учреждений, государственных архивов и социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних. Их руководящая роль в организации работы данных учреждений и принятие ключевых управленческих решений четко укладываются в критерии локального и функционального определения должностного лица [94].

В практике Верховного Суда Республики Казахстан подчеркивается, что ключевыми признаками «должностного лица» являются именно функции, перечисленные в статье 3 УК РК. Речь идет о лицах, занимающих официальные позиции и наделенных полномочиями представителя власти, организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями. Именно сочетание соответствующего статуса и фактического исполнения таких задач позволяет квалифицировать субъект как «должностное лицо» [72].

Вместе с тем судебная практика содержит отдельные примеры, когда статус должностного лица определяется судом без достаточных правовых оснований. Подобные решения порождают риски расширительного толкования и ставят под сомнение объективность квалификации преступных действий.

В качестве иллюстрации следует привести дело бывшего руководителя госкорпорации в Западно-Казахстанской области Е. Несмотря на то, что сам обвиняемый настаивал на отсутствии у него признаков государственного служащего или должностного лица, суд квалифицировал его деяния по статье 361 УК РК (злоупотребление должностными полномочиями) [118]. Такое заключение, с нашей точки зрения, противоречит как буквальному смыслу нормы, так и сложившейся правоприменительной практике.

Таким образом, в целях обеспечения правовой определенности и недопущения произвольных квалификаций необходимо твердо следовать функционально-локальному критерию статьи 3 УК РК [6]. Лишь при строгом

соблюдении установленных законом характеристик должностного лица могут быть исключены ошибки при определении субъекта преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением полномочий.

Во-первых, результаты комплексного анализа материалов журналистских расследований выявили несоответствия между фактическими обстоятельствами дела и выводами судов низших инстанций относительно статуса подсудимого как «должностного лица» и характера совершенных им действий. Исследования журналистов продемонстрировали, что в ряде эпизодов отсутствовали признаки представительства власти или осуществления организационно-распорядительных функций.

Во-вторых, опираясь на аргументацию и документальные подтверждения, представленные в пересмотренных материалах, Верховный Суд Республики Казахстан провел дополнительную юридико-фактическую экспертизу дела. По результатам этой проверки было принято решение об отмене приговоров первой и апелляционной инстанций ввиду недостаточной обоснованности квалификации преступления и неверного определения субъекта правонарушения [119].

В практике правоприменения устойчиво сохраняются затруднения при квалификации последствий, наступивших в результате преступлений, связанных со служебным злоупотреблением и превышением полномочий, в категории «существенных» либо «тяжких». Между тем именно корректное определение характера общественно опасных последствий является краеугольным условием назначения пропорционального и справедливого наказания.

В ходе анализа судебных решений выявлено, что нередко упускают из виду принципиальное различие между злоупотреблением полномочиями и их превышением. Первое предполагает действие чиновника в рамках формально предоставленных прав, но вопреки служебным интересам; второе–явный выход за эти пределы. Оба состава требуют независимой правовой оценки, однако только в случае злоупотребления обязательным элементом вины выступает корыстная или иная личная заинтересованность, что на практике зачастую игнорируется.

Нечто общее с институтом хищения, совершенного с использованием служебного положения, имеет корыстная заинтересованность при злоупотреблении: в обоих случаях преступник стремится к неправомерному обогащению. Однако объект посягательства различается: хищение наносит вред исключительно отношениям собственности и всегда совершается безвозмездно. Тогда как при злоупотреблении позиция должностного лица позволяет «замещать» изымаемое имущество иными ценностями – признак, указывающий скорее на должностное преступление. Кроме того, субъектом подобного хищения может быть любой служащий, не обладающий статусом «должностного лица», тогда как для квалификации злоупотребления необходим официальный служебный мандат.

Вопрос об интеграции признака «использование служебного положения» в состав квалифицирующих обстоятельств вымогательства заслуживает законодательного решения. Представляется целесообразным дополнить статью 361 УК РК отдельным пунктом об ответственности за вымогательство, совершенное с применением служебных полномочий, что укрепит единообразие уголовного регулирования подобного рода деяний.

При квалификации совокупности преступлений, отнесенных к главе 15 УК РК, следует непреложно соблюдать принципы конкуренции норм и разграничения общих и специальных составов. Только выверенное применение правил о приоритете специальных норм позволит исключить двойную квалификацию и обеспечить правовую определенность.

Наконец, в практической деятельности судов продолжает вызывать вопросы определение круга субъектов должностных преступлений. Закон четко ограничивает их рамками государственных органов, органов местного управления и подведомственных им учреждений. Тем не менее иногда квалифицируются должностными лицами сотрудники государственных предприятий, наделенные лишь административно-хозяйственными или организационно-распорядительными функциями. Такие решения не находят поддержки в юридической доктрине, поскольку размывают связь между субъектом состава и охраняемым уголовным законом объектом, что подрывает принципы правовой определенности и законности.

Во-первых, включение в диспозицию статей 361 и 362 УК РК таких оценочных категорий, как «существенный вред» и «тяжкие последствия», неизбежно порождает правоприменительные сложности. Во-первых, эти термины недостаточно детализированы, что затрудняет разграничение между основным и квалифицированным составами должностных преступлений. Во-вторых, отсутствие четких критериев оценки масштабов и характера вреда повышает риск субъективной интерпретации и непоследовательного применения норм.

Во-вторых, проблема осложняется полиобъектным характером рассматриваемых деяний. Последствия злоупотребления или превышения полномочий могут быть как материальными (финансовые потери, ущерб имуществу), так и нематериальными (утрата доверия к органам власти, подрыв авторитета государственных институций). Разнообразие объектов посягательства делает без дополнительных методических указаний невозможным единообразно судить о «существенности» или «тяжести» последствий.

Следовательно, для обеспечения правовой определенности и справедливости наказания требуется разработка единой методики квалификации последствий служебных правонарушений. Такая методика должна содержать подробные критерии оценки «существенности» и «тяжести» вреда, что позволит исключить произвольность решений и повысить эффективность уголовного преследования должностных преступлений.

В этой связи заслуживает внимания мера в виде кратного штрафа. Такая мера наказания закреплена, в частности, в статьях о взяточничестве (ст. 366-368 УК РК).

Мы считаем, что есть необходимость реформирования санкций статей 361 и 362 УК Республики Казахстан путем введения более объективного и измеримого критерия ответственности, т.е. кратного штрафа. Такая мера, на наш взгляд, будет способствовать правовой определенности, справедливости и пропорциональности наказания.

Суть нашего предложения заключается в следующем: санкции за преступления, предусмотренные статьями 361 и 362 УК РК, следует дополнить альтернативой в виде штрафов, кратных незаконно извлеченной выгоде. В частности, по статье 361 УК РК («Злоупотребление должностными полномочиями») предлагается установить возможность назначения штрафа до трехкратного размера незаконно полученной выгоды. В тех случаях, когда такой выгоды не установлено или отсутствует прямой имущественный ущерб, может применяться штраф в размере до 2000 МРП, а при наличии квалифицирующих признаков – до 5000 МРП.

По статье 362 УК РК («Превышение власти или должностных полномочий») целесообразно предусмотреть аналогичный механизм – штраф до трехкратной суммы причиненного ущерба либо, при невозможности точной оценки последствий, в размере до 3000 МРП. Такой подход позволит дифференцировать ответственность, не прибегая исключительно к лишению свободы, и усилит компенсаторную функцию наказания.

Введение кратных штрафов в указанных составах позволит:

1) повысить экономическую обоснованность уголовной репрессии;

2) стимулировать возмещение ущерба и восстановление нарушенных прав;

3) разгрузить уголовно-исполнительную систему за счет отказа от лишения свободы;

4) обеспечить большую предсказуемость и равномерность судебной практики, снижая зависимость от субъективного усмотрения судов в вопросах оценки тяжести последствий.

Штраф признан в литературе универсальным и эффективным наказанием имущественного характера, отличающимся простотой применения, экономичностью и возможностью гибкой индивидуализации санкции. Особенно он уместен при борьбе с коррупционными и должностными преступлениями, поскольку позволяет компенсировать ущерб и воздействовать на правонарушителя без лишения свободы [120, с. 421-422]. Такая мера, как кратный штраф, считаем, усилит превентивный эффект и обеспечит более справедливое и экономически целесообразное наказание.

В случаях злоупотребления и превышения должностных полномочий нередко причиняется значительный имущественный ущерб, который существующие размеры штрафов не позволяют адекватно компенсировать. Особенно это характерно для преступлений, совершенных в сфере земельных,

бюджетных или инфраструктурных ресурсов, где сумма причиненного ущерба может исчисляться десятками и сотнями миллионов тенге.

Так, например, в сентябре 2023 года в Атырау были арестованы бывшие руководители отдела земельных отношений, архитектуры и аппарата акима города. Они подозреваются в злоупотреблении должностными полномочиями при выделении земельных участков и определении их целевого назначения. Дело зарегистрировано по п. 2 ч. 4 ст. 190 и ст. 361 УК РК, и, судя по квалификации, ущерб значителен [121]. Такие преступления требуют пропорциональной уголовно-правовой реакции, и именно введение кратных штрафов может выступить реальным механизмом возмещения ущерба и усиления превентивного воздействия уголовного закона.

Типичным иллюстративным примером действия квалифицирующего признака «превышение должностных полномочий с применением физического насилия» является уже приводимый нами ранее пример дела в отношении сотрудника полиции. Будучи доставленным в помещение полиции для составления административного протокола, потерпевший попытался покинуть помещение, после чего полицейский, явно превышая свои полномочия, нанес ему удары коленом по ребрам, причинив переломы, т.е. вред здоровью средней тяжести. В изученном деле суд, детально исследовав обстоятельства и характер противоправных действий сотрудника полиции, квалифицировал его поведение как превышение должностных полномочий с применением физической силы (пункт 1 части 4 статьи 362 УК РК). При этом было подчеркнуто, что сам факт использования насилия уже инкорпорирует в состав преступления ответственность за причиненный здоровью вред. Суд пришел к выводу, что дополнительная квалификация по статьям, предусматривающим ответственность за телесные повреждения, является избыточной [103].

Такой подход демонстрирует единообразие применения уголовного закона в сфере должностных правонарушений и исключает «конкурс» норм, когда одно деяние квалифицируется по нескольким статьям одновременно.

Во-первых, в тех случаях, когда при превышении должностных полномочий наступает смерть потерпевшего либо умышленно причиняется тяжкий вред здоровью в отягчающих обстоятельствах, правовая оценка деяния требует применения совокупной квалификации: наряду с наказанием за превышение полномочий необходимо учитывать соответствующие нормы о преступлениях против жизни и здоровья.

Во-вторых, данная позиция получила официальное подтверждение в нормативных постановлениях Верховного Суда Республики Казахстан, где законодательно закрепляется приоритет комплексного анализа объективных и субъективных признаков преступления.

Третье, угроза применения насилия, выдвигаемая должностным лицом в ходе превышения полномочий, расценивается в уголовном праве как внешнее выражение волевого намерения совершить насильственные действия. Для квалификации этой угрозы как признака преступления необходимо, чтобы она

воспринималась потерпевшим как реальная и внушала обоснованный страх за свою жизнь или здоровье.

Наконец, для дальнейшего понимания природы подобных посягательств обратимся к международным стандартам. В соответствии со статьей 1 Международной конвенции «Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», под пыткой понимается любое действие, которым умышленно причиняется сильная физическая или нравственная боль либо страдание лицу – будь то в целях получения информации или признания, наказания за совершенный или предполагаемый проступок, запугивания или принуждения, а также по любым иным мотивам дискриминационного характера, – когда такие действия совершаются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, либо с их подстрекательства, ведома или молчаливого согласия [122].

Таким образом, сочетание национальных и международных правовых норм позволяет сформировать многослойный подход к оценке преступлений, совершаемых служащими с применением насилия и угроз, что способствует единообразию толкования и соблюдению принципов справедливости уголовного преследования.

Конституция Республики Казахстан категорически запрещает применение пыток, насилия и любых иных форм жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения и наказания [123].

Закон Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339 «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» дает правовую характеристику оружия как устройств и предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, а также для подачи сигналов [124]. Законодательно закреплено, что к различным категориям вооружения и поражающих средств относятся исключительно те устройства и предметы, перечень которых исчерпывающе указан в соответствующих нормативных актах. Это позволяет исключить двусмысленность при квалификации фактов их применения и гарантировать корректное отнесение каждого конкретного объекта к установленной правовой группе.

В то же время Закон Республики Казахстан «О правоохранительной службе» специально выделяет так называемые «специальные средства» – технические и биологические объекты, предназначенные для контроля, сдерживания и нейтрализации противоправных действий. К числу таких средств относятся резиновые дубинки, наручники, слезоточивый газ, водометы и бронемашины, установки для разрушения преград, служебные собаки, светозвуковые устройства отвлекающего воздействия, а также технические средства принудительной остановки транспортных средств и иные аналогичные объекты [125].

Данная систематизация имеет значение для правоприменения: четкое разграничение «оружия», «специальных средств» и иных технических устройств обеспечивает правильную квалификацию превышения должностных

полномочий, применение силы и использование насильственных мер. Именно на основе этих исчерпывающих определений формируется правовая оценка действий должностных лиц и выносится решение об объеме допустимых мер и степени ответственности за их нарушение.

В соответствующих законах Республики Казахстан детализированы условия и порядок применения как огнестрельного оружия, так и специальных средств правоохранительными органами. Следовательно, ответственность должностного лица по признаку «с применением оружия или специальных средств» наступает исключительно в том случае, когда оно нарушает установленные правила их использования.

В качестве особо квалифицирующего элемента объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК РК, закон прямо указывает деяния, повлекшие тяжкие последствия. При этом, аналогично категории «существенного вреда», понятие «тяжких последствий» носит оценочный характер и требует дополнительного толкования.

В теоретической доктрине уголовного права выдвинуто множество методологических подходов к определению критериев тяжести последствий: одни авторы акцентируют внимание на характере затронутых интересов, другие – на количественных показателях (размер ущерба, длительность и интенсивность вредоносного воздействия).

Параллельно в научной литературе обсуждается целесообразность сохранения самостоятельного состава «превышение должностных полномочий».

Эту идею поддерживают современные исследователи. Так, Е. В. Тарасова подчеркивает, что идентичность санкций и сходство конструктивных элементов обоих преступлений свидетельствуют о нецелесообразности их разделения в Уголовном кодексе [126, с. 19]. В результате объединенная диспозиция могла бы не только упростить правоприменительную практику, но и исключить нормативные коллизии при квалификации должностных правонарушений.

На наш взгляд, сейчас несвоевременно упразднять самостоятельный состав превышения должностных полномочий. Превышение, аналогично халатности, взяточничеству и иным видам должностных преступлений, следует рассматривать как один из особых видов злоупотребления должностным положением. Такая систематизация позволяет сохранить дифференцированный подход к оценке как наличия у субъекта законного мандата, так и степени выхода им за пределы своей компетенции.

Эмпирический анализ более чем пятидесяти судебных решений по делам о злоупотреблении и превышении полномочий подтвердил важность этого разграничения. В частности, в 10 % случаев данные деяния совершались группой лиц по предварительному сговору, что свидетельствует о наличии организованного множественного воли и усилий, характерных именно для отдельных видов должностных правонарушений [94].

Таким образом, сохранение независимых диспозиций злоупотребления и превышения полномочий позволяет учитывать специфику каждой формы неправомерного поведения и вырабатывать более точные критерии квалификации и ответственности.

Вместе с тем практика предварительного следствия и судебного разбирательства демонстрирует, что факт соучастия по предварительному сговору зачастую остается незамеченным при квалификации злоупотребления и превышения должностных полномочий. Органами следствия и судами не принимается во внимание отягчающее значение коллективного характера преступной деятельности, что приводит к недооценке общественной опасности деяний.

В связи с этим представляется необходимым систематизировать квалификацию данных составов, введя в их структуру дополнительный признак – «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору». Такой квалифицирующий элемент позволит учитывать согласованность действий участников и их совместный умысел, усиливающий степень общественной опасности правонарушения.

Включение данного признака в диспозиции статей 361 и 362 УК РК создаст юридическую основу для более строгой ответственности организаторов и активных участников преступной группы. Это не только приведет к гармонизации специальных составов с общими правилами о соучастии, но и повысит превентивный эффект уголовного закона за счет учета группового характера деяния как отягчающего обстоятельства.

Таким образом, выделение «злоупотребления или превышения должностных полномочий, совершенных группой лиц по предварительному сговору», в качестве квалифицирующего признака обеспечит более точную дифференциацию степеней общественной опасности и усилит справедливость и обоснованность судебных решений.

И.С. Боровкова в своем диссертационном исследовании указывает на присущую современному уголовному законодательству тенденцию к дальнейшей дифференциации ответственности за злоупотребление должностными полномочиями, осуществляемой посредством введения специальных норм. При этом, по мнению исследователя, это не всегда аргументировано положительным опытом уголовно-правового противодействия служебным преступлениям, равно как и принципам криминализации деяний, в силу чего обоснованность соответствующих законодательных решений ставится под вопрос [127, с. 9].

Подводя итоги проведенного анализа, следует отметить, что проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти или должностных полномочий (статьи 361 и 362 УК Республики Казахстан) остаются одними из наиболее сложных в правоприменительной практике. Это связано как с близостью объективных и субъективных признаков составов, так и с выраженной оценочностью используемых понятий. Граница между законным использованием дискреционных полномочий

и их противоправным применением зачастую неочевидна и требует тонкого юридического анализа, включающего исследование мотивов, целей и последствий деяния.

Не менее существенной проблемой является и трактовка признака «существенный вред», который выступает ключевым элементом для наступления уголовной ответственности. Практика его применения демонстрирует высокую степень вариативности, что снижает предсказуемость правоприменения и может создавать правовую несправедливость при схожих обстоятельствах.

Указанные проблемы требуют комплексного подхода к их решению. Помимо унификации судебной практики и развития доктринальных критериев, необходимо совершенствование санкций уголовного закона.

В этой связи представляется целесообразным изменить санкции по статьям 361 и 362 УК Республики Казахстан путем введения кратности штрафов. По статье 361 предлагается установить штраф в размере до трехкратной суммы незаконно извлеченной выгоды либо до двух тысяч месячных расчетных показателей (МРП) в случаях отсутствия прямого имущественного ущерба; при наличии квалифицирующих признаков – до пяти тысяч МРП. По статье 362 целесообразно предусмотреть штраф в размере до трехкратной суммы причиненного ущерба либо до трех тысяч МРП. Такая мера позволит обеспечить адекватность и индивидуализацию наказания, усилит его превентивную направленность и расширит возможности компенсации ущерба, не прибегая к мерам, связанным с изоляцией от общества.

3 КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ВЛАСТИ И ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

3.1 Причины и условия совершения уголовных правонарушений в сфере реализации должностных полномочий

Вопрос о причинах и условиях совершения преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями и превышением власти и должностных полномочий, занимает особое место в системе криминологических исследований.

На сегодняшний день эти вопросы особенно актуальны, ведь именно должностная преступность наиболее тесно связана с функционированием государственной власти и управленческой системы. Эти деяния наносят двойной вред, ведь они, с одной стороны, подрывают законность и авторитет государства, а, с другой стороны, нарушают права и законные интересы граждан, нивелируя доверие общества к институтам публичного управления. В отличие от иных категорий преступлений должностные уголовные правонарушения совершаются даже не столько из корыстных побуждений, сколько в результате деформации служебного сознания, утраты нравственных ориентиров и искаженного понимания интересов службы и власти как личного ресурса. Это подчеркивают и зарубежные исследователи, указывая, что «злоупотребления властью подрывают основы служебной этики и доверие общества, а их истоки лежат в нравственной деформации сознания руководителей и в отсутствии правовой и моральной ответственности» [128].

С точки зрения криминологической типологии, такие лица характеризуются высоким уровнем профессиональной компетенции и правовой осведомленности, но при этом также – деформированными нравственными установками, толерантностью к коррупционным практикам и склонностью использовать служебные полномочия в личных интересах. У многих из них наблюдается феномен «профессиональной деформации», отражающийся в замене ценностей служения обществу установками на поддержание личного или корпоративного благополучия, сохранение власти и привилегий, а также использование должности для обеспечения материальных выгод.

Но, на наш взгляд, не стоит сводить причины совершения должностных преступлений только к особенностям личности. Причины и условия совершения злоупотреблений и превышений полномочий в Казахстане носят комплексный характер и включают взаимосвязь социальных, экономических, политических, организационных и личностно-психологических факторов.

Социально-экономические причины связаны с высокой степенью участия государства в экономике, значительным объемом распределяемых бюджетных средств, наличием квазигосударственных компаний, управляющих крупными финансовыми и имущественными потоками. Ограниченный доступ к этим ресурсам и высокая конкурентность за управленческие позиции создают предпосылки для формирования коррупционных механизмов.

Так, приговором Шуского районного суда Жамбылской области от 3 июля 2024 г. по делу № 3166-24-00-1/14 был осужден по ч.4 ст. 361 УК РК председатель правления акционерного общества, управляющего деятельностью специальной экономической зоны «Химпарк Тараз». Согласно приговору суда подсудимый А. злоупотребил предоставленными ему полномочиями вопреки интересам службы. «А., являясь лицом, приравненным к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы в целях извлечения выгод и преимуществ для ТОО «Build Stroi», заведомо зная о неисполнении обязательств, взятых на себя ТОО «Build Stroi», при отсутствии правовых оснований для возврата 5% гарантийного обеспечения, злоупотребил своими должностными полномочиями в пользу ТОО «Build Stroi» путем принятия решения о возврате денежных средств на общую сумму 212 456 592,84 тенге, принадлежащих АО «УК СЭЗ «Химический парк Тараз», что повлекло причинение существенного вреда охраняемым законом интересам АО и государства в особо крупном размере, которое привело к тяжким последствиям» [129].

Политико-управленческие причины обусловлены сохраняющейся централизацией власти, недостаточностью парламентского и общественного контроля, слабой независимостью отдельных надзорных органов. В таких условиях дисбаланс между объемом дискреционных полномочий и степенью подотчетности создает благоприятную среду для злоупотреблений. Это происходит в силу того, что возникают возможности для произвольного толкования норм, подмены законности политической или личной целесообразностью, формирования устойчивых административных практик, основанных на неформальных договоренностях. Отсутствие прозрачных процедур принятия управленческих решений снижает ответственность должностных лиц за последствия своих действий, формируя атмосферу служебной безнаказанности.

Результаты проведенного анкетирования государственных служащих подтверждают, что подобная институциональная среда является значимым фактором злоупотреблений. Более 60% респондентов указали на давление со стороны руководства и зависимость от начальства, а свыше половины отметили организационные и нормативные пробелы, создающие возможности для произвольного применения полномочий. Почти половина опрошенных назвали коррупционные риски, связанные с системой распределения ресурсов, а пятая часть – политическое влияние, как внешние причины злоупотреблений. Среди внутренних факторов наиболее часто отмечались карьеризм, недостаточная профессиональная подготовка, низкий уровень правосознания и материальные затруднения, что указывает на сочетание институциональных и личностных предпосылок противоправного поведения (Приложение Б).

Организационные причины включают недостатки кадровой политики: отсутствие эффективной системы ротации кадров, возможность длительного пребывания в одной должности, формальный характер конкурсных процедур и

неразвитость механизмов оценки эффективности служебной деятельности с точки зрения этических стандартов. Типичный пример можно увидеть в деле № 3310-24-00-1/93 по п.3 ч.4 ст. 361 УК РК, приговор по которому был вынесен Талдыкорганским городским судом области Жетысу 30 мая 2024 года. В представленном приговоре установлено, что руководитель отдела земельных отношений города К. злоупотребила своими должностными полномочиями, действуя вопреки интересам государственной службы и извлекая выгоду для себя и третьих лиц. На протяжении нескольких лет она оформляла фиктивные постановления акимата о предоставлении земельных участков, используя данные неосведомленных граждан, в том числе родственников, с целью последующей незаконной приватизации и перепродажи участков. В результате этих действий государству был причинен имущественный ущерб в размере более 10 миллионов тенге [130]. Эти действия отражают типичные организационные причины злоупотреблений служебными полномочиями. В частности, длительное пребывание должностного лица на одной и той же позиции, отсутствие действенного внутреннего контроля, слабая ротация кадров и формальный характер надзора со стороны вышестоящих органов создали условия для формирования устойчивых коррупционных связей и неформальных практик распоряжения государственной землей.

Правовые причины проявляются в наличии пробелов и коллизий в законодательстве, недостаточной конкретизации норм, определяющих пределы и содержание полномочий, а также в слабой интеграции уголовно-правовых мер с дисциплинарными и административными санкциями. Показательным является уголовное дело в отношении группы должностных лиц учреждения уголовно-исполнительной системы. Согласно материалам дела, заместитель специализированного прокурора Т., злоупотребляя своими должностными полномочиями, дал незаконное устное распоряжение подчиненным о вывозе осужденных за пределы исправительного учреждения для выполнения ремонтных работ в здании прокуратуры города Конаев. Исполняя данное указание, должностные лица Б., Д. и К. организовали вывоз одного из осужденных и допустили его пребывание на свободе, что привело к совершению последним девяти новых уголовных правонарушений против собственности граждан, с причинением ущерба на сумму свыше 26 миллионов тенге. Суд г. Конаев Алматинской области установил, что указанные лица, действуя по предварительному сговору и вопреки интересам службы, допустили злоупотребление властью, нарушили требования законодательства и нормы служебной этики, что повлекло тяжкие последствия. Действия были квалифицированы по п.3 ч. 4 ст. 361 и ч.5 ст. 28 УК РК как злоупотребление должностными полномочиями, совершенное группой лиц по предварительному сговору, повлекшее тяжкие последствия [131].

Данный пример наглядно демонстрирует, что злоупотребление властью даже в форме, внешне представляемой как «служебное распоряжение», может привести к серьезным последствиям – подрыву доверия к органам

государственной власти и росту преступности среди лиц, находящихся под контролем государства.

Личностно-психологические причины связаны с индивидуальными особенностями правонарушителей: завышенная самооценка, склонность к авторитарному стилю управления, низкий уровень правосознания, установка на приоритет личных интересов, готовность оправдывать нарушения целесообразностью или «традиционностью» определенных практик.

Например, осужденный З., занимая должность заместителя начальника Департамента уголовно-исполнительной системы по Восточно-Казахстанской области (ДУИС по ВКО), признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями, предусмотренном ч. 2-1 ст. 361 УК Республики Казахстан. Согласно приговору Суда № 2 г. Усть-Каменогорска от 3 июля 2024 года, в период с октября 2023 по февраль 2024 года, подсудимый З., используя свое служебное положение, он неоднократно действовал вопреки интересам службы, обеспечивая привилегированные условия содержания одному из осужденных. По просьбе брата осужденного З. организовал незаконное проношение на территорию исправительного учреждения мобильного телефона, строительных материалов, а также способствовал фиктивному вывозу осужденного в стоматологический центр для организации встречи с родственниками, что грубо нарушало требования законодательства [132]. Очевидно, что восприятие осужденным З. служебных полномочий как личного ресурса, а также отсутствие должного внутреннего контроля и профессиональной рефлексии способствовали формированию чувства безнаказанности.

В целом, условия, способствующие совершению злоупотреблений и превышений полномочий, представляют собой обстоятельства, которые, не являясь непосредственными причинами, создают благоприятную среду для их реализации. К таким условиям относятся: низкий уровень прозрачности в принятии управленческих решений, слабый контроль за расходованием бюджетных средств, недостатки внутреннего аудита, ограниченный доступ граждан и СМИ к информации о деятельности государственных органов, а также недостаточная защищенность лиц, сообщающих о фактах правонарушений (информаторов). Признание наличия таких причин позволяет говорить о системной коррупции, которая, как наиболее опасная форма деформации государственного управления, подрывает роль права, ослабляет институты власти и снижает способность государства эффективно защищать права и законные интересы граждан [133].

Для более глубокого понимания механизма возникновения злоупотреблений и превышения должностных полномочий в системе государственного управления представляется целесообразным рассматривать причины и условия их совершения в контексте трехуровневого криминологического анализа: макроуровня, мезоуровня и микроуровня. Такой подход позволяет обеспечить системность в исследовании и выявить взаимосвязь между общими социально-экономическими предпосылками,

институциональными особенностями функционирования органов власти и индивидуально-психологическими характеристиками правонарушителей.

Следует отметить, что аналогичный трехуровневый принцип закреплен и в действующем законодательстве Республики Казахстан. Так, статья 20 Закона Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» от 29 апреля 2010 года № 271-IV определяет, что профилактика правонарушений осуществляется посредством общих, специальных и индивидуальных мер, каждая из которых направлена на предотвращение противоправных деяний на своем уровне воздействия. Общие меры соотносятся с макроуровнем, охватывая социально-экономические, политические и правовые процессы в масштабах всего государства; специальные меры соответствуют мезоуровню – уровню деятельности отдельных институтов и отраслей управления; индивидуальные меры – микроуровню, где предметом анализа являются конкретные личности и обстоятельства, влияющие на их противоправное поведение [134]. Рассмотрим эти уровни причин более подробно.

1. Макроуровень (общегосударственные и системные факторы). Ключевыми макропричинами выступают структурные особенности государственного управления и правовой системы. Казахстан унаследовал от советской административной модели высокую степень централизации власти, где значительные управленческие полномочия концентрируются в руках узкого круга должностных лиц. При недостаточном институциональном контроле это создает «зону повышенного риска» для злоупотреблений.

Анализ положений Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 522 дает нам целый ряд данных, подтверждающих наличие макроуровневых причин, способствующих злоупотреблению и превышению должностных полномочий в системе государственного управления. Так, в документе отмечается, что доля участия государства в экономике остается значительной – в 2021 году она составляла 14,5 %, а в 2023 году – 13,7 % [2]. Такая ситуация свидетельствует о сохранении высокой степени государственного влияния на распределение финансовых и имущественных ресурсов, что усиливает вероятность конфликтов интересов, коррупционных проявлений и служебных злоупотреблений при принятии управленческих решений. Далее, несмотря на проводимые меры по оптимизации государственного аппарата, включая сокращение численности государственных служащих на 15 % (9610 единиц), в Концепции признается, что в деятельности многих органов сохраняются дублирование функций, избыточная регламентация и низкая управленческая гибкость [2]. Эти характеристики указывают на институциональную перегруженность управленческой системы, что, в свою очередь, способствует снижению ответственности должностных лиц и создает возможности для злоупотреблений полномочиями. Отдельное внимание в документе уделено проблеме размытости компетенций и дублирования полномочий, когда «одна функция может быть распределена среди нескольких государственных органов», что ведет к

отсутствию четкой подотчетности и затрудняет контроль за исполнением решений [2]. В таких условиях усиливается риск произвольного использования дискреционных полномочий, когда управленческие решения принимаются без достаточных оснований, а границы ответственности между ведомствами оказываются неясными. Кроме того, в Концепции приводятся данные Всемирного банка, согласно которым Казахстан в 2023 году занимал 57,08 процентиля в индексе эффективности государственного управления [2]. Этот показатель, хотя и выше среднего для региона, тем не менее отражает наличие системных проблем, связанных с централизацией, слабой подотчетностью и недостаточной эффективностью управленческих институтов. Такие положения Концепции, документа стратегического характера, подготовленного на основе глубокого научного анализа множества официальных и исследовательских источников, вполне можно рассматривать как объективные индикаторы. При ее разработке использовались данные государственной статистики, аналитические материалы Всемирного банка, ОЭСР, ООН, а также результаты оценки деятельности центральных и местных исполнительных органов. Все это делает ее документом с высоким уровнем доказательности и аналитической глубины. По сути, Концепция отражает реальное состояние и тенденции развития системы государственного управления, фиксируя не только достижения, но и существующие проблемы, противоречия и институциональные риски. И в ней наглядно показано, что такие системные трудности, как чрезмерная централизация, бюрократизация, дублирование функций, имеют не случайный, а структурный характер, влияющий на состояние законности, эффективность и культуру государственной службы в целом.

К числу макроусловий относится и недостаточная открытость государственной службы: например, в 2023 году (по данным действовашего на тот момент Агентства по противодействию коррупции) около 40% государственных процедур все еще предполагали офлайн-взаимодействие, а это всегда увеличивает вероятность субъективных и корыстных мотивов при исполнении служебных обязанностей. Это отмечено в Национальном докладе о противодействии коррупции, подготовленном Агентством: «с необходимостью решения вопросов в госорганах неформальным путем сталкивались 5% опрошенных бизнесменов. В 40% случаев они сами были инициаторами коррупционной ситуации. Поводами для этого называют – безвыходность ситуации (32%), желание выразить благодарность (25,3%), желание ускорить решение вопроса (20,9%) и получить госуслугу (14,5%)» [135]. Сюда же относятся и пробелы законодательства, в частности, отсутствие детализированной регламентации отдельных полномочий, что позволяет их трактовать расширительно. Переход к полной цифровизации, обеспечивающей автоматизацию согласований, публикацию данных о госзакупках, распределении грантов и кадровых назначениях, является одним из ключевых направлений снижения макросоциальных предпосылок должностных злоупотреблений.

На макроуровне причины злоупотребления и превышения должностных полномочий в Казахстане следует рассматривать через призму системных особенностей государственного управления, политико-правовой культуры и институциональной структуры власти. Одним из наиболее значимых факторов выступает исторически сложившаяся централизация управленческих функций, доставшаяся в наследие от советской административной модели. Эта модель характеризуется высокой степенью вертикальной подчиненности и персонализированным характером принятия решений. В результате даже при формальном наличии процедур контроля реальное влияние на процессы распределено неравномерно – значительная власть концентрируется в руках ограниченного круга должностных лиц, что неизбежно создает предпосылки для коррупциогенных проявлений и злоупотреблений властью.

К числу макропричин относится и ограниченность институциональных механизмов противовесов, призванных обеспечивать баланс между управленческой инициативой и ответственностью. Существующая система внутреннего контроля часто носит декларативный характер, а межведомственное взаимодействие в вопросах этики и дисциплинарной ответственности остается фрагментарным. Примером служит недавняя реорганизация Агентства по противодействию коррупции (АПК), функции которого были перераспределены между Агентством по делам государственной службы (АГС) и Комитетом национальной безопасности (КНБ) [136]. С одной стороны, это решение направлено на укрепление системности контроля, интеграцию кадровой и антикоррупционной политики, а также повышение оперативности расследований. С другой – оно показывает, что государство стремится перейти от формального реагирования на коррупционные факты к более комплексной модели предупреждения и профилактики, где ответственность за прозрачность государственного управления распределена между ключевыми институтами власти. Упразднение Агентства по противодействию коррупции и перераспределение его функций между Агентством по государственной службе и Комитетом национальной безопасности создают возможность для обновления антикоррупционной архитектуры, однако эффективность этого шага будет зависеть от того, насколько новые структуры смогут обеспечить межведомственную координацию и независимость контроля. Без устранения ведомственной замкнутости и повышения подотчетности на местах подобные реформы рискуют остаться формальными.

Таким образом, на макроуровне злоупотребления должностными полномочиями детерминируются не только отдельными ошибками в регулировании, но и самой архитектурой управления, где сохраняется зависимость прозрачности и эффективности от личных качеств руководителей. Укрепление антикоррупционной среды требует дальнейшей децентрализации, развития межведомственного взаимодействия и внедрения единых цифровых стандартов контроля, которые позволят минимизировать пространство для

произвольных решений и сделать государственное управление по-настоящему подотчетным обществу.

2. Мезоуровень (отраслевые и институциональные факторы). На мезоуровне, то есть на уровне отдельных отраслей и институтов, злоупотребления должностными полномочиями, превышения власти и должностных полномочий проявляются особенно отчетливо там, где сосредоточены значительные ресурсы и административное влияние. Это прежде всего сферы государственных закупок, строительства, земельных отношений, лицензирования, распределения грантов и субсидий. Каждая из этих отраслей связана с управлением потоками материальных и финансовых средств, что объективно создает «зону повышенного риска» для злоупотреблений. Здесь часто действует так называемый эффект «узкого горлышка»: когда ключевые решения проходят через ограниченный круг должностных лиц, наделенных полномочиями утверждать или отклонять проекты, распределять бюджеты и выдавать разрешения.

Должностное лицо осуществляет функции управления, и именно поэтому любое его действие, совершенное вопреки интересам службы, способно повлечь значительные негативные последствия. Одним из ключевых признаков должностного лица является самостоятельность в принятии правомочных решений, ведь оно действует от собственного имени в пределах предоставленной компетенции. При этом передача отдельных полномочий другому лицу не означает утраты или делегирования самого статуса должностного лица. Кроме того, такое лицо может непосредственно воздействовать на правовые отношения: его решения создают, изменяют или прекращают юридические связи между участниками правоотношений. Таким образом, каждое решение должностного лица выступает самостоятельным юридическим фактом, порождающим правовые последствия [137, с. 64]. Отсутствие достаточной прозрачности и внешнего контроля делает подобные ситуации сферу реализации должностных полномочий особенно уязвимой для коррупционных проявлений.

Важным мезоуровневым фактором является и устойчивость неформальных связей внутри ведомств и отраслевых структур. Несмотря на законодательные нормы, регулирующие вопросы этики и конфликта интересов, на практике нередко сохраняются вертикальные зависимости, личные обязательства или корпоративная солидарность, которые препятствуют объективной оценке действий коллег. Формальный характер конкурсных процедур при назначении на должности усугубляет проблему: нередко отбор проводится без реальной конкуренции, а предпочтение отдается кандидатам, уже находящимся в неформальной системе взаимных обязательств. Это не только снижает эффективность кадровой политики, но и препятствует обновлению управленческих практик.

Дополнительным фактором выступает недостаточная цифровизация отдельных отраслей государственного управления. И это, несмотря на то, что сегодня по многим параметрам Казахстан демонстрирует высокий уровень

цифровизации государственного управления, опережая ряд развивающихся и даже развитых стран. Электронное правительство страны признано одним из наиболее функциональных и технологичных – по данным ООН за 2024 год Казахстан занимает 24-е место среди 193 государств мира. Однако сохраняется ряд проблем, ограничивающих эффективность цифровой трансформации. Среди них – недостаточное использование возможностей электронных сервисов для продвижения и популяризации цифрового правительства, уязвимость цифровых систем к различного рода сбоям, а также сохраняющееся недоверие граждан к цифровым процессам и опасения относительно их возможных последствий. Кроме того, остаются нерешенными вопросы организации государственных услуг и прозрачности цифровых проектов, что нередко порождает слухи и спекуляции о скрытых целях цифровизации [138, с. 126]. Все это однозначно указывает на необходимость дальнейшего совершенствования коммуникационной политики и повышения открытости цифровых инициатив государства.

Таким образом, мезоуровень представляет собой переходную зону между системными и индивидуальными причинами должностных правонарушений. Именно на этом уровне формируются устойчивые управленческие практики, которые могут либо способствовать профилактике коррупции, либо, напротив, воспроизводить ее. Эффективная борьба с такими проявлениями требует не столько ужесточения уголовной ответственности, сколько пересмотра самой организационной логики распределения полномочий, укрепления внутреннего аудита, прозрачности конкурсных процедур и полноценного внедрения цифровых инструментов контроля.

3. Микроуровень (индивидуальные и групповые факторы). На уровне личности правонарушителя решающую роль играют индивидуально-психологические особенности: карьерные амбиции, стремление к материальному обогащению, склонность к авторитарному стилю управления и убежденность в безнаказанности. Важное значение имеют групповые условия: корпоративная культура «взаимных услуг» и круговой поруки, давление со стороны руководства или коллег, склонных к незаконным практикам. Психологический климат в коллективе, где правонарушения считаются «рабочей нормой», резко снижает барьеры для индивидуального преступного поведения. Б.С. Абдрасилов подчеркивает, что коррупционное поведение формируется как результат изменения мотивационной структуры личности: первоначальные отклонения от нормы постепенно перерастают в устойчивый коррупционный стиль жизни, где стремление к личной выгоде становится главной внутренней потребностью. Такое поведение сопровождается снижением нравственных ориентиров, разрушением социальных связей и адаптацией к «подходящей» среде, что усиливает автономию личности коррупционера и снижает эффективность социального контроля. Для противодействия этому явлению необходимо воздействовать не только на внешние условия, но и на внутренние психологические установки, формирующие готовность к коррупционным действиям [139, с. 86-87].

Анализ судебных решений за последние пять лет (по данным судебного кабинета РК) показывает, что в большинстве дел обстоятельства преступлений связаны с:

– неправомерным распределением бюджетных средств (около 32% дел);

– незаконным предоставлением имущественных льгот или преимуществ (25% дел);

– превышением полномочий в сфере правоохранительной деятельности (21% дел);

– незаконными действиями в кадровой сфере (14% дел) [94].

Это подтверждает, что главными зонами риска остаются финансы, имущественные отношения и силовые полномочия.

В странах с высоким уровнем прозрачности (Норвегия, Швеция, Дания, Сингапур, Южная Корея) сходные составы преступлений встречаются крайне редко, что объясняется минимизацией условий для их совершения: полная цифровизация госуслуг, обязательная публикация любых управленческих решений и строгая защита информаторов. В странах с развивающимися системами управления наоборот – отсутствие системных механизмов профилактики приводит к массовости таких деяний, а уголовно-правовая охрана носит реактивный, а не превентивный характер. Показателен пример Сингапура, где государственные служащие подлежат строгому контролю, обязаны ежегодно декларировать имущество, а Бюро по расследованию случаев коррупции обладает полномочиями проверять банковские счета и арестовывать подозреваемых. Такой комплекс мер позволил Сингапуру войти в число наименее коррумпированных стран мира, доказав, что системный подход способен минимизировать само существование условий для злоупотреблений [140].

Причины и условия злоупотреблений и превышений должностных полномочий в Казахстане носят комплексный характер и взаимосвязаны между собой. Их устранение требует многоуровневого подхода, включающего реформу кадровой политики, развитие механизмов внутреннего и внешнего контроля, полную цифровизацию управленческих процедур, формирование нетерпимости общества к злоупотреблениям и реальную защиту лиц, сообщающих о нарушениях.

Современная цифровая эпоха внесла принципиально новые черты в природу должностных правонарушений. Сегодня злоупотребления все чаще происходят не в традиционной, а в виртуальной плоскости, где у должностных лиц имеется возможность манипулировать электронными базами данных, изменять параметры государственных реестров, подделывать цифровые подписи или получать доступ к конфиденциальной информации. Все это создает особую категорию так называемых «цифровых злоупотреблений». Эти деяния зачастую совершаются без физического контакта, но их последствия могут быть масштабнее, чем у классических форм служебных преступлений. В условиях цифровой трансформации государственного управления возникают все новые формы злоупотреблений должностными полномочиями, от

несанкционированного доступа к конфиденциальным данным и манипуляций в электронных закупках до искажения результатов электронного голосования и вмешательства в алгоритмы искусственного интеллекта. Эти правонарушения осложняют правоприменительную практику, поскольку затрудняют установление субъекта преступления, причинно-следственных связей и степени ущерба в цифровой среде [141, с. 194].

Появление онлайн-госуслуг и автоматизация управленческих процессов также породили новые риски. Электронные системы, призванные упростить и обезличить принятие решений, в некоторых случаях становятся инструментом для манипуляций. Ошибки в алгоритмах, преднамеренные искажения данных или вмешательство в процессы распределения субсидий, госзакупок создают новые механизмы злоупотребления властью, скрытые, трудно выявляемые и зачастую не оставляющие традиционных доказательств.

То, что цифровые технологии, будучи мощным инструментом контроля и прозрачности, могут использоваться и в противоположных целях – для сокрытия нарушений или неправомерных действий, представляет большую опасность для современного государственного управления. Внешне система кажется управляемой, прозрачной и автоматизированной, но на деле служит укреплению служебной безответственности и избирательному применению норм. Так, в качестве примера цифрового злоупотребления должностными полномочиями можно привести дело в отношении С., начальника одного из подразделений государственных органов, который использовал служебный доступ к информационным системам для внесения заведомо ложных сведений в электронные документы. Он незаконно подтверждал выполнение работ и подписывал электронные акты, что создавало фиктивное основание для перечисления бюджетных средств. Все операции осуществлялись через цифровую систему документооборота и финансового учета, что позволило замаскировать правонарушение под формально корректные действия. В результате государству причинен значительный материальный ущерб. Приговором Хромтауского районного суда Актюбинской области от 8 декабря 2023 года действия С. были квалифицированы по ч. 4 ст. 361 и ст. 369 УК РК как злоупотребление служебными полномочиями, совершенное с использованием электронных средств управления и служебный подлог. Это дело об утверждении фиктивных документов и внесении недостоверных сведений в счета к оплате, заверенные электронно-цифровой подписью, наглядно демонстрирует, как должностное преступление в цифровой среде приобретает форму манипулирования данными, а не традиционного физического вмешательства [142].

Другой пример – заместитель руководителя управления культуры Восточно-Казахстанской области Т., имея доступ к государственной системе электронного документооборота и кадрового учета, организовала фиктивное трудоустройство своих родственников (супруга, снохи и племянника) в подведомственное учреждение «Восточно-Казахстанский лингвистический центр». Используя служебный доступ, она инициировала оформление ложных

приказов, фиктивных заявлений и табелей рабочего времени, обеспечив тем самым автоматическое начисление заработной платы через систему безналичных расчетов. Полученные суммы переводились через электронные банковские сервисы (в частности, АО «Kaspi Bank») на личный счет подсудимой. Общий ущерб составил более 1,2 млн тенге. В аспекте нашего исследования это правонарушение примечательно тем, что преступный умысел был реализован не через прямое распоряжение наличными средствами, а через электронные механизмы управления данными и безналичных транзакций. Злоупотребление доступом к информационным системам позволило создать видимость законности всех операций, включая фиктивные приказы о приеме на работу и расчетные ведомости. Таким образом, преступление сочетает черты классического должностного уголовного правонарушения с элементами цифровой манипуляции данными, что делает его показательным примером служебного злоупотребления в условиях цифровизации государственного управления [143].

Очевидно, что профилактика злоупотреблений должностными полномочиями, превышения власти и должностных полномочий в цифровую эпоху должна стать частью более широкой стратегии формирования новой управленческой культуры, где цифровые технологии усиливают персональную ответственность, где контроль воспринимается как элемент справедливости, а не как инструмент давления. Только сочетание цифровой прозрачности, институциональной независимости контроля и личной подотчетности способно создать ту среду, в которой любое злоупотребление будет восприниматься как очевидный риск и саморазрушение служебной карьеры и репутации.

Формирование служебной культуры нулевой терпимости к злоупотреблениям требует последовательного внедрения в государственную практику таких механизмов, которые создают для должностного лица не только юридические, но и моральные, организационные и цифровые ограничения на любое отклонение от принципов добросовестности и ответственности. Центральное место в этой системе занимает цифровая фиксация управленческих решений. Каждое распоряжение, утверждение документа, визирование акта или подписание платежного поручения должны оставлять электронный след, который невозможно удалить или подменить без специального доступа. Такая система не только облегчает последующий аудит, но и сама по себе формирует у чиновника устойчивое осознание неизбежности контроля. Принцип прозрачности процедур должен стать не техническим требованием, а элементом профессиональной этики. Любое решение, связанное с распределением финансовых ресурсов, кадровыми вопросами, государственными закупками или предоставлением услуг, должно быть открытым для внутренней и общественной проверки.

Блокчейн рассматривается сегодня как одна из ключевых технологий обеспечения доверия и контроля в цифровой среде, поскольку она позволяет фиксировать управленческие и финансовые операции в неизменяемом виде. Международные стандарты, в частности рекомендации ОЭСР по развитию

регулирования технологий блокчейн, устанавливают базовые принципы ответственного применения этой технологии. Они акцентируют внимание на необходимости соблюдения законодательства при создании децентрализованных решений, обеспечении прозрачности и подотчетности управления, взаимной совместимости систем, защите персональных данных и цифровой безопасности. Особое значение придается ограничению объема хранимой информации и проведению внешнего аудита [144, с. 12-13]. Все это делает использование блокчейна инструментом не только инновации, но и укрепления антикоррупционных и комплаенс-механизмов в государственном управлении.

Не менее важным направлением является развитие института персональной ответственности руководителей. Сегодня слишком часто ответственность размывается между подразделениями, исполнителями и системами, что создает благоприятные условия для перекладывания вины и ухода от последствий. Для преодоления этой проблемы необходимо закрепить в административных регламентах четкую связь между принятием управленческого решения и ответственным за него лицом. При этом цифровые платформы должны автоматически фиксировать, кем, когда и по чьему поручению были инициированы конкретные действия. Это позволит не только оперативно выявлять нарушения, но и повысить мотивацию к законопослушному поведению.

В целом, серьезную роль в профилактике злоупотреблений играет развитие независимого внутреннего комплаенса. В отличие от традиционных подразделений внутреннего контроля, комплаенс-службы должны быть институционально обособлены и подчиняться не руководству конкретного органа, а межведомственному совету по этике и прозрачности при Правительстве. Их задача – не искать виновных постфактум, а предупреждать риски путем оценки управленческих решений до их реализации. Такой подход позволяет перейти от формального контроля к риск-ориентированному мониторингу, когда внимание сосредоточено на тех процессах, где наибольшая вероятность конфликта интересов или злоупотребления полномочиями.

Важным направлением должно стать развитие гражданского контроля и общественного мониторинга. Государственные платформы, агрегирующие данные о государственных закупках, распределении грантов, кадровых назначениях и результатах проверок, должны быть доступны в формате открытых данных, позволяющем аналитикам, журналистам и гражданским активистам самостоятельно выявлять аномалии и риски. Такой подход формирует двусторонний контроль – сверху и снизу, что создает атмосферу постоянного общественного внимания и нетерпимости к нарушениям.

Наконец, устойчивые результаты невозможны без глубинного изменения ценностной основы государственной службы. В системе подготовки и повышения квалификации государственных служащих необходимо особое внимание уделять формированию этической компетентности, цифровой

ответственности и навыков работы в условиях публичной отчетности. Должностное лицо должно воспринимать цифровой контроль и прозрачность не как угрозу, а как элемент своей профессиональной репутации. Для этого в кадровой политике требуется закрепить мотивационные механизмы, поощряющие тех, кто демонстрирует добросовестность, открытость и приверженность нормам служебной этики.

3.2 Характеристика личности государственного служащего, совершающего злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти и должностных полномочий

Переходя от анализа причин злоупотреблений и превышений должностных полномочий на макро-, мезо- и микроуровнях, целесообразно обратиться к рассмотрению личности самого правонарушителя. Ведь именно личность выступает тем «узловым звеном», в котором сходятся социальные, организационные и психологические факторы, превращая потенциальную возможность злоупотребления во вполне реальное действие. Без осмысления индивидуальных особенностей субъекта невозможно понять механизм возникновения преступного поведения, а следовательно, невозможно выработать эффективные меры профилактики.

В криминологии личность правонарушителя рассматривается не абстрактно, а как результат длительного социального формирования человека в определенной системе общественных отношений [145, с. 52].

Исследователи отмечают, что преступное поведение нельзя объяснить исключительно внешними обстоятельствами, ведь он также выражает его определенные желания, стремления, мотивы и цель поведения. Факт совершения преступления характеризует данную личность как антиобщественную, но он не объясняет и не исчерпывет всего ее содержания [146, с. 144-145].

Как отмечается в научной литературе, личность преступника изучается одновременно в двух аспектах: с одной стороны – как объект социальных связей и влияний, а с другой – как субъект, способный к активной, целенаправленной, осознанной деятельности. Предметом криминологического изучения личности являются ее индивидуально-психологические характеристики, социальные позиции и роли, деятельность и мотивация поведения. В структуре личности выделяются объективные и субъективные стороны: первая отражает социальную сферу, вторая – ценностно-нормативную характеристику сознания [147, с. 180].

В сфере злоупотреблений должностными полномочиями вторая сторона особенно заметна, на наш взгляд, поскольку правонарушение вырастает не столько из материальной выгоды, сколько из внутренней деформации служебного сознания, самовосприятия своей роли и власти.

Следовательно, анализ личности преступника позволяет перейти от внешней стороны злоупотреблений – общественных институтов, правовых норм, административных процедур – к внутренним, психологическим

детерминантам должностного поведения, что открывает возможность для более точной профилактики и коррекции подобных деяний.

Личность выступает основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения. Личность преступника – центральная потому, что ее криминологические особенности первичны, являются причиной преступных действий, а поэтому должны быть объектом профилактических усилий [148, с. 108].

Особенности личности должностного лица, предрасполагающие к совершению злоупотреблений и превышений власти, требуют пристального внимания со стороны криминологической науки, поскольку именно они формируют внутренний механизм преступного поведения и должны становиться центральным объектом профилактического воздействия. Исследование таких личностных черт позволяет выявить устойчивые психологические и социальные установки, которые лежат в основе противоправных решений и действий.

Понятием «личность преступника» в криминологии принято обозначать совокупность наиболее характерных свойств и особенностей человека, совершившего преступление, которые определяют его как социальное существо и вместе с тем в наибольшей мере выражают его индивидуальность [149, с. 320].

Для понимания причин злоупотребления полномочиями важно учитывать не только личностные характеристики субъекта, но и тот социальный контекст, в котором они формируются: организационную культуру, условия труда, уровень контроля и подотчетности. Должностное преступление чаще всего возникает там, где внутренние установки личности совпадают с внешними условиями, создающими возможность для противоправных действий. Однако именно личность играет определяющую роль – она, по нашему убеждению, является активным элементом механизма преступного поведения, а не пассивным объектом обстоятельств.

Таким образом, преступления, предусмотренные статьями 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан, следует рассматривать как результат взаимодействия индивидуальных особенностей должностного лица с социальными и организационными условиями, но при этом исходной точкой остается личностный фактор, где имеют значение уровень моральной зрелости, ответственность, склонность к злоупотреблению властью и отношение к служебному долгу. Поэтому профилактика подобных правонарушений должна быть ориентирована, прежде всего, на изучение и коррекцию личностных установок должностных лиц, а также на формирование профессиональной этики, исключающей терпимость к проявлениям власти вне правовых границ.

Как справедливо отмечают Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов, «преступление есть следствие, реализация криминогенных особенностей личности, которая взаимодействует с ситуативными факторами» [150, с. 10].

Хотелось бы отметить примечательный факт, выявленный нами при анализе более 50 приговоров по делам о злоупотреблении и превышении должностных полномочий, вынесенных за последние пять лет и размещенных

в Банке судебных актов Верховного Суда РК (доступ через сервис «Судебный кабинет») – при привлечении к уголовной ответственности в большинстве случаев речь идет об одноэпизодных деяниях. Многоэпизодные формы должностной преступности встречаются существенно реже и, как правило, связаны либо с повторяющимся получением выгод по одной и той же схеме, либо с серией взаимосвязанных действий в рамках одного коррупционного механизма [94].

Так, в приговоре по делу Т. (г. Костанай, дело №3911-20-00-1/170 от 28 мая 2020 г.) зафиксировано несколько эпизодов преступной деятельности, однако их объединяет единая схема злоупотребления должностными полномочиями, связанная с незаконным отчуждением государственного имущества, воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности, незаконным приостанавлением работ и отказом в подписании актов выполненных работ. Таким образом, можно утверждать, что это многоэпизодное преступное поведение объединено единой коррупционной схемой, основанной на систематическом злоупотреблении служебными полномочиями и сознательном искажении административных процедур [151].

Такое преобладание одноэпизодных составов во многом объясняется высокой латентностью должностной преступности и сложностями доказывания длительной преступной деятельности. Каждое отдельное действие должностного лица маскируется под исполнение служебных обязанностей, а повторяемость нарушений нередко воспринимается участниками служебных отношений как «обычная практика» и не становится предметом жалоб. Для следствия и суда существенно труднее реконструировать цепочку взаимосвязанных эпизодов, собрать доказательства по каждому из них, установить периодичность и устойчивость преступного поведения, особенно если часть действий не оставляет явных документальных следов или подкреплена формально корректными решениями. В результате в приговорах чаще фиксируется наиболее очевидный и доказуемый фрагмент преступной деятельности, тогда как остальные эпизоды остаются вне рамок уголовного преследования, усиливая общую латентность рассматриваемой категории правонарушений.

Групповой характер должностных преступлений представляет собой одну из наиболее устойчивых тенденций современной служебной криминогенности. Если обратиться к обобщенным данным криминологических исследований, в том числе российских, можно увидеть, что значительная часть фактов превышения и злоупотребления должностными полномочиями совершается не единолично, а в соучастии нескольких лиц, нередко объединенных служебной зависимостью, общими интересами или взаимной выгодой [152, с.4-5]. Подобная закономерность наблюдается и в казахстанской практике, где реальные показатели групповых преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК РК, вряд ли существенно отличаются от аналогичных данных соседних юрисдикций.

Объяснить это можно спецификой самой среды, в которой совершаются подобные деяния. Внутри административных структур решения редко принимаются изолированно, поскольку каждое управленческое действие опирается на согласование, подпись, одобрение, проверку. Это создает благоприятную почву для формирования «замкнутых кругов» служебного соучастия, где ответственность распределена и, следовательно, размыта. Групповая форма злоупотреблений чаще всего вырастает не из заранее продуманного сговора, а из привычной корпоративной лояльности, когда коллеги прикрывают друг друга, подстраивают документы, не задают лишних вопросов. Такая микросреда со временем нормализует нарушение закона, превращая его в часть повседневных управленческих процедур.

Немаловажно и то, что именно совместность действий позволяет минимизировать риск разоблачения. Один человек не всегда способен провести схему, требующую согласования финансовых операций, подписания актов или доступа к электронным системам. Поэтому должностные преступления, особенно связанные с распределением ресурсов или искажением информации, нередко приобретают командный характер: один инициирует, другой оформляет документы, третий обеспечивает техническую реализацию. Это не столько сообщество преступников в классическом смысле, сколько корпоративно-функциональный механизм, где каждый элемент оправдывает свое участие служебной необходимостью. Вместе с тем, это, несомненно, квалифицируется как соучастие по уголовному законодательству.

Совместность преступных действий соучастников в сфере государственной службы означает, что преступление совершается не отдельными, независимыми поступками, а взаимосвязанными и дополняющими друг друга действиями нескольких лиц, направленными на достижение единого результата. Каждый участник выполняет свою часть общего замысла, а действия одного создают условия и предпосылки для действий другого. Если поведение лица не влияет на достижение преступного результата и не связано с ним причинно, оно не может считаться соучастием [153, с. 6].

Широкое распространение групповых форм превышения власти говорит не только о согласованности действий, но и о системности самих причин: слабой прозрачности процедур, отсутствии действенного внутреннего контроля и недооценке рисков внутри организаций. Таким образом, групповое совершение должностных преступлений отражает именно структурную уязвимость государственного управления, где нарушается баланс субординации и ответственности, и правонарушение становится следствием согласованного бездействия и взаимного попустительства.

Социальный статус лиц, совершающих злоупотребление либо превышение должностных полномочий, имеет определяющее значение для понимания природы этих преступлений. В отличие от иных категорий правонарушителей, субъектами таких деяний являются не просто граждане, а должностные лица – представители государственной или квазигосударственной структуры,

наделенные полномочиями, обеспечивающими реализацию функций публичной власти.

Именно служебное положение предопределяет специфику их социального статуса, который, помимо формальных признаков (пола, возраста, уровня образования, семейного положения), включает в себя и профессиональные характеристики: занимаемую должность, объем властных полномочий, степень ответственности за подчиненных, а также условия осуществления должностных управленческих обязанностей.

Сущность должностного преступления заключается в том, что противоправное поведение непосредственно вытекает из выполняемых служебных функций. Именно поэтому субъектами преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан, выступают лица, наделенные властными, служебными или организационно-распорядительными полномочиями. К ним относятся представители государственных органов, учреждений и организаций, выполняющие публично-значимые функции, а также приравненные к ним работники квазигосударственного сектора. Особую категорию составляют должностные лица, чья деятельность связана с управлением подчиненными, распоряжением имуществом либо принятием обязательных для исполнения решений [6].

При злоупотреблении полномочиями такие лица используют предоставленные им права вопреки интересам службы, тогда как при превышении – совершают действия, выходящие за их пределы. Повышенная ответственность установлена для сотрудников правоохранительных органов и лиц, занимающих ответственные государственные должности, поскольку их противоправное поведение подрывает доверие к институтам власти и наносит значительный ущерб интересам государства и общества.

Как справедливо подчеркивал профессор А. Агыбаев, превышение власти или злоупотребление должностными полномочиями может быть совершено только в связи с исполнением должностным лицом своих обязанностей, то есть в рамках тех прав и возможностей, которыми оно наделено по службе. Если действия лица не имеют никакой связи с его компетенцией и выходят за пределы установленного круга служебных задач, отсутствует и состав преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан [154].

Таким образом, ключевое отличие должностного преступления от любых иных форм противоправного поведения заключается в органической связи между правовым статусом субъекта и способом реализации им своих функций. В случаях, когда противоправные действия совершаются полностью вне рамок служебных обязанностей и не связаны с использованием предоставленных властных полномочий, такие деяния не могут квалифицироваться как служебные. Они приобретают иной правовой характер и подлежат оценке по соответствующим статьям уголовного закона, не относящимся к должностным преступлениям.

Изучение материалов уголовных дел и судебных актов по статьям 361 и 362 УК РК показывает, что гендерная структура субъектов этих преступлений принципиально асимметрична: как и в целом по коррупционной преступности, в ней доминируют мужчины.

По результатам социологического исследования Transparency Kazakhstan, основанного на анализе около 1500 приговоров по 11 коррупционным составам за 2019-2021 гг., 83 % коррупционных преступлений совершают мужчины и лишь 17 % – женщины [155]. При этом именно злоупотребление и превышение полномочий входят в число составов, по которым чаще всего выносятся обвинительные приговоры в отношении мужчин, тогда как женщины несколько чаще фигурируют по делам о служебном подлоге, даче и получении взятки, посредничестве во взяточничестве и отдельных эпизодах превышения полномочий [156].

При изучении материалов дел по вынесенным приговорам на сайте Верховного Суда Республики Казахстан, мы отметили несколько большую часть женщин. По нашим наблюдениям, около 1/5 вынесеннных приговоров за 2019-2025 годы по ст.ст. 361, 362 УК РК касаются женщин [94]. Если перенести эти обобщенные данные на массив дел, квалифицируемых по статьям 361 и 362 УК РК, представляется обоснованным говорить о том, что доля мужчин среди лиц, злоупотребивших или превысивших должностные полномочия, колеблется в диапазоне ориентировочно 80-85 %, тогда как на женщин приходится порядка 15-20 %. Тем самым задается общий вектор: и при злоупотреблении, и при превышении властью субъекты в подавляющем большинстве – лица мужского пола.

Такое распределение не является случайным и в значительной степени отражает гендерную структуру самой системы публичной власти и квазигосударственного сектора. В Казахстане женщины заметно менее представлены на верхних этажах иерархии – в политических государственных должностях, высшем и среднем звене управления, в руководстве силовых структур, налоговой, правоохранительной и военной сферах.

Исследования, посвященные связи гендера и коррупции, подчеркивают, что гендерный дисбаланс в доступе к власти и ресурсам приводит к тому, что мужчины и женщины оказываются в принципиально разных позициях по отношению к коррупционным возможностям: чем меньше у женщин управленческих полномочий и контроля над ресурсами, тем меньше вероятность их вовлечения в должностные преступления, связанные с распоряжением бюджетными и имущественными потоками [157].

Согласно Глобального отчета о гендерном разрыве, в 2024 году женщины составляют лишь 42 % мировой рабочей силы, а на высших руководящих должностях их доля достигает всего 31,7 %, что свидетельствует о сохранении значительного гендерного дисбаланса в глобальной экономике и сфере управления. Казахстан при этом характеризуется еще большим разрывом, занимая в мире 76 место из 146, при том, что еще годом ранее располагался на 62-ом [158].

В этом смысле меньшая доля женщин среди субъектов преступлений по статьям 361 и 362 УК РК, скорее всего, обусловлена не только особенностями их личностных установок, но прежде всего структурными ограничениями – гендерным неравенством в доступе к статусным, властным и ресурсным позициям.

В то же время нельзя говорить о полном отсутствии женщин в этой категории преступников. Напротив, материалы дел и открытая статистика свидетельствуют о постепенном росте числа женщин, привлекаемых к ответственности за коррупционные правонарушения.

Для женщин характерно участие в коррупционных схемах на «среднем уровне» – в сфере образования, здравоохранения, социальной и коммунальной сферах, торговле и сервисе, где они традиционно более представлены в административно-управленческих и финансово-бухгалтерских позициях. В таких отраслях удельный вес женщин среди субъектов должностных преступлений по сути выше, чем в классически «мужских» сегментах (силовые структуры, строительство, инфраструктурные проекты), хотя в общей структуре по стране численно они все равно уступают мужчинам.

Возрастная характеристика субъектов преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий, также демонстрирует определенную специфику. По данным Transparency Kazakhstan, большинство коррупционных преступлений в целом совершается в зрелом возрасте: для мужчин диапазон составляет от 18 до 71 года, однако примерно две трети всех эпизодов приходятся на возраст 26-49 лет, а «пик» криминальной активности – 30-49 лет; около 30 % коррупционных преступлений совершают мужчины-руководители. Аналогичная картина вырисовывается и по женщинам: они вовлекаются в коррупционную деятельность в более узком возрастном интервале (примерно 22-62 года), при этом на возрастную группу 28-43 года приходится наибольшее число выявленных преступлений [155].

С учетом того, что злоупотребление и превышение полномочий – это преимущественно «должностные» составы, требующие наличия стажа и определенного уровня должности, можно утверждать, что средний возраст субъектов по статьям 361 и 362 УК РК выше, чем у многих иных категорий преступников: чаще всего это не молодые специалисты, а уже сложившиеся управленцы, накопившие профессиональный и организационный опыт.

Сравнение возрастных групп внутри этой совокупности показывает, что доля лиц моложе 30 лет среди субъектов должностных преступлений остается относительно небольшой: как мужчины, так и женщины в этой возрастной группе только начинают карьерный путь и существенно реже наделяются полномочиями, позволяющими совершить злоупотребление или превышение власти. Основная масса преступников сосредоточена в интервале 30-49 лет, когда должностное лицо уже занимает устойчивое положение в системе управления, обладает достаточным объемом властных и организационно-распорядительных функций и одновременно испытывает сильное давление карьерных и материальных ожиданий. После 40 лет удельный вес субъектов по

статьям 361 и 362 постепенно снижается, но не исчезает: среди лиц 40-50 лет сохраняется значимая доля как мужчин, так и женщин, участвующих в наиболее сложных коррупционных схемах, связанных с крупными контрактами, распределением земельных участков, бюджетных средств, лицензий и разрешений. В группе старше 50 лет доля правонарушителей еще меньше, однако именно здесь нередко оказываются фигуранты особо резонансных дел – высокопоставленные чиновники и руководители крупных государственных и квазигосударственных структур [7].

Так, показательным примером может служить дело бывшего министра здравоохранения Е. Биртанова, приговоренного к пяти годам ограничения свободы за злоупотребление должностными полномочиями [159].

К этой же группе можно отнести бывшего вице-министра культуры и спорта Е. Кожагапанова и директора подрядной организации Л. Коккозову, осужденных за злоупотребление полномочиями и хищение свыше одного миллиарда тенге при организации крупного форума в Северо-Казахстанской области [160]. Подобные эпизоды подтверждают, что среди старших управленческих кадров должностные преступления, как правило, отличаются значительным размахом, соответственно, крупным ущербом, высокой степенью общественной опасности и широким общественным резонансом.

Таким образом, и гендерная, и возрастная структура субъектов преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК РК, демонстрирует ряд устойчивых закономерностей. Во-первых, речь идет о преимущественно мужской преступности. Во-вторых, как мужчины, так и женщины, привлекаемые к ответственности за злоупотребление и превышение полномочий, относятся в основном к зрелым возрастным группам, что напрямую связано с возрастными и квалификационными цензами занятия соответствующих должностей и необходимостью накопления профессионального опыта и неформальных связей. В-третьих, меньшая доля женщин объясняется, прежде всего, структурными факторами – их недопредставленностью в высших иерархических эшелонах государственной и муниципальной службы, а также в силовых ведомствах, где совершается значительная часть преступлений, квалифицируемых именно как злоупотребление или превышение полномочий. Наряду с этим в «женских» отраслях – образовании, медицине, социальной сфере, торговле – женщины чаще становятся субъектами менее масштабных, но довольно типичных должностных дел, что требует учета при разработке адресных профилактических и кадровых мер.

В совокупности это позволяет говорить о том, что гендерная и возрастная специфика субъектов отражает более сложную конфигурацию институциональных возможностей, карьерных траекторий и социальных ожиданий, в которой доступ к властным полномочиям, контроль над ресурсами и вовлеченность в коррупционные практики тесно взаимосвязаны. Для научного анализа и выработки криминологически выверенных рекомендаций важно не только фиксировать количественные пропорции, но и связывать их с

гендерной структурой государственной службы, особенностями профессиональной социализации и культурными стереотипами, определяющими модели поведения мужчин и женщин в системе государственного управления.

Результаты анализа следственно-судебной практики показывают, что лица, осужденные за преступления, предусмотренные статьями 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан, как правило, обладают высоким уровнем образования. Среди них преобладают лица с высшим или неполным высшим образованием – более 90 %, со средним специальным – менее 10 %, и лишь единицы имеют среднее образование [7]. Такая закономерность объясняется спецификой должностных преступлений: для их совершения требуется не просто формальный доступ к служебным функциям, но и наличие профессиональных знаний, управленческих навыков, опыта принятия решений и взаимодействия с нормативно-правовой базой.

Следует отметить, что высокий уровень образования не препятствует совершению должностных преступлений, как это часто наблюдается при анализе иных категорий преступности. Напротив, в данной сфере образование нередко становится условием, обеспечивающим возможность злоупотребления полномочиями: именно образованные специалисты занимают руководящие должности, управляют коллективами, распоряжаются материальными ресурсами и обладают необходимыми знаниями для обхода или искажения служебных процедур. Поэтому высокий образовательный уровень здесь выступает не антикриминогенным, а, напротив, двойственным фактором.

Проведенные в ходе исследования опросы государственных служащих подтвердили эту тенденцию: все опрошенные – 100 % респондентов – имели высшее образование (Приложение Б). Это объясняется действующими требованиями законодательства о государственной службе. Должности, связанные с реализацией властных, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, предполагают обязательное наличие высшего образования и определенного профессионального стажа. В этой связи выявленные статистические показатели не вызывают удивления и закономерно отражают образовательный профиль современных государственных служащих.

Таким образом, более высокий, по сравнению с иными видами преступлений, образовательный уровень лиц, совершающих злоупотребление или превышение должностных полномочий, является прямым следствием их социально-профессионального статуса.

Многими исследователями обосновывается принципиальная возможность антикриминогенного влияния семьи на личность. Так, по мнению Е.М. Тимошиной, «семья как антикриминогенный фактор в предупреждении отклоняющегося поведения рассматривается как семья с преобладающей нравственной позицией ее членов, в полной мере выполняющая свои функции и препятствующая криминогенному заражению членов семьи» [161, с. 9]. Тем не менее, результаты нашего анализа материалов уголовных дел, возбужденных

по статьям 361 и 362 УК РК, позволяют поставить под сомнение абсолютность такого утверждения. Несмотря на то, что большинство субъектов этих преступлений – лица, состоявшие в официальном браке, это не предотвратило совершения ими коррупционных преступлений. К сожалению, на сегодняшний день общественно-доступные статистические источники (в открытых отчетах) не дают исчерпывающих данных о семейном положении осужденных по должностным преступлениям. В официальных сводках по коррупции, например, в отчете Комитета правовой статистики Генпрокуратуры Республики Казахстан, публикуемом через отчеты типа «Отчет № 3-К «О коррупционных преступлениях, лицах их совершивших…”», – семейное положение (состояние в браке, его продолжительность, наличие детей и др.) как правило не указывается [162].

Вместе с тем, сам тот факт, что даже при наличии устойчивых семейных отношений и наличии законного брака должностные лица нарушают закон, говорит о том, что семейная стабильность, нравственная установка семьи, ее воспитательная функция недостаточны для предотвращения преступлений, совершаемых в сфере государственного управления.

Мы полагаем, что устойчивое соблюдение семейных и моральных норм – это лишь один из многих факторов, которые могли бы снизить риск девиантного поведения. Однако в случае должностных преступлений на первый план выходят структура власти, доступ к материальным ресурсам, функционал должности, степень контроля, система ответственности и стимулы. Семейные связи, воспитание, мораль сами по себе оказываются не способны полностью нейтрализовать криминогенные механизмы, связанные с коррупцией: если человек получает широкие полномочия, имеет доступ к материальным и организационным ресурсам, но при этом мотивирован к личной выгоде или обладает коррумпированной средой, то семейные обязательства не обязательно окажутся сильнее. Даже наоборот – одной из причин преступного поведения государственного служащего является стремление максимально обеспечить свою семью. Скромные оклады госслужащих создают стимулы для коррупции, воспринимаемой как способ компенсации экономических трудностей; при этом низкая оплата труда способствует оттоку компетентных кадров в частный сектор и приходу лиц, предрасположенных к противоправным действиям, которые стремятся макисмально заработать за счет коррупционных действий [163, с. 50]. Исследования показывают, что взаимосвязь между бедностью и противоправным поведением не является прямой: бедность чаще влияет не на сам факт нарушения закона, а на вероятность быть привлеченным к ответственности. Социально уязвимые группы оказываются под более пристальным вниманием правоохранительных органов и имеют меньше возможностей защитить свои права. В результате формируется устойчивая зависимость между экономической нестабильностью и риском вовлечения в коррупционные или иные противоправные практики, что особенно актуально для системы государственной службы Казахстана [164, с. 5-6].

Следовательно, тезис о семье как универсальном щите от криминогенеза должен уточняться: он может быть справедлив для некоторых видов преступлений (в особенности бытовых, эмоциональных, асоциальных), но далеко не обязательно – для должностных преступлений. При этом коррупционный потенциал должности, институциональные слабости системы, дефицит надзора и мотивация личной выгоды часто нивелируют влияние даже позитивного семейного окружения.

В специальной литературе наличие судимости традиционно рассматривается криминологами как один из ключевых признаков, характеризующих личность преступника, отражающий степень его общественной опасности и склонность к повторным правонарушениям [165, с. 128].

Однако применительно к субъектам преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 Уголовного кодекса Республики Казахстан, этот показатель имеет иное значение. Анализ уголовных дел показывает, что подавляющее большинство должностных преступников ранее не имели судимости. Это объясняется особенностями самого института государственной службы, где установлены строгие требования к кандидатам и предусмотрены законодательные барьеры для лиц с криминальным прошлым. При поступлении на работу в органы государственной власти проводится специальная проверка, запрашиваются характеристики, сведения о репутации и возможных дисциплинарных взысканиях, что делает практически невозможным трудоустройство ранее судимых лиц. Иначе говоря, должностное положение лица в принципе само по себе предопределяет отсутствие такого признака [166, с.53].

В соответствии со статьей 16 Закона Республики Казахстан «О государственной службе» на государственную службу не могут быть приняты граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость, а также лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, либо освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Закон также вводит временные ограничения для лиц, осужденных за преступления небольшой или средней тяжести: от трех до восьми лет с момента вынесения приговора. Отдельное внимание уделено коррупционным преступлениям – такие лица не могут быть допущены к исполнению государственных функций бессрочно [97]. Эти положения подкреплены статьей 681 КоАП РК, устанавливающей ответственность руководителей за прием на работу граждан, ранее совершавших коррупционные преступления [167].

Эмпирические исследования это полностью подтверждают – доля ранее судимых среди лиц, осужденных за злоупотребление или превышение должностных полномочий, крайне незначительна. В большинстве случаев речь идет о лицах, впервые вступивших в конфликт с законом уже после длительного периода безупречной службы. Такие правонарушители характеризуются стабильным социальным положением, положительными отзывами с места работы и высоким уровнем образования. Их профессиональная биография

обычно не содержит признаков девиантного поведения: они не злоупотребляют алкоголем, не имеют наркозависимости и не склонны к нарушению общественного порядка. Более того, по месту работы почти все характеризуются положительно, что зачастую объясняется формализмом при составлении служебных характеристик и стремлением организаций минимизировать репутационные риски [168, с. 281].

Наличие этих данных позволяет утверждать, что личность должностного преступника отличается от типичного преступника общей уголовной направленности. Для государственных служащих и управленцев преступление, как правило, становится результатом злоупотребления служебными полномочиями, а не следствием устойчивой криминальной установки. Парадокс заключается в том, что высокий социальный статус, положительная репутация и безупречное прошлое, создающие видимость доверия, в ряде случаев сами становятся условиями, благоприятствующими совершению должностных преступлений.

В целом, личность преступника можно определить как систему взаимосвязанных и взаимодействующих биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих личности индивида, которая, отражаясь сквозь призму объективных и субъективных факторов, реализуется в конкретной жизненной ситуации в форме преступного поведения [169, с.321].

Психологические особенности лиц, совершающих должностные преступления, формируются под влиянием их профессиональной среды, статуса и особенностей управленческой деятельности. Большинство из них не проявляют явной криминальной направленности или агрессивности, характерной для преступников иной категории. Их поведение чаще рационализировано, внешне корректно и подчинено логике служебных целей. Однако в основе таких действий нередко лежат искаженные установки, при которых личные интересы начинают восприниматься как тождественные интересам службы, а использование служебных ресурсов – как допустимая форма самоутверждения, признания своей значимости.

Для должностных преступников характерны выраженные черты рационального и инструментального мышления: они склонны просчитывать последствия, минимизировать риски, скрывать противоправные действия под видом законных процедур. При этом наблюдается высокая адаптивность к бюрократической системе и умение использовать ее формальные механизмы в личных целях. На уровне мотивации превалируют карьерные амбиции, стремление к личному признанию, материальной стабильности и символическому статусу. Эти цели сами по себе не преступны, но при отсутствии внутреннего морального ограничения и под воздействием среды, допускающей коррупционные компромиссы, становятся источником девиации. По мнению О.А. Плеховой, при исследовании должностных преступлений выявление мотивов противоправного поведения имеет особое значение. Несмотря на то, что в статье, предусматривающей злоупотребление

должностными полномочиями, цель прямо включена в состав преступления как обязательный признак, а при превышении полномочий она формально не указана, ее установление остается необходимым элементом анализа. Исследователь подчеркивает, что только через понимание побуждений, вызвавших желание должностного лица совершить антиобщественное деяние, можно раскрыть истинное содержание его внутреннего отношения к совершаемым действиям и их последствиям. Мотив и цель, по ее мнению, являются ключом к разграничению ошибок в служебной деятельности и осознанного злоупотребления властью, поскольку именно они отражают степень нравственной деформации личности и направленность ее профессионального поведения [170, с. 21].

Значимым психологическим элементом является постепенная утрата критического отношения к собственным поступкам. У многих из этих лиц формируется так называемое «служебное оправдание», когда неправомерные решения объясняются необходимостью «оперативности», «гибкости», «интересами дела» или «требованиями руководства». Подобная установка снижает чувство личной ответственности и способствует развитию профессионального цинизма, при котором нарушение закона воспринимается как неизбежный элемент управленческого процесса. Непосредственные мотивы, которыми руководствуется виновный, носят, чаще всего, корыстный характер и не имеют значения для квалификации данного преступления [171, с. 51].

Немаловажную роль играет и эффект самооправдания, усиливающийся с ростом служебного опыта. Должностное лицо, обладающее авторитетом и признанием, постепенно начинает считать себя выше формальных ограничений, полагая, что его компетентность и заслуги дают моральное право на отклонение от правил. Это формирует психологическую основу для злоупотреблений, маскируемых под служебную инициативу или «нестандартное решение».

Наряду с этим у значительной части должностных правонарушителей отмечается высокая степень конформизма и зависимость от мнения вышестоящего руководства. Страх потерять доверие или должность, желание сохранить положение и благоприятные отношения в коллективе нередко становятся мотивом нарушения закона по указанию сверху или в интересах начальства. Такие лица действуют не из корыстного побуждения, а из чувства служебной лояльности, что не уменьшает вины, но объясняет механизм принятия незаконных решений.

Мотивация преступников по рассматриваемым статьям существенно различается. Для превышения власти или должностных полномочий корыстный мотив встречается гораздо реже, чем для злоупотребления полномочиями.

Особенностью рассматриваемой категории преступлений является то, что значительная их часть совершается представителями силовых структур – сотрудниками органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, а также военной полиции. Для этой группы характерна особая мотивационная

структура, в которой доминируют служебный конформизм, зависимость от иерархии и стремление сохранить дисциплинарное доверие руководства. В отличие от гражданских служащих, чьи действия чаще продиктованы материальной заинтересованностью, представители силовых органов нередко совершают превышение власти под влиянием корпоративной культуры, основанной на безусловном подчинении приказам и понимании служебной необходимости как оправдания любых действий.

В условиях жесткой вертикали подчинения и ограниченного внешнего контроля личная ответственность за принятие решений оказывается размыта. У таких лиц злоупотребление полномочиями нередко маскируется под исполнение служебных задач – обеспечение порядка, поддержание дисциплины, выполнение плановых показателей. Отсюда и специфика мотивации: действия совершаются не из прямой корысти, а из желания проявить инициативу, продемонстрировать эффективность или угодить начальству.

Иллюстрацией к характеристике преступлений, совершаемых представителями силовых структур, может служить уголовное дело старшего оперуполномоченного управления по борьбе с наркопреступностью Б., рассмотренное Межрайонным судом по уголовным делам г. Астаны. Согласно материалам приговора, в июне 2023 года Б., не входя в состав следственно-оперативной группы и не обладая полномочиями для принятия процессуальных решений, вмешался в ход следственных действий при проверке показаний потерпевшей. Он использовал мобильный телефон несовершеннолетнего фигуранта дела, в котором были отмечены координаты предполагаемых закладок с наркотическими средствами, самостоятельно их обнаружил, а затем потребовал от потерпевшей на видеозапись «разыграть» процесс поиска и указания мест закладок, фактически инсценировав доказательственную базу. Такие действия оперуполномоченного, по версии обвинения, выходили за пределы его служебных полномочий и сопровождались психологическим давлением на потерпевшую [172].

При этом мотив поведения не имел признаков личной выгоды – он был обусловлен стремлением обеспечить «результативность» расследования и проявить служебную инициативу. Суд, оценивая обстоятельства дела, отметил, что обвинение в превышении власти не было подтверждено достаточными доказательствами, а сам подсудимый действовал, по его утверждению, в интересах расследования, выполняя устные поручения следователя. В силу этого Б. был признан невиновным в совершении уголовного правонарушения, предусмотренного п.3) ч.4 ст. 362 УК РК и оправдан.

Вместе с тем, этот пример наглядно демонстрирует типичную для силовых ведомств модель должностного преступления, при которой превышение полномочий совершается не из корыстных побуждений, а под влиянием служебного конформизма, стремления к показателям и привычки оправдывать незаконные действия необходимостью выполнения приказов. В подобных случаях решающую роль играет не столько личная склонность к нарушению

закона, сколько воздействие профессиональной среды, где ценятся исполнительность и лояльность руководству. Именно эта корпоративная культура, основанная на приоритете служебных интересов над правовыми нормами, нередко становится фактором, подталкивающим к действиям за пределами допустимого.

Проведенный криминологический анализ позволил сформировать обобщенный портрет типичного субъекта преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан, что само по себе имеет значительное значение для понимания социальной природы должностных злоупотреблений. Типичным правонарушителем в данной категории является государственный служащий мужского пола в возрасте от 30 до 49 лет, имеющий высшее образование, преимущественно юридическое или управленческое. Наибольшее количество таких преступлений совершается представителями органов внутренних дел и других силовых структур, что отражает особенности их функциональной нагрузки и высокий уровень властных полномочий.

Показательно, что около четверти преступлений по статье 361 и почти две трети по статье 362 совершаются группой лиц, что свидетельствует о наличии устойчивых неформальных связей, координации действий и элементов служебного сговора. Это позволяет говорить не о случайных эпизодах правонарушений, а о системной форме девиации, встроенной в административную среду. Такие групповые формы нарушений указывают на институциональную проблему – трансформацию отдельных служебных коллективов в замкнутые структуры, где взаимная поддержка становится способом избежания правовых последствий и уголовной ответственност.

Примечательна также малая доля ранее судимых среди правонарушителей: большинство из них впервые совершают преступление, что позволяет сделать вывод о внутрисистемной природе служебной девиации. Здесь речь идет не о профессиональных преступниках, а о лицах, утративших морально-этические ориентиры в условиях слабого контроля и толерантного отношения к нарушениям внутри ведомств. Это подтверждает, что ключевые предпосылки злоупотреблений формируются не за пределами системы, а внутри нее – в результате длительного действия институциональных факторов, таких как недостаточная прозрачность процедур, формальность отчетности и отсутствие действенного антикоррупционного комплаенса.

Таким образом, сформированный криминологический портрет подтверждает, что злоупотребления и превышения должностных полномочий в Казахстане представляют собой институционально закрепленную форму отклоняющегося поведения, обусловленную дефицитом прозрачности, недостаточным общественным контролем и слабостью внутренних профилактических механизмов, что требует не только правовой, но и организационной трансформации государственной службы.

3.3 Зарубежный и национальный опыт формирования системы предупреждения злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти и должностных полномочий

Проблема злоупотребления и превышения должностных полномочий в Республике Казахстан сохраняет высокую степень общественной опасности, оказывая деструктивное влияние на эффективность государственного управления, правопорядок и уровень доверия граждан к институтам власти. Эти преступления, закрепленные в статьях 361 и 362 Уголовного кодекса РК, относятся к категории должностных и, по своей сути, являются прямым нарушением принципа служения интересам общества. В современной правоприменительной практике они характеризуются высокой латентностью, сложностью выявления и доказывания, а также тесной связью с коррупционными проявлениями. В этих условиях эффективное противодействие должностным злоупотреблениям требует не изолированных мер, а выстроенной системы превенции, основанной на взаимодействии государственных органов, институтов гражданского общества и механизмов внутреннего контроля.

Предупреждение должностных злоупотреблений и превышений полномочий должно носить системный, многоуровневый и межведомственный характер. В научной литературе и международной практике выделяют три взаимосвязанных блока превентивных мер: нормативно-правовой, организационно-управленческий и социально-профилактический [173, с. 10]. Нормативно-правовой блок предполагает совершенствование законодательства, регулирующего деятельность государственных органов и должностных лиц, с целью устранения правовых пробелов и коллизий, позволяющих недобросовестным служащим злоупотреблять своим положением. Важным направлением является конкретизация норм, определяющих пределы и содержание должностных полномочий, а также установление четких процедурных регламентов принятия управленческих решений. При этом требуется внедрение механизмов обязательной правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов и ведомственных инструкций на предмет их коррупциогенности. Эффективность правового регулирования напрямую зависит от уровня правоприменения, что требует усиления судебного и прокурорского контроля, а также реального обеспечения принципа неотвратимости наказания.

Организационно-управленческие меры включают реформирование системы кадровой работы в государственном аппарате, основанное на принципах прозрачного конкурсного отбора, ротации кадров, ограничения пребывания в одной должности на длительный срок, а также внедрения системы оценки эффективности служебной деятельности, учитывающей не только количественные показатели, но и соблюдение этических норм.

Важным направлением в этом контексте выступает цифровизация управленческих процессов и внедрение технологий контроля, обеспечивающих минимизацию человеческого фактора в принятии решений и исключающих

административный произвол. Внедрение цифровых технологий в систему государственного управления становится инструментом поддержки принятия решений, поскольку анализ больших данных позволит объективно оценивать ситуации, оперативно реагировать на изменения и предлагать законные варианты их разрешения. Цифровизация обеспечивает прозрачность управленческих действий, снижает коррупционные риски и ограничивает возможность незаконного усмотрения со стороны должностных лиц [174, с. 31].

Практика ряда зарубежных государств демонстрирует эффективность подобного подхода.

Так, в Сингапуре управление государственной службой базируется на жесткой системе подотчетности, внедрении цифровых алгоритмов оценки и продвижения, а также централизованном мониторинге поведения служащих через специализированные цифровые платформы. Каждый этап карьерного роста сопровождается системой электронного аудита и обязательной отчетности, что существенно снижает вероятность коррупционных действий [175, с. 592-593].

В Эстонии ключевым элементом стало построение системы электронного государства, где практически все административные процедуры, включая кадровые назначения, управление документацией и служебную отчетность, переведены в цифровой формат и прозрачны для различных уровней надзора. Это обеспечивает не только высокую скорость и эффективность административных процессов, но и исключает возможность их фальсификации или произвольного вмешательства.

В Южной Корее внедрение интеллектуальных систем автоматического анализа и оценки показателей деятельности государственных служащих позволило создать модель, в которой основой профессионального роста становится реальная результативность, фиксируемая цифровыми средствами. Одновременно с этим введены жесткие этические стандарты, интегрированные в цифровую систему оценки, что создает условия для гармоничного сочетания профессионализма и моральной ответственности [176].

Таким образом, зарубежный опыт (Сингапур, Эстония, Южная Корея) подтверждает, что снижение рисков злоупотреблений достигается посредством комплексного внедрения электронных систем управления, автоматизации процессов принятия решений и цифровизации документооборота, что исключает возможность их субъективного и несанкционированного изменения.

Как отмечает А.К. Кусаинова, Казахстан уже последовательно развивает правовую базу в этой сфере, перенимая опыт стран с высокими стандартами цифрового управления. Так, еще в 2014 году вступил в силу Закон Республики Казахстан «О разрешениях и уведомлениях», закрепивший возможность получения разрешительных документов в электронном формате. В 2018 году утверждена новая редакция Правил документирования и использования электронных систем пропуска документов в государственных и негосударственных организациях. Проведенный сравнительный анализ показал, что Казахстан изучает и внедряет опыт Эстонии в сфере электронного

документооборота, создавая предпосылки для прозрачности и повышения эффективности управленческих процедур [177, с. 31].

Социально-профилактическое направление связано с формированием в обществе устойчивых правовых и нравственных установок, исключающих толерантность к злоупотреблениям властью. Здесь важнейшую роль играет антикоррупционное просвещение, развитие правовой культуры государственных служащих и граждан, активное привлечение институтов гражданского общества к контролю за деятельностью государственных органов.

Например, в августе 2025 года общественный активист С. Бокаев провел собственное расследование, в ходе которого выявил предполагаемую схему хищения новой брусчатки с центральных улиц Алматы – Жамбыла и Уалиханова. По его данным, идеально сохранившееся покрытие, без признаков износа, было снято и вывезено манипулятором в частный дом в селе Жандосова. С. Бокаев заявил, что на ремонт улицы было выделено около 490 млн тенге, а снятие новой брусчатки и ее последующая продажа указывают на возможное хищение с участием акимата и подрядных организаций. После вмешательства активистов часть материала удалось вернуть. Он подчеркнул, что подобная практика повторяется каждые два года и требует ужесточения контроля за подрядчиками и расходованием бюджетных средств [178].

При этом сам С. Бокаев неоднократно жалуется на слежку, организованную за нима органами полиции. Журналист-расследователь не просто собирает информацию, а пытается вскрыть системные проблемы, связанные с использованием служебного положения, непрозрачностью и злоупотреблениями. В связи с этим преследование таких людей явно противоречит интересам борьбы с коррупцией, напротив, их следует поддерживать и защищать, поскольку они выступают в роли своеобразных «сторожей» закона. Здесь надо отметить, что МВД РК опровергло установление такой слежки [179].

Следует стимулировать независимую журналистскую деятельность и обеспечение реальной защиты лиц, сообщающих о фактах злоупотреблений, что предполагает эффективное функционирование механизма защиты информаторов (whistleblowers). Как отмечает Н.А. Батищева, в Рекомендациях Совета Европы «О защите информаторов» (2014) подчеркивается, что лица, раскрывающие сведения об угрозах или ущербе общественным интересам (whistleblowers), играют ключевую роль в укреплении прозрачности и демократической подотчетности. В документе обращается внимание не только на необходимость создания надежных каналов для подачи сообщений о коррупционных правонарушениях, но и на обеспечение правовой защиты информатора, даже если представленные им сведения впоследствии не подтвердились. Кроме того, как указывает исследователь, положения данных Рекомендаций и последующей Резолюции ПАСЕ № 2060 (2015) «Improving the protection of whistle-blowers» распространяют защиту информаторов и на сотрудников разведывательных структур, служб национальной безопасности и

частных компаний, если их сообщения касаются угроз общественным интересам [180, с. 41-42].

Принципиально важно, чтобы меры по предупреждению указанных преступлений охватывали не только сферу государственной службы, но и квазигосударственный сектор, где также распространены злоупотребления полномочиями.

Важным направлением остается развитие системы комплексного мониторинга и анализа рисков должностных правонарушений, основанного на криминологическом прогнозировании.

Цель криминологического прогнозирования – предоставить правоохранительным органам и законодательным структурам информацию для разработки стратегий и программ по снижению уровня преступности. Как подчеркивают казахстанские исследователи, цифровизация криминологического прогнозирования стала важным направлением развития правоохранительной деятельности. Применение технологий больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения значительно повышает точность и оперативность прогнозов, а также эффективность предупреждения преступлений. Использование автоматизированных аналитических систем, например, таких как Oracle BI в Генеральной прокуратуре РК, демонстрирует стремление государства к интеграции цифровых инструментов в сферу правовой статистики и криминологического анализа [181, с.60].

Использование методов анализа больших данных, алгоритмов искусственного интеллекта и риск-моделей позволяет выявлять аномалии в управленческих решениях и финансовых операциях, сигнализирующие о возможных злоупотреблениях. Подобная практика уже успешно применяется в ряде стран ОЭСР и может быть адаптирована в Казахстане при условии надлежащей законодательной и технической подготовки.

Важно признать, что эффективность предупреждения злоупотреблений и превышений должностных полномочий во многом определяется не столько строгостью санкций, сколько неизбежностью их применения и системностью превентивных мер. Комплексный подход, включающий модернизацию правового регулирования, повышение прозрачности государственного управления, укрепление кадровой дисциплины, развитие цифровых технологий контроля и формирование общественной нетерпимости к любым проявлениям злоупотребления властью, способен создать устойчивый барьер на пути подобных преступлений. Для Республики Казахстан это означает необходимость синхронизации антикоррупционной политики с международными стандартами, закрепленными в Конвенции ООН против коррупции, а также в рекомендациях Группы государств против коррупции (GRECO) и ОЭСР, с учетом национальных особенностей государственного управления [4].

Одним из ключевых направлений следует считать укрепление системы внутреннего контроля в государственных органах. Практика показывает, что в большинстве случаев выявление должностных правонарушений происходит

внешними субъектами (правоохранительными органами, СМИ, гражданами), что свидетельствует о недостаточной эффективности внутреннего надзора. Усиление института служебных проверок, создание независимых подразделений комплаенс-контроля, а также внедрение механизма регулярных ротационных аудитов позволяют минимизировать коррупционные риски и выявлять признаки злоупотреблений на ранних стадиях.

Важной мерой профилактики является развитие института электронных сервисов и открытых данных. Публикация информации о распределении бюджетных средств, госзакупках, кадровых назначениях и результатах служебных расследований в формате, доступном для анализа независимыми экспертами, повышает прозрачность и снижает возможности для злоупотреблений. Примером служит практика некоторых стран ОЭСР, где любая транзакция с государственными средствами автоматически отображается в открытой базе данных, а доступ к ней имеют как контролирующие органы, так и гражданское общество.

Так, Южная Корея демонстрирует пример того, как цифровизация государственных функций может стать системной антикоррупционной мерой. С 1990-х годов в стране последовательно реализуются программы «e-Korea», «Cyber Korea 21», «Big Data Master Plan» и «I-Korea 4.0», направленные на интеграцию государственных реестров, электронное предоставление услуг и использование больших данных в управлении.Особое внимание уделяется созданию «умных городов» (smart cities) и платформ, где сведения о финансовых операциях, закупках и инфраструктурных проектах доступны в реальном времени. Это позволяет гражданам и неправительственным организациям отслеживать движение государственных средств и контролировать исполнение бюджетов [182, с. 185-186].

Полагаем, для Казахстана крайне полезным представляется внедрение элементов модели «Korean New Deal» (2020–2025), в рамках которой Южная Корея использует искусственный интеллект, 5G и Интернет вещей для повышения прозрачности госуправления и взаимодействия с бизнесом. Создание аналогичной инфраструктуры цифровых транзакций в Казахстане позволит обеспечить автоматическую фиксацию и общественный мониторинг любых операций с государственными активами, повысит подотчетность государственных служащих и доверие общества к институтам власти.

Эстония добилась успеха за счет повсеместной цифровизации: более 99% государственных услуг доступны онлайн, а ключевые управленческие процессы автоматизированы. Это минимизирует контакт чиновников с гражданами, снижая почву для злоупотреблений. Кроме того, действует система обязательного декларирования не только доходов, но и конфликта интересов, а нарушения фиксируются в открытой базе [45, с. 98].

Немаловажным направлением предупреждения является формирование этического климата в государственных органах. Этические кодексы, действующие в Казахстане, требуют дальнейшей конкретизации и привязки к реальным санкциям за нарушение. Важна не только декларируемая

приверженность принципам служебной этики, но и создание практики обязательного прохождения государственными служащими тренингов по этическим стандартам и противодействию коррупционным практикам. В международном опыте, например, в Сингапуре, подобное обучение является обязательным ежегодно, что способствует устойчивому усвоению ценностей честности и служения обществу.

Надо отметить, в Сингапуре работа с этическими стандартами носит институционализированный и системный характер. Все члены профессиональных ассоциаций, государственных и общественных структур обязаны ежегодно проходить обучение и сертификацию по стандартам поведения, предусмотренным Code of Ethics Сингапурской ассоциации консультантов [183]. Эта модель строится на принципах регулярного обновления знаний, постоянной оценки компетенций и прозрачных процедур дисциплинарной ответственности. Кодекс включает разделы, регулирующие профессиональные отношения, ответственность, непрерывное образование и оценку деятельности. Для Казахстана подобный подход может быть полезен при разработке единых стандартов служебной этики, предусматривающих обязательные ежегодные тренинги, процедуру жалоб и персональную ответственность за их нарушения. Следует подчеркнуть, что в Республике Казахстан уже сделаны важные шаги в этом направлении – в частности, внедрены институты этических комиссий и комплаенс-офицеров в государственных и квазигосударственных структурах. Их задача заключается в профилактике конфликтов интересов, мониторинге соблюдения норм служебной этики и формировании культуры добросовестного исполнения служебных обязанностей [184].

Перспективным направлением является интеграция криминологического прогнозирования в систему государственного управления. Применение аналитических алгоритмов и искусственного интеллекта для выявления отклонений в служебных решениях, подозрительных финансовых операций и аномальных управленческих действий позволяет выявлять потенциальные риски до их реализации в форме правонарушений. Подобная система требует наличия межведомственных баз данных, защищенных каналов передачи информации и четкой регламентации процедур реагирования на выявленные сигналы.

Казахстан может ориентироваться не только на опыт Эстонии и Южной Кореи, но и на практики Канады, ряда стран ЕС и членов ОЭСР – там сформированы комплексные системы цифрового управления, прозрачности и подотчетности. Так, в Канаде политика открытого правительства строится на принципах всеобщей подотчетности и публичного доступа к информации о движении бюджетных средств. Каждый контракт, субсидия или грант отображаются в едином портале, а встроенные аналитические алгоритмы позволяют выявлять аномальные транзакции и подозрительные схемы. Финляндия реализовала схожий подход, обеспечив автоматическую публикацию всех государственных расходов и открыв гражданам и аудиторам

доступ к централизованным базам данных, где алгоритмы машинного обучения анализируют риски коррупции и конфликта интересов в режиме реального времени. Особый интерес представляет и практика Чили, где внедрена система криминологического прогнозирования STAD, объединяющая данные о преступности, государственных расходах и кадровых решениях, что позволяет не только предугадывать зоны повышенного риска, но и предотвращать управленческие нарушения на ранних стадиях [185]. Эти примеры показывают, что сочетание прозрачности, цифрового анализа и институциональной ответственности формирует устойчивую модель предупреждения должностных злоупотреблений, которая может быть адаптирована и в Казахстане.

В Отчете ОЭСР, посвященном анализу цифровых рамочных условий в Казахстане, отмечается, что Казахстан добился существенного прогресса в создании цифрового правительства и формировании правовых основ для развития ИКТ-сектора, однако цифровизация частного сектора по-прежнему сталкивается с рядом системных ограничений. Основной акцент отчета сделан на необходимости повышения качества инфраструктуры и обеспечения устойчивого доступа к сетям нового поколения, поскольку именно это является предпосылкой для развития электронной коммерции, онлайн-сервисов и систем комплаенс-мониторинга. ОЭСР рекомендует правительству Казахстана усилить роль местных исполнительных органов в развитии цифровой среды, обеспечить привлечение бизнеса к формированию технологической политики и создать независимый регулятор в области связи, что позволит повысить доверие инвесторов и ускорить модернизацию телекоммуникационного сектора. ОЭСР подчеркивает необходимость адаптации законодательства к вызовам, связанным с обработкой данных, использованием искусственного интеллекта и цифровыми рисками. Повышение цифровой грамотности пользователей и их вовлечение в программы кибербезопасности рассматривается как ключ к снижению уязвимости к мошенническим и коррупционным схемам. Эти рекомендации ОЭСР имеют особое значение, поскольку они направлены на укрепление институциональных и правовых основ цифровой прозрачности и подотчетности. Создание устойчивой цифровой инфраструктуры, повышение уровня регуляторной независимости и развитие механизмов цифровой безопасности формируют среду, в которой предотвращение должностных злоупотреблений и коррупционных рисков становится неотъемлемой частью системного государственного управления [186].

Важным элементом системы предупреждения злоупотреблений должностными полномочиями, превышений власти и должностных полномочий, иных служебных уголовных правонарушений остается принцип неотвратимости наказания. При этом исследования подтверждают, что превентивный эффект значительно возрастает, когда наказание следует оперативно после выявления правонарушения и сопровождается публичным информированием общества о принятых мерах. Прозрачность дисциплинарных процедур и уголовного преследования снижает чувство безнаказанности среди должностных лиц и усиливает сдерживающий эффект.

Сравнение национальных механизмов предупреждения злоупотреблений с зарубежными моделями показывает, что в Республике Казахстан сохраняется структурный перекос в сторону карательных мер при недостаточной развитости превентивных инструментов.

По данным Индекса восприятия коррупции за 2024 год, Казахстан набрал 40 баллов из 100 возможных, заняв 88-е место среди 180 стран. Этот результат лишь на один балл выше прошлогоднего, что свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне коррупционных рисков. Несмотря на предпринимаемые антикоррупционные меры и инициативы, страна, набрав менее 50 баллов, по-прежнему находится в зоне повышенной уязвимости, особенно в сферах исполнительной, судебной и законодательной власти, где отмечаются низкие показатели прозрачности и эффективности контроля за расходованием государственных средств. В регионе Восточной Европы и Центральной Азии Казахстан уступает Грузии, которая единственная преодолела порог в 50 баллов, но опережает большинство соседей – Узбекистан, Кыргызстан, Россию и Туркменистан [187].

Как видим, данные подтверждают необходимость усиления институциональных гарантий подотчетности и прозрачности в государственном управлении, а также дальнейшего вовлечения гражданского общества в борьбу с коррупционными проявлениями. Это напрямую отражает разницу в эффективности систем предупреждения, где превалируют механизмы открытости, цифровизации и общественного контроля.

В Казахстане частичная цифровизация госуслуг уже реализована через платформу «eGov», однако, многие процедуры по-прежнему предполагают офлайн-взаимодействие, что повышает вероятность субъективных решений. Тем не менее, в этом направлении работа идет быстрыми темпами.

В октябре 2024 года, например, Министерство юстиции Республики Казахстан представило серию цифровых инициатив в рамках программы Digital Justice, направленных на автоматизацию государственных услуг и повышение прозрачности правоприменительных процедур. Ключевая цель этих проектов – упростить доступ граждан к юридическим услугам, сократить сроки исполнения административных процедур и минимизировать человеческий фактор. Среди представленных решений интерес вызывают мобильное приложение «Автоматизированная информационная система органов исполнительного производства (АИС ОИП)», цифровая платформа «Е-заң көмегі» для онлайн-консультаций, проект «Цифровизация ОСИ», а также система «Цифровой нотариат» и сервис «Цифровая доверенность юридического лица» в приложении eGov Mobile business [188].

Такие инструменты направлены на создание единого цифрового контура в сфере государственного управления, повышение прозрачности деятельности должностных лиц и укрепление доверия граждан к правовой системе страны.

Как отмечают исследователи, Казахстан добился значительных успехов в повышении качества государственных услуг и эффективности работы государственной службы, что отражается в улучшении индикаторов

Всемирного банка по управлению. Согласно Национальному докладу о состоянии государственной службы Казахстана за 2023 год, в результате децентрализации были перераспределены 496 функций государственных органов. Из этих функций правительство передало 473 в центральные государственные органы, а также 2 в местные исполнительные органы. В результате этих действий деятельность некоторых государственных органов была дебюрократизирована. В результате 364 функции были исключены из правовых актов из-за их формальности и перезакрепления в положениях о государственных органах [189, с. 21-22].

Отчет Всемирного банка «Worldwide Governance Indicators» указывает, что Казахстан в индикаторе «Контроль коррупции» улучшил позицию с 31,73% (2015) до 40,38% (2022), однако отставание от стран-лидеров остается значительным. Причина – недостаточная публичность дисциплинарных и уголовных процессов: по данным общественного мониторинга, в открытых источниках отсутствует до 50% информации о расследованиях по фактам злоупотреблений в квазигосударственном секторе. С точки зрения отчетных данных по внутренним аудитам, в 2022 году в Казахстане было проведено около 2 400 внутренних проверок, из которых лишь в 7% случаев выявлены нарушения, квалифицированные как злоупотребления или превышение полномочий [190].

Для сравнения, в Сингапуре доля выявленных нарушений по итогам внутренних проверок составляет 19%, что объясняется более развитой методикой оценки рисков и более широким охватом проверок. Сегодня в Казахстане только проходит становление системы внутреннего аудита, что отвечает международной тенденции и обусловлено необходимостью повышения контроля внутренних процессов управления. Казахстан сотрудничает с Международным Институтом Внутренних Аудиторов и ведет работу по признанию национального института в качестве аффилированного члена международного Института Внутренних Аудиторов в Казахстане [191].

Таким образом, сравнительный анализ позволяет выделить ряд направлений, которые Казахстану следует усилить:

- институциональная независимость антикоррупционных подразделений;
- расширение цифровизации с полной минимизацией офлайн-процедур;
- системная ротация кадров и контроль конфликта интересов;
- реальная защита информаторов с расширением гарантий;
- публичность информации о дисциплинарных и уголовных мерах в отношении должностных лиц;
- внедрение риск-ориентированных алгоритмов мониторинга управленческих решений.

Комплексное внедрение этих мер, с учетом адаптации под национальные реалии, может существенно повысить эффективность предупреждения злоупотреблений и превышений должностных полномочий, укрепить правопорядок и повысить доверие общества к государственным институтам.

Результаты исследований, посвященных анализу факторов, способствующих противоправному поведению, позволяют сделать важный вывод и для сферы предупреждения злоупотребления должностными полномочиями. Снижение воздействия ключевых социальных, психологических и организационных рисков способно значительно уменьшить вероятность совершения должностных преступлений – независимо от того, каков первоначальный уровень профессиональной или моральной устойчивости конкретного служащего.

Иными словами, эффективная профилактика должна быть направлена не столько на реакцию после правонарушения, сколько на устранение причин и условий, создающих почву для злоупотреблений властью. В этой связи особую значимость приобретают меры по формированию устойчивых антикоррупционных установок, развитию этической культуры государственной службы, повышению уровня самоконтроля и стрессоустойчивости должностных лиц, а также совершенствованию их правового и морального воспитания.

Как показывает практика, такие факторы, как антисоциальное поведение, низкий уровень саморегуляции, профессиональная деформация личности, влияние негативной корпоративной среды или толерантность к нарушениям, нередко выступают своеобразными предикторами служебных злоупотреблений. Поэтому именно на эти аспекты должна быть ориентирована система профилактики – через психологическую подготовку, регулярную аттестацию, обучение этическому лидерству, внутренний аудит и контроль профессионального поведения [164].

Таким образом, предупреждение злоупотребления и превышения власти требует комплексного подхода, включающего не только правовые, но и социально-психологические меры, направленные на укрепление внутренней мотивации должностных лиц к добросовестному исполнению обязанностей и минимизацию факторов, способствующих коррупционным или властным деформациям.

Зарубежный и отечественный опыт свидетельствуют, что успешная система предупреждения злоупотреблений властью и должностными полномочиями строится на сочетании институциональных, нормативных и этико-культурных мер. В странах с развитой антикоррупционной инфраструктурой акцент делается не столько на ужесточении санкций, сколько на формировании устойчивой системы контроля, прозрачности и подотчетности.

Международная практика показывает, что профилактика должна быть интегрирована во все уровни государственного управления – от стратегического планирования до повседневных процедур принятия решений. Опыт ОЭСР, Всемирного банка, Совета Европы, а также развитых зарубежных стран доказывает, что именно институционализация комплаенс-механизмов, регулярная оценка коррупционных рисков, защита информаторов

и развитие культуры этического управления являются наиболее эффективными средствами противодействия злоупотреблениям.

Для Казахстана актуально использование этих подходов с учетом национальной специфики и существующих институтов государственного контроля. В последние годы в стране формируется комплексная модель профилактики, включающая цифровизацию государственных услуг, развитие внутреннего аудита, внедрение этических комиссий и антикоррупционного комплаенса. Однако при всей важности нормативных мер особое значение имеет личностный фактор – профессиональная и моральная культура государственных служащих, уровень их правосознания, мотивация к честному исполнению обязанностей.

Сравнительный анализ показывает, что эффективная профилактика возможна лишь при условии реального взаимодействия государства, гражданского общества и делового сектора. Меры предупреждения должны быть направлены не только на устранение последствий, но, прежде всего, на формирование среды, где коррупционное или властное злоупотребление воспринимается как социально неприемлемое и экономически невыгодное.

В заключение можно отметить, что интеграция международных стандартов в национальную практику, развитие этико-правовой культуры управления и укрепление механизмов прозрачности способны сформировать устойчивую систему сдержек и противовесов, минимизирующую риски злоупотребления властью и должностными полномочиями. Такая система должна рассматриваться не как разовая мера, а как элемент долгосрочной стратегии укрепления доверия между государством и обществом, основанной на принципах законности, справедливости и ответственности.

Заключение

Проведенное исследование позволило всесторонне рассмотреть уголовно-правовую природу злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти, раскрыть их социальную детерминированность, показать эволюцию правового регулирования и обозначить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

В диссертации обосновано, что развитие уголовного законодательства в сфере противодействия должностным злоупотреблениям представляет собой отражение глубинных трансформаций в понимании самой природы государственной власти и ее функций. Если на ранних этапах объектом уголовно-правовой охраны выступала, прежде всего, неприкосновенность государственного аппарата и интересы его служебной иерархии, то на современном этапе в центре внимания оказывается человек, его права и законные интересы как конечная цель функционирования публичной власти.

Эволюция законодательства Республики Казахстан от советского периода до сегодняшнего дня демонстрирует переход от охранительного к сервисному и подотчетному типу правового регулирования, что соответствует концепции «слышащего государства».

Социальная детерминированность уголовно-правовой охраны должностных отношений выражается в зависимости эффективности уголовного законодательства от состояния институтов государственной службы, уровня доверия к власти и степени развития антикоррупционной культуры. На основе анализа международных стандартов и зарубежной практики (Финляндии, Дании, Эстонии, Сингапура, Японии и других стран) выявлено, что снижение злоупотреблений достигается не столько усилением санкций, сколько созданием правовой и организационной среды, делающей коррупцию социально невыгодной и морально неприемлемой. Для Казахстана ключевым направлением развития является формирование интегрированной системы профилактики, где уголовное право выполняет не карательную, а сдерживающую и воспитательную функцию.

В результате проведения уголовно-правового анализа составов преступлений, предусмотренных статьями 361 и 362 УК Республики Казахстан установлено, что объективная сторона этих деяний включает в себя не только противоправное действие (или бездействие) должностного лица, но и общественно опасные последствия в виде существенного вреда охраняемым законом интересам личности, общества и государства, а также причинно-следственную связь между ними.

Предложено авторское определение понятия «использование служебных полномочий вопреки интересам службы», уточняющее содержание объективной стороны преступления и соотносящее ее с принципами законности, добросовестности и беспристрастности. Подчеркнуто, что современная уголовно-правовая охрана должна опираться на ценностный

приоритет защиты общественного доверия к государственным институтам, а не только на формальное обеспечение незыблемости власти.

Особое внимание уделено разграничению злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти. Если в первом случае действия совершаются в пределах формальной компетенции, но вопреки интересам службы, то во втором – речь идет о явном выходе за пределы предоставленных полномочий. Анализ норм и правоприменительной практики показал, что эти составы взаимосвязаны, но различаются по характеру злоупотребления и степени вторжения в сферу охраняемых общественных отношений.

Были рассмотрены признаки специального субъекта и субъективной стороны. Доказано, что субъектом указанных преступлений может быть только лицо, обладающее определенным объемом властных или организационно-распорядительных полномочий, связанных с выполнением государственных или приравненных к ним функций. Психологический анализ показывает, что большинство деяний совершается с прямым умыслом и мотивируется корыстными или иными личными интересами, однако возможны и случаи косвенного умысла, когда виновный осознает общественно опасный характер своих действий, но относится к последствиям безразлично. Отмечено, что для должностных преступлений характерен субъективно-объективный признак – осознание виновным лица явного выхода за пределы компетенции или использование полномочий вопреки законным интересам службы.

При анализе проблем квалификации указанных преступлений установлено, что трудности разграничения злоупотребления и превышения должностных полномочий связаны с отсутствием единых критериев определения пределов компетенции, оценочного характера признаков «существенного вреда» и «вопреки интересам службы». Предложены пути совершенствования законодательных формулировок, в том числе исключение устаревших положений, связанных с амнистией при легализации имущества, а также введение более гибких и справедливых санкций на основе кратности штрафов к размеру незаконной выгоды или причиненного ущерба.

Проведенный криминологический анализ показал, что детерминация данных преступлений имеет многоуровневый характер, начиная от макроэкономических и политико-институциональных факторов до индивидуально-психологических. На макроуровне ключевыми причинами выступают сохраняющаяся централизация власти, недостаточная подотчетность управленческих решений и низкий уровень прозрачности процедур. Упразднение Агентства по противодействию коррупции и перераспределение его функций между Агентством по государственной службе и Комитетом национальной безопасности создают предпосылки для обновления антикоррупционной архитектуры, однако эффективность данных мер будет зависеть от согласованности межведомственных механизмов контроля и предотвращения коррупционных рисков.

На мезоуровне значимыми являются отраслевые особенности, где концентрируются финансовые и административные ресурсы – в сферах

госзакупок, строительства, земельных и лицензионных отношений. Именно здесь проявляется так называемый «эффект узкого горлышка», создающий почву для злоупотреблений при недостатке независимого контроля. На микроуровне выявлено, что решающую роль играют личностные качества правонарушителей – карьеризм, стремление к обогащению, авторитаризм и толерантность к нарушениям. Неформальные связи, круговая порука и групповая солидарность усиливают риск совершения преступлений, а внутриорганизационная культура, где нарушения воспринимаются как «часть системы», формирует устойчивую служебную девиацию.

В современных условиях данная проблематика усугубляется в контексте цифровой трансформации государственного управления. Несмотря на очевидные преимущества цифровизации в части автоматизации процессов и сокращения субъективного влияния, она также открывает новые возможности для должностных злоупотреблений посредством вмешательства в информационные системы, манипулирования цифровыми реестрами и использования служебного доступа в целях извлечения выгоды. Это требует переосмысления подходов к контролю и юридической ответственности в условиях цифровой среды.

Был сформирован криминологический портрет типичного правонарушителя. На основании анализа судебной статистики установлено, что наиболее часто преступления совершают мужчины в возрасте 30-49 лет, обладающие высшим, преимущественно юридическим образованием. Наибольший удельный вес занимают сотрудники правоохранительных органов и иных силовых структур. Преобладание групповых форм (до 65 % случаев по статье 362 УК РК) свидетельствует о согласованности действий, наличии устойчивых неформальных связей и коррупционных проявлений в форме служебного сговора. Низкая доля ранее судимых лиц указывает на то, что данные преступления совершаются не из криминальной среды, а внутри самой системы государственного управления, где длительно сохраняются институциональные дефекты: слабость контроля, отсутствие прозрачности кадровой политики и недостаточность механизмов внутреннего комплаенса. Эти обстоятельства определяют высокий уровень латентности рассматриваемых преступлений, когда внутренние структуры предпочитают скрывать инциденты внутри ведомства, не допуская их публичного расследования.

В работе аргументировано, что эффективная профилактика должна носить системный и опережающий характер. Современные подходы требуют не только усиления санкций, но и формирования институциональной среды, исключающей возможность злоупотреблений. В числе предложенных мер обязательная цифровая фиксация управленческих решений, расширение механизмов гражданского и парламентского контроля, внедрение институтов независимого внутреннего комплаенса в государственных органах и квазигосударственном секторе. Важным направлением профилактики является

развитие кадровой политики на принципах ротации, этической ответственности и открытой отчетности руководителей.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024–2029 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 17 июля 2024 года № 602 [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000602 (дата обращения 20.10.2025 г.).
2. Об утверждении Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 г. № 522 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522 (дата обращения 20.10.2025 г.).
3. Глава государства провел совещание по вопросам противодействия коррупции: 1 февраля 2022 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-soveshchanie-po-voprosam-protivodeystviya-korrupcii-1128 (дата обращения: 20.10.2025 г.).
4. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года № 802 «Об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802 (дата обращения: 21.10.2025 г.).
5. Послание Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 8 сентября 2025 года «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K25002025_1 (дата обращения: 21.10.2025 г.).
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс РК от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (по сост. на 16.09.2025) [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K1400000226/16.09.2025 (дата обращения: 21.10.2025 г.).
7. Форма № 3-К. Отчет о коррупционных преступлениях, лицах их совершивших, осужденных и движении уголовных дел о коррупционных преступлениях и о субъектах коррупционных правонарушений за 12 месяцев 2024 года. – Портал органов правовой статистики и специальных учетов [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics (дата обращения: 21.10.2025 г.).
8. Где в Казахстане чаще всего дают и берут взятки. – Tengrinews.kz. – 02.05.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/gde-v-kazahstane-chasche-vsego-dayut-i-berut-vzyatki-569168/ (дата обращения: 21.10.2025 г.).
9. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права: Часть общая. Кн. 1. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874–1880. – 174 с.
10. Зиманов С.З. Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования. – Алматы: Жеті Жарғы, 2004. Т.2. – 672 с.

11. Усеинова Г.Р. Общая характеристика уголовного обычного права казахов // Известия Национальной Академии наук РК. – 2014. – № 4. – С 68–71.
12. Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. – Алматы: Дәуір, 2004. – 312 с.
13. Наливайченко В.А. Ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий в истории отечественного уголовного права // Цивилизация знаний: российские реалии: сб-к материалов XXVI междунар. научной конф. – М.: Российский новый университет, 2025. – С. 826–831.
14. Сулейманов Т.М. Ответственность за злоупотребление должностными полномочиями по уголовному праву России и Германии (уголовно-правовой и криминологический анализ): автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 2016. – 27 с.
15. Балык П.П. Исторический аспект развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за превышение должностных полномочий // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 1 (20). – С. 73-79.
16. Боровкова И.С. Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями: дис. …канд. юрид. наук. – М., 2021. – 236 с.
17. Вареникова С.П. Казахское обычное право и судопроизводство биев // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 168–177.
18. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 922 с.
20. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. О государственном устройстве. – СПб., 1892. – 440 с.
21. Есипов В.В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. – СПб.: тип. А.Ф. Маркса, 1892. – 78 с.
22. Хомич В.М. Понятие должностного лица в уголовном праве // КонсультантПлюс. Беларусь. – Минск, 2012 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/187259/1/6.PDF?ysclid=mhdmmk49wy288907413 (дата обращения: 21.10.2025 г.).
23. Черепанова И.В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2001 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regiment.ru/Lib/D/35.htm (дата обращения: 20.10.2025 г.).
24. Фаргиев И.А., Лонерт Н.Р. Эволюция понятия должностных преступлений // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2010. – № 3. – С. 74–79.
25. Подковыров Е.А. Развитие советского уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление полномочиями // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 197–202.

26. Окунева М. О. Должностные лица как специальный субъект преступления в советском уголовном праве периода НЭПа // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2018. – № 1 (32). – С. 229–236.

27. Краковский К.П. Уголовная ответственность советских государственных служащих за должностные преступления (1920-е гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15, № 5. – С. 154–184.

28. Декрет о взяточничестве. 8 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. – Т. II: 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Гос.издат. полит. литературы, 1959 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DFKRET/18-05-08.htm (дата обращения: 20.10.2025 г.).

29. Иванов А.М., Корчагин А.Г. Советский опыт борьбы с должностными преступлениями // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 1 (19). – С. 63–84.

30. Суховецкая Е.Ю., Андриенко Н.С. Историко-правовые аспекты совершенствования законодательства в сфере превышения должностных полномочий // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 46. – С. 344–351.

31. Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР от 19.02.1926 – СЗ, 1926, № 9, ст. 71; от 05.03.1926 – СЗ, 1926, № 15, ст. 106) [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 20.10.2025 г.).

32. Сартаева Н.А. 25-летний путь уголовного закона Республики Казахстан: от провозглашения государственной независимости до современности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2016. – № 4 (45). – С. 110–118.

33. Уголовный кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 г. (с изменениями и дополнениями) (утратил силу) [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1004273 (дата обращения: 20.10.2025 г.).

34. Рахметов С.М. Основные этапы развития уголовного законодательства Республики Казахстан // Институт законодательства и правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан, 2021 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33417649 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

35. Медведев Е.В. Социальное назначение уголовного права // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2022. – Т. 164, кн. 4. – С. 122-133. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.4.122-133.

36. Матвеев И.В. Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления: дис. …канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. – 238 с.

37. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года № 31-IV «О иикации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята ООН, 2003 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000031(дата обращения: 22.10.2025 г.).

38. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц. Принят резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 года [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtm (дата обращения: 22.10.2025 г.).

39. Базовый отчет пятого раунда мониторинга антикоррупционных реформ в Казахстане. Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией. – Париж: ОЭСР, 2024. – 251 с. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.oecd.org/ru/publications/f4579337-ru.html (дата обращения: 22.10.2025 г.).

40. ОЭСР отметила прогресс Казахстана в антикоррупционной политике // Turan Times. – 09.12.2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://turantimes.kz/obschestvo/55793-oesr-otmetila-progress-kazahstana-v-antikorrupcionnoj-politike.html (дата обращения: 22.10.2025 г.).

41. Усеинова К.Р., Данияров С.Д., Тагайбек К.Т. Добропорядочность – основные этапы становления и развития философско-правовой категории // Ученые труды Алматинской Академии МВД РК имени М.Есбулатова. – Алматы, 2023. – №2(75). – С. 328–333.

42. Морозова Д.А., Воробьев Е.Б. Успешные практики проведения антикоррупционной политики в мире // Вестник науки. – 2022. – Т. 1, № 11 (89). – С. 451–456.

43. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных / Сост. И.Г. Ясавеев. – Хельсинки: Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – 200 с.

44. Болдырева Е.Л. Государственная служба стран Северной Европы: международный аспект: учеб. пособие. – СПб., 2007 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://elib.spbstu.ru/dl/2/5365.pdf (дата обращения: 22.10.2025 г.).

45. Китсинг М. Факторы успеха в становлении электронного государства в Эстонии // Политическая наука. – 2007. – № 4. – С. 97–122.

46. Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией. Информационные материалы. – М.: ФСО РФ, 2020 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://fso.gov.ru/wp-content/uploads/2020/03/Foreign_exp.pdf (дата обращения: 22.10.2025 г.).

47. Expansive Korean Anti-Corruption Law Comes into Force. JD Supra, September 8, 2016. – Available at: URL: https://www.jdsupra.com/legalnews/expansive-korean-anti-corruption-law-32886/ (дата обращения: 22.10.2025 г.).

48. Usseinova K.R., Kan A.G., Daniyarov S.D. Implementetion of the principle of integrity in the activities of civil servants: foreign experience // Ученые труды Алматинской Академии МВД РК имени М.Есбулатова. – Алматы, 2023. - №3(76). – С. 152–156.

49. Голомша А.В. Понятия верности и долга в японской традиционной (самурайской) культуре // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 9. – С. 109–113.

50. Ларичев А.А. Контроль над деятельностью муниципалитетов со стороны института омбудсменов: опыт Канады и его применимость в российских условиях // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 5 (114). – С. 83–96.

51. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Потсдам, 2021. – 494 с.

52. Сулейманов Т.М. Ответственность за злоупотребление должностными полномочиями в России и Германии (уголовно-правовой и криминологический аспекты) // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3 (45). – С. 149–155.

53. Daniyarov S.D., Toktybayev A.A., Turgumbaev M.E. Integrity as a general legal presumption // Ученые труды Алматинской академии МВД РК имени М.Есбулатова. – Алматы, 2022. – №4(73). – С. 204–207.

54. Useinova K.R., Kan A.G., Daniyarov S.D. Models of Interaction between Government Agencies and Civil Society Institutions // Ученые труды Алматинской академии МВД РК. – 2024. – №1 (78). – С. 122–126.

55. Уголовное право Казахстана (Общая часть): учебник для вузов / под ред. И.И. Рогова, С.М. Рахметова. – Алматы: Баспа, 1998. – 228 с.

56. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – М.: НОРМА, 2001. – 208 с.

57. Авдеев С.В. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 163 с.

58. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. – 453 с.

59. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – М.: Наука, 1994. Т. 1. – 419 с.

60. Львович Е.В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступлениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 30 с.

61. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – 878 с.

62. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М., 1998. – С. 586.

63. Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М., 1997. – С. 5937

64. Егорова Н.А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: Лекция. –Волгоград: Волгогр. акад. МВД РФ, 2000. – 69 с.

65. Муравьев Н.В. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе // Юридический вестник. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. – № 11. – С. 795–821.

66. Слав С.П. Ответственность за должностные злоупотребления: по материалам Приднестровья: автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 2004. – 27 с.

67. Снежко А.С. Состав превышения должностных полномочий: законодательное описание и проблемы квалификации: Монография. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2004. – 187 с.

68. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. – М, 1999. – С. 115.

69. Владимиров В.А., Кириченко В.Ф. Должностные преступления: Лекция. – М, 1965. – С. 21.

70. Тыняная М.А. Уголовно-правовая характеристика халатности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2013. – 26 с.

71. Магомедов К.Р. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий среди работников органов внутренних дел и проблемы их профилактики (региональное исследование): автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 33 с.

72. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000008S (дата обращения: 22.10.2025 г.).

73. Закон Республики Казахстан от 13 ноября 2015 года № 400-V ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000400 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

74. Закон Республики Казахстан от 30 июня 2014 года № 213-V ЗРК «Об амнистии граждан Республики Казахстан, оралманов и лиц, имеющих вид на жительство в Республике Казахстан, в связи с легализацией ими имущества» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000213 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

75. Айсин С.Б. Комментарий к отдельным статьям нового Закона Республики Казахстан «О правовых актах» (юридическая техника) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан Zakon.kz [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34612479 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

76. Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 960 с.

77. Минькова А.М. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: дис. ... канд. юрид. наук. –Ростов н/Д, 2001. – С.59.

78. Голубев В.В. Злоупотребление должностными полномочиями как основа отечественной коррупции // Законодательство. – 2002. – № 6. – С. 80–85.

79. Непочатых Е.П. Развитие представлений о понятиях «компетенция» и «компетентность» // Научные ведомости БГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 20 (163). – Вып. 19. – С. 243–251.

80. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: А-Темп, 2006. – 938 с.

81. Мельникова В.Е. Должностные преступления (Вопросы уголовно-правовой квалификации): Учеб. пособие. – М.: ВЮЗИ, 1985. – 97 с.

82. Доиджашвили Д.Д. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий : автореферат дис. ... канд.юрид.наук. – М., 1989. – 20 с.

83. Стренин А. Проблемы ответственности за умышленное неисполнение должностным лицом служебных полномочий // Уголовное право. – 2003. – № 1. – С. 57–59.

84. Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. – Казань, 1972. – С. 109–110.

85. Устинов С. Что понимать под нецелевым расходованием бюджетных средств? // Законность. – 2004. – № 5. – С. 30-31.

86. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 269 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы» // Информационно-правовая система «Әділет» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

87. Ishmukhamedov Sh., Kassenov F. Features of digitalization of political processes in Kazakhstan // BULLETIN. Series Historical and socio-political sciences. – 2021. – Vol. 70. – No. 3. DOI: 10.51889/2021-3.1728-5461.08 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/356846233_Features_of_digitalization_of_political_processes_in_Kazakhstan (дата обращения: 22.10.2025 г.).

88. Компанию в Астане исключили из реестра недобросовестных участников госзакупок за взятку в 10 млн тенге // Turan Times, 20.05.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://turantimes.kz/regions/60235-kompaniju-v-astane-iskljuchili-iz-reestra-nedobrosovestnyh-uchastnikov-goszakupok-za-vzjatku-v-10-mln-tenge.htm (дата обращения: 22.10.2025 г.).

89. Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года № 199-V «Об органах внутренних дел Республики Казахстан» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

90. Попов А.В., Фомина И.А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – № 2. – С. 132–144.

91. Басова Т. Б. Должностные преступления: некоторые вопросы использования законодательного опыта Республики Беларусь при совершенствовании УК России // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: сб-к матер. междунар. научно-практ. конф. – Минск, 2007 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/4351 (дата обращения: 02.11.2025 г.).

92. Шникенков А. Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств // Законность. – 2004. – № 7. – С. 48-52.

93. Ковалева Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 23 с.

94. Банк судебных актов // Верховный Суд Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sud.gov.kz/rus/bank (дата обращения: 02.11.2025 г.).

95. Волженкин Б.В. Коррупция и уголовный закон // Антология юридической науки. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 335–352.

96. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года «О противодействии коррупции» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410 (дата обращения: 02.11.2025 г.).

97. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года «О государственной службе» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416 (дата обращения: 02.11.2025 г.).

98. Борчашвили И.Ш. Преступления против интересов государственной службы: проблемы и перспективы // Правовое развитие Казахстана за десять лет государственной независимости. – Алматы, 2001. – С. 198-199.

99. Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 сентября 2021 года № 590 «О некоторых вопросах организации деятельности государственных органов и их структурных подразделений» // Информационно-правовая система «Әділет» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000590#z104 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

100. Данияров С.Д., Джансараева Р.Е. Билік пен лауазымдық өкілеттіктерді асыра пайдаланғаны үшін қылмыстық жауаптылықтың ерекшеліктері // Вестник КазНУ. Серия Юридическая. – 2024. – № 1(109). – С. 131-141.

101. Третьякова Н.С., Галян С.В. Лингвистическая характеристика понятия хищения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 162–166.

102. Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 150 «Об утверждении Реестра должностей политических и административных государственных служащих» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000150 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

103. Приговор районного суда № 2 Есильского района г.Астаны от 17 марта 2023 г. по делу № 7135-23-00-1/87: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 15.09.2025 г.).

104. Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148 «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

105. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350 (дата обращения: 22.10.2025 г.).

106. Минх Г. Конституционно-правовые основания уточнения состава субъектов уголовно-правовой ответственности, направленной на борьбу с коррупцией // Материалы Международной конференции «Инвестиционный климат и перспективы экономического роста в России» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.hse.ru/ic/material/kons.htm (дата обращения: 14.11.2025 г.).

107. Яни П.С. Кто несет ответственность за должностные преступления // Законность. – 1995. – № 2. – С. 29-30.

108. Пленум Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности или должностном подлоге» от 30 марта 1990 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по уголовным делам. –М.: Спарк, 2000. – 559 с.

109. Ревякин М.Н. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступлениям, совершаемым должностными лицами. автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.

110. Изосимов С.В. Злоупотребление должностными полномочиями: проблемы законодательного определения и квалификации // Российский судья. –2003. – № 4. – С. 22–26.

111. Лунеев В.В. Субъективное вменение. – М.: Спарк, 2000. –71 с.

112. Скляров С.С. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук . – М., 2004. – 45 с.

113. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев: Наукова думка, 1978. – 303 с.

114. Уголовное право России. Особенная часть / Под. ред. А.И. Рарога. – М.: ИМПЭ Триада, 1996. – 479 с.

115. Минькова А.М. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих и иных организациях: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2002. – 214 с.

116. Прусаков Ю.М., Калмыков Ю.Н., Завгородняя Л.В. Конституционно-правовые основы юридической ответственности государственных должностных лиц и государственных служащих. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2003. – 293 с.

117. Волколупова В.А. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 30 с.

118. Гуржий Т. Бывшему главе госкорпорации ЗКО сократили срок наказания // Kursiv Media, 21 ноября 2022 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kz.kursiv.media/2022-11-21/byvshemu-glave-goskorporacii-zko-sokratili-srok-nakazaniy (дата обращения: 14.11.2025 г.).

119. Верховный суд признал незаконными решения судов ЗКО по делу осужденного экс-главы Аграрно-кредитной корпорации по ЗКО Ерболата Онгарбек // Уральская неделя. – 31 мая 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.uralskweek.kz/2023/05/31/strong-verxovnyj-sud-priznal-nezakonnymi-resheniya-sudov-zko-po-delu-osuzhdennogo-eks-glavy-agrarno-kreditnoj-korporacii-po-zko-erbolata-ongarbek-strong/ (дата обращения: 14.11.2025 г.).

120. Меркурьев В.В., Маханов Т.Г., Минская В.С. Некоторые вопросы уголовного наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, по уголовному законодательству Республики Казахстан // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 416–425.

121. Халдарова Д. Экс-чиновников арестовали в Атырау // Zakon.kz. – 26.09.2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.zakon.kz/proisshestviia/6408112-ekschinovnikov-arestovali-v-atyrau.html (дата обращения: 23.10.2025 г.).

122. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 года [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 23.10.2025 г.).

123. Конституция Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 01.10.2025 г.).

124. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 1998 года № 339 «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» [электронный

ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000339_#z144 (дата обращения: 01.10.2025 г.).

125. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380 (дата обращения: 01.10.2025 г.).

126. Тарасова Е.В Квалификация преступлений, совершенных должностными лицами путем использования своего служебного положения: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 25 с.

127. Боровкова И.С. Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями: автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 2021. – 25 с.

128. Herrman C.S. Confronting Abuse of Office – Part I: Reprise of Substance // SSRN Electronic Journal. – February 2009. – DOI: 10.2139/ssrn.1349022 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1349022 (дата обращения: 01.10.2025 г.).

129. Приговор Шуского районного суда Жамбылской области от 3 июля 2024 г. по делу № 3166-24-00-1/14: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 23.10.2025 г.).

130. Приговор Талдыкорганского городского суда области Жетысу от 30 мая 2024 года по делу № 3310-24-00-1/93: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 23.10.2025 г.).

131. Приговор Суда г. Конаев Алматинской области от 04 декабря 2024 года по делу № 1916-24-00-1/106: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 23.10.2025 г.).

132. Приговор Суда № 2 г. Усть-Каменогорска от 3 июля 2024 по делу № 6311-24-00-1/269: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 23.10.2025 г.).

133. Мауленов Г.С., Доскалов В.А. Причины и условия, способствующие совершению коррупционных правонарушений в государственных органах. – 2013 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sud.kz/rus/content/prichiny-i-usloviya-sposobstvuyushchie-sovershenіyu-korrupcionnyh-pravonarusheniy-v (дата обращения: 22.10.2025 г.).

134. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000271_#z206 (дата обращения: 04.11.2025 г.).

135. Национальный доклад о противодействии коррупции за 2022 год [Электронный ресурс]: Агентство Республики Казахстан по противодействию коррупции – 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://api.sportqory.kz/storage/documents/August2023/9hzIA3twuUzF3iHbxCpY.pdf (дата обращения: 04.11.2025 г.).

136. Антикоррупционная служба упразднена: в Казахстане создают новое ведомство. – Lada.kz, 30.06.2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.lada.kz/kazakhstan-news/140336-antikorruptsionnaia-sluzhba-uprazdnena-v-kazakhstane-sozdaiut-novoe-vedomstvo.html?ysclid=mhinurdpsh85342109/ (дата обращения: 04.11.2025 г.).

137. Изюмская Я.В. Соотношение составов «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» в уголовном праве ДНР // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – Т. 4, № 11-2. – С. 63–67.

138. Жолдыбаев Е.С. Государственное управление на основе проектного менеджмента в сфере цифровизации Республики Казахстан: дис. …докт. по профилю. – Астана: Академия гос.управления при Президенте РК, 2025. – 169 с.

139. Основы антикоррупционной культуры: учебное пособие / под ред. Б.С. Абдрасилова. – Астана: Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, 2016. – 176 с

140. Камназаров М.М., Сарсенов А. Анализ национальных законодательств зарубежных государств в сфере борьбы с коррупцией (Сингапур, Южная Корея, США, Россия) // Научно-исследовательские материалы по противодействию коррупции. – 2013 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sud.gov.kz/rus/content/analiz-nacionalnyh-zakonodatelstv-zarubezhnyh-gosudarstv-v-sfere-borby-s-corrupciey-singapur (дата обращения: 07.10.2025 г.).

141. Сучкова Е. В. Новые формы злоупотребления должностными полномочиями в цифровой среде // Молодой ученый. – 2024. – № 42 (541). –С. 194-196.

142. Приговор Хромтауского районного суда Актюбинской области от 08 декабря 2023 года по делу № 1560-23-00-1/41: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 07.10.2025 г.).

143. Приговор Суда № 2 г. Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области от 18 июля 2023 года по делу № 1-275-2023: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 07.10.2025 г.).

144. Левашенко А.Д., Коваль А.А. Подходы к устранению правовых барьеров в области регулирования оборота данных, технологий и онлайн-

платформ для развития цифровой экономики в России. – М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2022. – 40 с.

145. Криминология / под ред. И.И. Рогова, К.Ж.Балтабаева. – Алматы: Норма-К, 2004. – 336 с.

146. Каиржанов Е.И. Криминология. Общая часть: Учебник для юрид. вузов. Издание 2-е. – Алматы: Өркениет, 2000. – 288 с.

147. Долгова А.И. Криминология. Краткий учебный курс. – М.: НОРМА, 2002. – 272 с.

148. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 107–112.

149. Игнатов А. Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального ун-та. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 1. – С. 319–326.

150. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. – М.: Норма, 2018. – 368 с.

151. Приговор Суда № 2 города Костаная Костанайской области от 28 мая 2020 г. по делу №3911-20-00-1/170: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 07.10.2025 г.).

152. Панченко П.Н. Квалификация должностных преступлений, совершаемых в сфере экономики. – Н.Новгород: Нижегородская Высшая школа МВД РФ, 1995. – 100 с.

153. Пинчук В. И. Соучастие в преступлении: Учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2002. – 44 с.

154. Агыбаев А. Двойная ответственность // Zakon.kz. – 17 августа 2016 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.zakon.kz/4811992-dvojnaja-otvetstvennost-a-agybaev.htm (дата обращения: 07.10.2025 г.).

155. Исследование: коррупционные преступления в Казахстане мужчины совершают чаще, чем женщины // The Steppe, 24 декабря 2021 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://the-steppe.com/novosti/issledovanie-korrupcionnye-prestupleniya-v-kazahstane-muzhchiny-sovershayut-chashche-chem-zhenshchiny (дата обращения: 07.10.2025 г.).

156. Социологический портрет коррупционера составили в Казахстане // Informburo.kz, 24 декабря 2021 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://informburo.kz/novosti/sociologiceskii-portret-korrupcionera-sostavili-v-kazaxstane (дата обращения: 19.10.2025 г.).

157. Гендерное отличие в коррупционной культуре // Официальный сайт АО «Казахстан инжиниринг», 8 августа 2023 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ke.kz/ru/press-center/news/4833/ (дата обращения: 19.10.2025 г.).

158. Global Gender Gap Report 2024 / Kusum Kali Pal, Kim Piaget, Saadia Zahidi, Silja Baller. – Geneva: World Economic Forum, 11 June 2024 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2024/(дата обращения: 19.10.2025 г.).

159. Шашкина А. Экс-министру здравоохранения Биртанову дали пять лет ограничения свободы // Kursiv Media Kazakhstan, 28 октября 2022 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kz.kursiv.media/2022-10-28/eks-ministru-zdravoohraneniya-birtanovu-dali-pyat-let-lisheniya-svobody/ (дата обращения: 19.10.2025 г.).

160. Приговор по делу Кожагапанова – детали // KazTAG информационное агентство, 19 мая 2025 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kaztag.kz/ru/news/prigovor-po-delu-kozhagapanova-detali (дата обращения: 19.10.2025 г.).

161. Тимошина Е.М. Криминологическое изучение семьи как антикриминогенного фактора в предупреждении отклоняющегося поведения детей: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008. – 26 с.

162. Комитет по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Правовая статистика: официальные статистические отчёты // Qamqor.gov.kz. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics(дата обращения: 19.10.2025 г.).

163. Татубаев Т.М. Социальные условия, способствующие правонарушениям с использованием служебного положения государственными служащими Республики Казахстан // Вестник Поволжского института управления (ПАГС). – 2017. – № 3. – С. 46–53.

164. Daniyarov S., Turgumbayev Y., Sharipova A., Malikova A. & Beaver K.M. The Moderating Influence of Poverty on Criminal Justice Processing // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. – 2025. – Vol. 86. – P. 1–22. – DOI: 10.1177/0306624X251345511.

165. Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 686 с.

166. Волженкин Б.В., Квашис В.Е., Цагикян С.Ш. Ответственность за взяточничество. – Ереван: Айастан, 1988. – 198 с.

167. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения: 11.11.2025 г.).

168. Смирных Д.А. Криминологическая характеристика лиц, злоупотребляющих должностными полномочиями и превышающих должностные полномочия // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 279–283.

169. Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени

В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 1. – С. 319–326.

170. Плехова О. А. Уголовная ответственность за злоупотребление и превышение должностных полномочий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.

171. Баймаганбетов С. Злоупотребление полномочиями: теория и практика // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2010. – № 4 (20). – С. 49–53.

172. Приговор Межрайонного суда по уголовным делам г.Астаны от 26 сентября 2024 г. по делу № 7141-24-00-1/1607: Банк судебных актов. Сайт Верховного Суда Республики Казахстан [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://office.sud.kz/form/courtActs/document.xhtml (дата обращения: 21.10.2025 г.).

173. Симонова С.С. Теория и практика профилактики преступлений: Учебное пособие. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – 76 с.

174. Костин С. Г. Полицейское усмотрение в условиях цифровой трансформации государственного управления // NB: Административное право и практика администрирования. – 2025. – № 1. – С. 24–38.

175. Облогин С. Ю. Сингапурская антикоррупционная политика как наиболее удачная модель противодействия коррупции // Экономика и социум. – 2018. – № 1 (44). – С. 591–594.

176. Rasulev A., Ismailov B. Organizational and legal aspects of the application of digital technologies in countering corruption: foreign experience and legal practice // Society and Innovations. – 2020. – №1(2). – Pp. 300-320. DOI: 10.47689/2181-1415-vol1-iss2-pp300-320.

177. Кусаинова А.К. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере электронного документооборота в Республике Казахстан: дис. … доктора философии (PhD). – Алматы, 2022. – 158 с.

178. Кутубаева А. В Алматы выявили схему кражи новой брусчатки. – Kursiv Media, 28 августа 2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kz.kursiv.media (дата обращения: 21.10.2025 г.).

179. Волков А. МВД опровергло слежку за Санжаром Бокаевым // Orda.kz. – 18 июня 2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://orda.kz/mvd-oproverglo-slezhku-za-sanzharom-bokaevym-403160

180. Батищева Н. А. Понятие «whistleblowers» и проблема защиты информаторов о преступлениях в европейской правовой культуре // Право и практика. – 2021. – № 1. – С. 40–44.

181. Алимова Э.А., Байсеитова А.Т., Кегембаева Ж.А. Прогнозирование преступности в эпоху цифровых технологий // Ғылым / Наука. – 2024. – № 2 (81). – С. 57–62.

182. Амангельдиев А. Цифрлық трансформация: Канада, Сингапур және Оңтүстік Корея тәжірибелері // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық

университетінің хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сериясы. – 2024. – Т. 148. – № 3. – Б. 178–194.

183. Singapore Association for Counselling. Code of Ethics. – 2018 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sacsingapore.org/membership/code-of-ethics/ (дата обращения: 21.10.2025 г.).

184. Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы) от 31 марта 2023 года № 112 «Об утверждении Типового положения об антикоррупционных комплаенс-службах в субъектах квазигосударственного сектора» [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032211 (дата обращения: 21.10.2025 г.).

185. OECD. Quality Budget Institutions: Developments in OECD countries, OECD Publishing, Paris, 2025 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://doi.org/10.1787/8e811202-en (дата обращения: 21.10.2025 г.).

186. OECD/ Улучшение рамочных условий для цифровой трансформации бизнеса в Казахстане. – OECD Publishing, Paris, 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://doi.org/10.1787/6b6e7aa8-ru (дата обращения: 21.10.2025 г.).

187. Transparency International Kazakhstan. Казахстан по-прежнему в числе стран с высокой коррупцией (ИВК 2024). – 11 февраля 2025 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://transparency.kz/ru/news/82-kazakhstan-po-prezhnemu-v-chisle-stran-s-vysokoy-korruptsiey-ivk-2024.html (дата обращения: 21.10.2025 г.).

188. Министерство юстиции Казахстана представило новые проекты цифровизации госуслуг // Sputnik Казахстан. – 17 октября 2024. [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ru.sputnik.kz/20241017/minyust-kazakhstana-gosuslugi-47908600.html (дата обращения: 24.10.2025 г.).

189. Казахстан на пути к устойчивому развитию / Под ред. Кошербаевой А.Б. – Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2024. – 54 с.

190. Эффективность госуправления – наилучший результат Казахстана по WGI // Economic Research Institute. – 3 октября 2023 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://eri.kz/ru/Novosti_instituta/id=5967 (дата обращения: 24.10.2025 г.).

191. Тлеубаева С.А. Актуальные проблемы внутреннего аудита в Казахстане // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 12-1 [электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-vnutrennogo-audita-v-kazahstane (дата обращения: 21.10.2025 г.).

Приложение А.

ПРОЕКТ
Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан

О внесении изменений и дополнений в Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений»

Внести изменения и дополнения в Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» (с изменениями и дополнениями, внесенными нормативными постановлениями Верховного Суда Республики Казахстан от 11 декабря 2020 года № 6; от 29 ноября 2024 года № 6):

1. дополнить пунктом 4-1 следующего содержания:

«4-1. Под использованием служебных полномочий вопреки интересам службы следует понимать совершение должностным лицом действий (или бездействия), формально входящих в его служебную компетенцию, но осуществляемых с нарушением принципов законности, добросовестности и беспристрастности, направленных на удовлетворение корыстных или иных личных интересов самого должностного лица либо третьих лиц, в результате чего причиняется вред охраняемым законом интересам государственной или общественной службы, правам и законным интересам граждан и организаций.»;

2. в пункте 21 абзац первый изложить в следующей редакции:

«При квалификации преступлений, совершенных с использованием служебного положения, следует исходить из того, что данный признак отражает способ совершения преступления, а не образует самостоятельный состав. В случаях, когда деяние должностного лица охватывается признаками состава, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК Республики Казахстан (например, хищение, обман, злоупотребление или превышение должностных полномочий), дополнительная квалификация по признаку использования служебного положения не допускается. При наличии идеальной совокупности преступлений суды обязаны разграничивать каждое деяние по признакам объективной стороны, исключая дублирование квалификации и обеспечивая единообразие судебной практики. Если лицо, указанное в части первой статьи 361 УК, использовало служебные полномочия вопреки интересам службы в целях извлечения выгод и преимуществ для себя, других лиц или организаций, своими действиями (бездействием) нанесло вред кому-либо, и это повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, то содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки (внеочередное получение жилья, получение льготного кредита и т.п.). Такие действия должны квалифицироваться как злоупотребление должностными полномочиями.»;

3.дополнить пункт 21 абзацем третьим следующего содержания:

«Личная заинтересованность, как форма мотивации действий должностного лица, может выражаться не только в получении материальных выгод, но и в нематериальных формах: карьерное продвижение, стремление угодить руководству, получение преференций для родственников и приближенных лиц, укрепление властных позиций и пр.»;

4. дополнить пунктом 21-1 следующего содержания:

«21-1. В случае, если злоупотребление должностными полномочиями или превышение власти совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе электронных реестров, цифровых платформ, государственных информационных систем, что повлекло искажение, уничтожение, блокировку или неправомерное изменение цифровых данных, деяние подлежит квалификации по части четвертой статьи 362 УК с учетом квалифицирующего признака, установленного пунктом 5) части 4 статьи 362 УК.»;[*]

5. в пункте 31 абзац первый изложить в следующей редакции:

[*] При внесении соответствующих изменений в п.5 ч.4 ст. 362 УК РК.

«31. Обратить внимание судов на важность профилактической работы по устранению фактов коррупции. В связи с этим не должны оставаться без надлежащего реагирования установленные при рассмотрении дела причины и условия, способствовавшие совершению преступлений, связанных с коррупцией, которые отрицательно влияют на состояние законности в Республике Казахстан. Суду следует учитывать обстоятельства, свидетельствующие о групповом характере деяния, устойчивости межличностных связей между участниками, использовании служебных полномочий по предварительному сговору, а также наличие внутрисистемных факторов, способствующих совершению правонарушения (порука, неэффективность внутреннего контроля, отсутствие антикоррупционного комплаенса).»

Председатель Верховного Суда Республики Казахстан

Судья Верховного Суда Республики Казахстан,
секретарь пленарного заседания

Приложение Б.

СПРАВКА
о результатах проведенного анкетирования

В ходе диссертационного исследования было проведено анкетирование государственных служащих, направленное на выявление проблем понимания, квалификации и профилактики злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти.

В опросе приняли участие более 120 государственных служащих различных центральных и местных органов исполнительной власти, а также служащие территориальных подразделений государственных органов.

Наибольшая доля респондентов (около 65 %) представлена работниками центральных исполнительных органов и их территориальных подразделений, 35 % – сотрудниками местных исполнительных органов.

Образование и стаж. Все опрошенные имеют высшее образование, из них около 70 % – юридическое, 20 % – экономическое и 10 % – иное. По стажу государственной службы: до 3 лет – 18 %, от 3 до 7 лет – 34 %, от 7 до 15 лет – 32 %, свыше 15 лет – 16 %. Это позволяет охватить как молодых специалистов, так и опытных управленцев.

Уровень правовой осведомленности. Большинство респондентов (около 82 %) указали, что знакомы с положениями Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающими ответственность за должностные и коррупционные преступления (статьи 361, 362, 366-368 и др.). Однако около 40 % признали, что их знания носят в большей степени теоретический характер и не всегда подкреплены практическими навыками правоприменения.

Проблемы разграничения злоупотребления и допустимого использования полномочий. Почти 70 % респондентов отметили, что на практике существует сложность в определении границы между злоупотреблением и правомерным использованием власти, особенно в случаях, связанных с управленческим усмотрением. Среди причин назывались отсутствие четких методических разъяснений и неоднозначная судебная практика.

Факторы, способствующие злоупотреблениям. К основным внешним факторам злоупотреблений служащие отнесли:

– давление руководства и зависимость от начальства (63 %);

– организационные и нормативные пробелы (54 %);

– коррупционные риски, обусловленные системой распределения ресурсов (46 %);

– политическое влияние (22 %).

Среди внутренних (личностных) факторов чаще всего упоминались карьеризм (58 %), недостаточная профессиональная подготовка (47 %), низкий уровень правосознания (42 %) и материальные затруднения (36 %).

Оценка законодательства. Половина опрошенных (51 %) считают, что уголовное законодательство в целом достаточно четко разграничивает составы злоупотребления и

превышения власти, однако более 40 % указали на необходимость более ясных формулировок признаков субъективной стороны (мотива и цели), что затрудняет квалификацию преступлений.

Практика привлечения к ответственности. Только 37 % респондентов считают существующую практику привлечения к уголовной ответственности справедливой и последовательной. 45 % отметили случаи избирательного подхода, а 18 % признали наличие необоснованных возбуждений дел, особенно в отношении руководителей среднего звена.

Контроль и комплаенс.По мнению 56 % опрошенных, внутренние механизмы контроля и комплаенса носят формальный характер и не всегда позволяют своевременно выявить нарушения. Вместе с тем 30 % отметили положительные сдвиги в результате внедрения антикоррупционных стандартов и служебной этики.

Цифровизация и открытость. Большинство респондентов (около 78 %) положительно оценили влияние цифровизации государственного управления (электронные сервисы, автоматизация документооборота, видеорегистрация) на снижение коррупционных рисков. Однако при этом почти 25 % указали на появление новых форм злоупотреблений, связанных с манипуляциями электронными документами и доступом к базам данных. При этом 62 % считают, что цифровизация усилила прозрачность процедур, а 18 % – что она мало изменила практику принятия решений на местах.

Ответственность и правовое сознание. 72 % респондентов указали, что страх дисциплинарной или уголовной ответственности оказывает умеренное сдерживающее влияние. При этом около 30 % считают, что риск наказания часто воспринимается как административная формальность, а не как элемент правовой культуры.

Профессиональная и правовая подготовка. Только 28 % опрошенных оценили уровень профессиональной и правовой подготовки государственных служащих как высокий. 57 % считают необходимым системное повышение квалификации в сфере служебной этики, уголовно-правовой ответственности и антикоррупционного комплаенса.

Социально-экономические условия. 62 % отметили, что низкий уровень оплаты труда и карьерные ограничения выступают косвенными причинами злоупотреблений. 41 % связали риск нарушений с нечеткостью должностных инструкций и перегрузкой.

Профилактика и внутренние меры. Система профилактики, по мнению большинства (65 %), существует, но не носит системного характера. Респонденты отметили необходимость укрепления независимости этических комиссий, расширения практики психологического тестирования и служебного аудита.

Объективность расследований. Более половины респондентов (72 %) считают, что расследования дел о злоупотреблениях осложняются корпоративной солидарностью и зависимостью следственных органов от административных структур.

Влияние общественного мнения. 47 % респондентов признали, что давление общественного мнения и СМИ часто влияет на восприятие таких дел, создавая «эффект предвзятости» по отношению к госслужащим.

Меры кадровой политики. Наиболее эффективными для предупреждения злоупотреблений названы: ротация кадров (59 %), прозрачные процедуры оценки деятельности (64 %), внедрение электронных систем отчетности (65 %).

Правовая защита и доверие к государству. Лишь 22 % опрошенных заявили, что чувствуют правовую поддержку и защиту со стороны государства при добросовестном исполнении обязанностей. 65 % считают, что система правовой и социальной защиты нуждается в усилении, особенно в части защиты от необоснованных обвинений.

Таким образом, результаты анкетирования показали, что большинство государственных служащих осознают общественную опасность злоупотребления властью и необходимость совершенствования правового регулирования и профилактики. Вместе с тем сохраняются проблемы нечеткости законодательных формулировок, формального контроля, недостаточной правовой культуры и неравномерного внедрения цифровых инструментов прозрачности.

Повышение эффективности противодействия злоупотреблениям требует комплексных мер: развития служебного комплаенса, усиления правового просвещения, расширения цифрового мониторинга и укрепления гарантий правовой защищенности добросовестных служащих.

А Н К Е Т А

для опроса государственных служащих
(в рамках научного исследования по теме «Уголовно-правовые и криминологические проблемы злоупотребления должностными полномочиями и превышения власти или должностных полномочий»)

Благодарим Вас за согласие на участие в анкетировании. Ваши ответы окажут большую помощь в проводимом исследовании.

Опрос проводится анонимно, его результаты будут использованы исключительно в научных целях. Поэтому просим Вас дать ответы, отражающие реальное положение дел и Ваше личное мнение, в конкретной и краткой форме.

1. Укажите Ваше место работы, занимаемую должность и стаж государственной службы:

_____

2. Как Вы оцениваете уровень осведомленности государственных служащих о положениях Уголовного кодекса Республики Казахстан, предусматривающих ответственность за совершение должностных и коррупционных уголовных правонарушений:

_____

3. В чем, по Вашему мнению, состоит основная сложность разграничения «злоупотребления должностными полномочиями» и «допустимого использования полномочий»? Встречались ли Вам на практике случаи, когда определение такой границы вызывало затруднение?

_____

4. Как Вы считаете, какие внешние факторы (политические моменты, организационные недочеты, коррупционные риски, давление руководства) чаще всего способствуют злоупотреблению должностными полномочиями или превышению власти (должностных полномочий)?

_____

5. Какие внутренние (личностные) факторы, по Вашему мнению, чаще всего приводят к превышению или злоупотреблению полномочиями?

_____

6. Насколько, на Ваш взгляд, действующее уголовное законодательство (в частности, статьи 361, 362 УК РК) достаточно четко разграничивает злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти или должностных полномочий?

_____

7. Какие нормы законодательства, регулирующие ответственность за злоупотребление или превышение полномочий, нуждаются, по Вашему мнению, в уточнении или совершенствовании?

_____

8. Считаете ли Вы, что существующая практика привлечения к уголовной ответственности за должностные злоупотребления является справедливой и последовательной?

_____

9. Встречались ли, по Вашему наблюдению, случаи необоснованного привлечения государственных служащих к уголовной ответственности по статьям 361 или 362 УК РК?_

_____

10. Считаете ли Вы, что уровень внутреннего контроля и служебного комплаенса в государственных органах достаточен для предотвращения злоупотреблений властью?

_____

11. Как Вы оцениваете влияние процессов цифровизации государственного управления (электронные сервисы, автоматизация документооборота, видеорегистрация, электронное правосудие и т.д.) на снижение коррупционных рисков и злоупотреблений должностными полномочиями?

_____

12. По Вашему мнению, в какой мере страх дисциплинарной, административной или уголовной ответственности влияет на поведение служащих при принятии решений?

_____

13. Какие формы корпоративной этики и антикоррупционной культуры могли бы наиболее эффективно снизить риск превышения власти или злоупотребления полномочиями?

_____

14. Как Вы оцениваете уровень профессиональной и правовой подготовки государственных служащих в вопросах ответственности за должностные преступления?

_____

15. Какие социальные или экономические обстоятельства чаще всего подталкивают к неправомерному использованию власти (низкая заработная плата, карьерное давление, нечеткие должностные инструкции и т.д.)?

_____

16. Как Вы считаете, достаточно ли развита система профилактики и предупреждения злоупотреблений должностными полномочиями в Вашем

органе (например, внутренний аудит, этические комиссии, психологическая поддержка)?_

_____

17. Что, по Вашему мнению, мешает объективному расследованию дел, связанных с превышением власти или злоупотреблением полномочиями (корпоративная солидарность, политическая зависимость, недостаток доказательств)?

_____

18. Как Вы считаете, влияет ли общественное мнение и СМИ на объективность оценки действий государственных служащих при рассмотрении подобных дел?

_____

19. Какие меры профилактики и кадровой политики (ротация, служебные проверки, прозрачность процедур) Вы считаете наиболее эффективными для предупреждения злоупотреблений?

_____

20. Как Вы оцениваете в целом уровень доверия государственных служащих к системе правовой защиты при добросовестном исполнении служебных обязанностей? Ощущаете ли Вы поддержку со стороны государства?

_____

Искренне благодарим Вас за оказанную помощь!